

ДЖЕРРИ
ГРАНЧИ

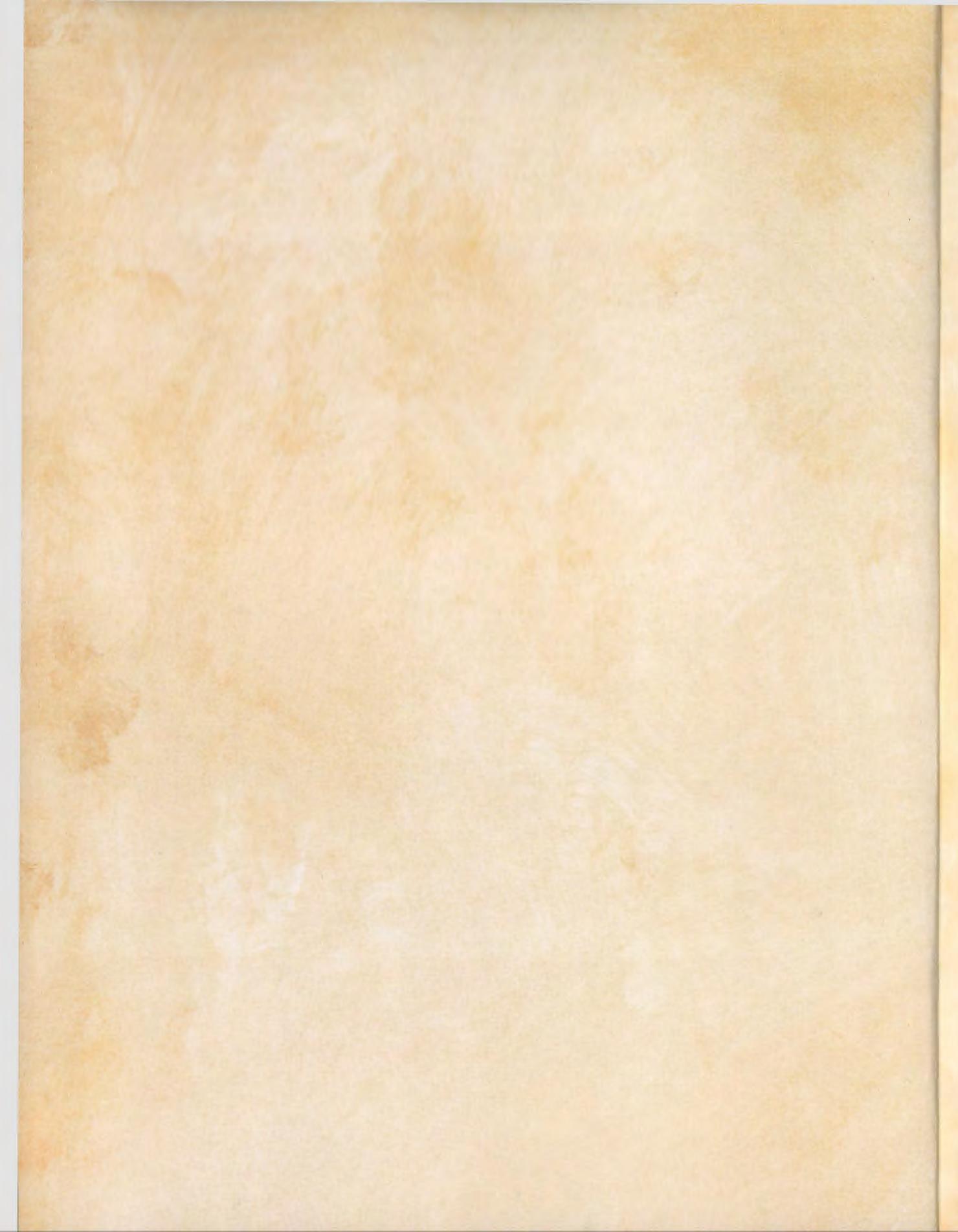
СКАЗАНИЕ
О ПЛОСКОМ
МИРЕ

ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ
илюстрации
ПОЛА КИДБИ

ТЕРРИ ПРАТЧЕТТ

ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ

Сказание о Плоском мире

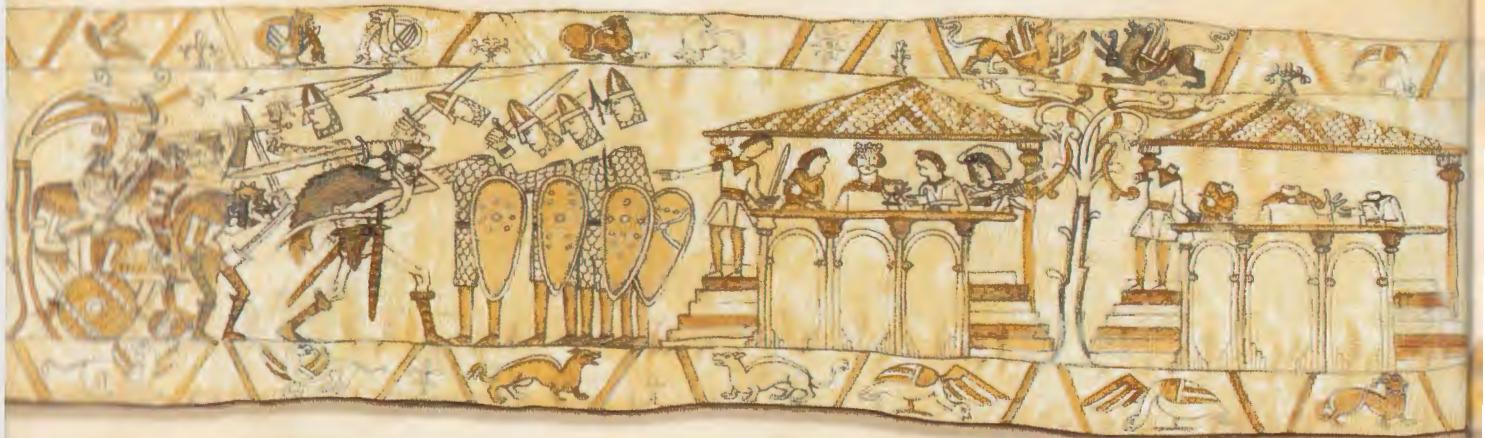
Иллюстрации ПОЛА КИДБИ

Москва
2018

Книги Терри Пратчетта

«ЦВЕТ ВОЛШЕБСТВА»	«МЕЛКИЕ БОГИ»
«БЕЗУМНАЯ ЗВЕЗДА»	«ДАМЫ И ГОСПОДА»
«ТВОРЦЫ ЗАКЛИНАНИЙ»	«К ОРУЖИЮ! К ОРУЖИЮ!»
«МОР, УЧЕНИК СМЕРТИ»	«ЭРИК, А ТАКЖЕ НОЧНАЯ СТРАЖА,
ВЕДЬМЫ И КОЭН-ВАРВАР»
«ПОСОХ И ШЛЯПА»	«РОКОВАЯ МУЗЫКА»
«ВЕЩИЕ СЕСТРИЧКИ»	«ИНТЕРЕСНЫЕ ВРЕМЕНА»
«ПИРАМИДЫ»	«МАСКАРАД»
«СТРАЖА! СТРАЖА!»	«НОГИ ИЗ ГЛИНЫ»
«ДВИЖУЩИЕСЯ КАРТИНКИ»	«САНТА-ХРЯКУС»
«МРАЧНЫЙ ЖНЕЦ»	«ПАТРИОТ»
«ВЕДЬМЫ ЗА ГРАНИЦЕЙ»	«ПОСЛЕДНИЙ КОНТИНЕНТ»

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4 Вел)-44
П68

Посвящается Сандре, Джо, Сэмю и Джошу.
А также — вечной памяти Дэна...

Пол Кидби, 2001 г.

Светлой памяти Старика Винсента

Печатается по изданию
Terry Pratchett
The Last Hero. A Discworld Fable

Перевод Николая Берденникова и Александра Жикаренцева

П68 **Пратчетт, Терри.** Последний герой. Сказание о Плоском мире / Терри Пратчетт; [пер. с англ. Н. Берденникова, А. Жикаренцева; ил. П. Кидби]. — Москва: Издательство «Э», 2018. — 160 с.: ил.

УДК 821.111-312.9
ББК 84(4 Вел)-44

Ответственный редактор А. Жикаренцев
Дизайн переплета И. Сауков
Технический редактор М. Печковская
Компьютерная верстка Г. Дегтяренко
Корректор М. Мазалова

Copyright © 2001 Terry and Lyn Pratchett
Copyright © 2001 Sandra and Paul Kidby

Discworld ® is a trade mark registered by Terry Pratchett

The rights of Terry Pratchett to be identified as the author of this work and Paul Kidby to be identified as the illustrator of this work have been asserted by them in accordance with the Copyright, Designs and Patents Act 1988.

First published by Victor Gollancz Ltd., London.

This edition published by arrangement with Orion Publishing Group and Synopsis Literary Agency

ООО «Издательство «Э».
123308, Москва, ул. Зорге, д. 1. Тел.: 8 (495) 411-68-86.
Өндүрүш: «Э» АКБ Баспасы, 123308, Москва, Ресей, Зорге көшөсі, 1 ўй.
Тел.: 8 (495) 411-68-86
Түүр белгісі: «Э»
Казакстан Республикасының дистрибьютор жана еңбекші архыз-тапалттарды қызметтедүүчүнүү,
екін «РДЦ-Амбаты» ЖШС, Алматы қ., Домбровский үшін, 3-а, литер Б, офис 1.
Тел.: 8 (727) 251-59-89/90/91/92, факс: 8 (727) 251 58 12 ан. 107.
Өзінің жаһардаудың мерзімі шектелгемен.
Сертификация туралы акттардың сайтта Өндүрүш «Э»
Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ
о техническом регулировании можно получить на сайте Издательства «Э»
Өндүрүштегі мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылған
Подписано в печать 25.12.2017
Формат 84x108 1/16. Гарнитура Светлана. Печать офсетная.
Бумага мелованная. Усл. печ. л. 8,8
Доп. тираж 2000 экз. Заказ № В3К-00113-18.
Отпечатано в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «Дом печати — ВЯТКА».
610033, г. Киров, ул. Московская, 122.

ISBN 978-5-699-17413-3

9 785699 174133 >

ISBN 978-5-699-17413-3

© ООО «Издательство «Э», издание на русском языке, 2018

Ирежде всего, поговорим о месте, где произошла наша история. А случилось все на планете, покоящейся на спинах у четырех слонов, которые стоят на панцире гигантской черепахи. Таково уж преимущество вселенной. Она достаточно велика, чтобы вместить в себя практически все, что угодно, чем она с успехом и пользуется.

«Но могут ли существовать черепаха в десять тысяч миль длиной и слоны высотой более чем в две тысячи миль?» — удивляются люди. Это их удивление еще раз доказывает, что человеческий мозг плохо приспособлен для мыслительных процессов — скорее всего, изначально он был предназначен для охлаждения проходящей через него крови. Первым делом человеческий мозг изумляют *размеры*.

Тогда как в размерах нет ничего удивительного. Куда больше поражают сами черепахи, да и слоны — крайне замечательные звери. А тот факт, что где-то во вселенной живет очень большая черепаха, куда менее примечателен, чем факт *существования* самой обычной черепашки.

Что же касается *причин* нашей истории — их было великое множество. Немалую роль сыграло естественное человеческое желание делать то, что запрещено, — просто потому, что это запрещено. А также желание раздвинуть свои горизонты и поубивать всех, кто живет за ними. Таинственные свитки — о них тоже следует упомянуть. И чуть-чуть виной всему была эротика (как считали некоторые). Но самую большую роль сыграло знание, что однажды (быть может, очень скоро) всему придет конец.

«Ну что ж, жизнь продолжается» — так обычно говорят, когда кто-нибудь умирает. Однако покойный имеет несколько иную точку зрения. Не жизнь продолжается, а вселенная. Ты был так близок к цели, и вдруг — раз, и ты всего лишился — из-за болезни, трагического происшествия или, допустим, тебя стукнуло нечто с непривычным названием. Почему так происходит — сие есть одна из величайших тайн бытия, столкнувшись с которой, люди либо начинают молиться... либо ругаются очень неприличными словами.

Теперь настало время поговорить о начале. Началась наша история давным-давно, десятки тысяч лет назад, бурной, грозовой ночью. Какой-то яркий огонек спускался по склону горы, высившейся в центре мира. Двигался этот огонек странными рывками, то появляясь, то пропадая, как будто невидимый человек, его несущий, то и дело оскальзывался, прыгая с камня на камень.

Затем огонек и вовсе рассыпался на искры, приземлившись вместе с лавиной на дне глубокого ущелья. Из снега осталась торчать лишь рука, сжимающая едва тлеющий, дымящийся факел, однако ветер, насланный гневом богов и движимый неким собственным чувством юмора, раздул угли, вдохнул в них жизнь...

И с тех пор пламени этому суждено было гореть вечно.

Ну а начало конца нашей истории было положено высоко-высоко в небесах. Нарезая большие круги, птица постепенно спускалась к такому древнему и такому современному городу по имени Анк-Морпорк, в котором, как утверждалось, можно было купить и продать решительно все — «ну а если у нас этого нет, мы вам это украдем».

А если не украдем, то по крайней мере выдумаем...

Птица, выискивающая острым взором нужное здание, была специально обученным альбатросом бесцельным — не самое необычное существо на Плоском мире.* Всю свою жизнь альбатрос бесцельный проводил, лениво фланируя в небесах от Края к Пупу и обратно — ну и скажите, пожалуйста, где тут цель?

Однако этот альбатрос был ручным — более или менее. Его безумно поблескивающий глаз-бузинка безошибочно вычислил, где можно разжиться анчоусами (как альбатрос бесцельный определяет это, остается полной загадкой). Кроме того, наконец-то с его, альбатроса, лапы снимут этот неудобный цилиндр. Игра стоит свеч, принял решение альбатрос, из чего можно сделать следующий вывод: альбатросы бесцельные на самом деле ведут себя не так уж бесцельно, но все равно довольно-таки тупо.

Не то что люди...

*По сравнению с теми же пчелами-республиканками, которые, чем заниматься делом, большую часть времени проводят в улье, голосуя за повышение объемов добычи меда.

АНК-МОРПОРК

читается, что в свое время огонь был великой мечтой всего человечества. Однако с тем же успехом можно утверждать, что предок человека дни и ночи мечтал о том, как бы свалиться со своей ветки. Или вот вам, к примеру, еще одна великая человеческая мечта: о том, чтобы за ним, человеком, гонялись бы огромные зубастые башмаки. А никто и не говорил, что мечта должна быть разумной.

Последние три часа выдались очень насыщенными. Лорд Витинари, патриций Анк-Морпорка, стоял в Главном зале Незримого Университета, пребывая под изрядным впечатлением от увиденного. Что ни говори, а волшебники, осознав важность проблемы, после чего плотно пообедав и подробно обсудив съеденный пудинг, могли работать очень быстро.

Хотя их метод решения проблем оставлял желать лучшего. Патриций назвал бы это языковым штурмом. Допустим, имеется вопрос: «Какое заклинание лучше использовать, чтобы превратить сборник стихов в лягушку?» Как поступит обычный человек? Первым делом заглянет в какой-нибудь справочник типа «Амфибные Заклинания и Их Влияние на Литературную Среду». Именно так поступит обычный человек, но не волшебник. Все-таки это отчасти жульничество. Волшебники ни в какие книжки не лазают, они сразу начинают спорить, прикашивают классную доску и, вырывая друг у друга кусочек мела, принимаются что-то корябать на ней. Причем один стирает то, что пишет второй, даже не дождаясь, когда тот, второй, закончит. Однако, следует признать, этот подход работает.

В центре зала высился какой-то прибор, который искушенный в науках и искусствах патриций охарактеризовал бы следующим образом: огромное увеличительное стекло, обрамленное странного вида штуковинами.

— С формальной точки зрения, милорд, с помощью омникопа можно увидеть буквально все, — сообщил аркканцлер Чудакули, который, с той же формальной точки зрения, считался главой всех известных волшебников*.

— Правда? Поразительно.

— Буквально все и буквально в любое время, — продолжал Чудакули, судя по всему, ни-чуточки не впечатленный возможностями омникопа.

— Крайне полезный прибор.

— Все так говорят, — сказал Чудакули, с мрачным видом пиная пол ногой. — Беда лишь в том, что эта треклятая штуковина видит *абсолютно все*, поэтому *ничего определенного* с ее помощью не увидишь. По крайней мере, заслуживающего внимания. Просто диву даешься, сколько всяких мест существует во вселенной и сколько всяких времен.

— Например, двадцать минут второго, — кивнул патриций.

— И это среди прочих. Не желаете взглянуть сами, милорд?

Лорд Витинари осторожно подошел к прибору и некоторое время смотрел в большое круглое стекло. Потом нахмурился.

— Я вижу только то, что находится по другую сторону стекла, — пожал плечами он.

— А все потому, сэр, что прибор настроен на *здесь и сейчас*, — подсказал молодой волшебник, возившийся с омникопом.

— О, понятно, — произнес патриций. — Но, честно говоря, подобные приборы есть и в нашем дворце. Мы называем их *окнами*.

— А если я сделаю вот так, — ответил молодой волшебник, что-то подкручивая в оправе, — вы увидите то, что находится по *этую* сторону омникопа.

Лорд Витинари узрел собственное лицо.

— А это мы называем *зеркалами*, — сказал он терпеливо, словно бы объяснял что-то ребенку.

— Э-э, вряд ли, милорд, — откликнулся молодой волшебник. — Но чтобы понять, требуется некоторое время. Попробуйте, к примеру, поднять руку...

Лорд Витинари наградил его суровым взглядом, но руку тем не менее поднял.

— Ага, любопытно. И как тебя зовут, молодой человек?

— Думминг Тупс, сэр. Недавно возглавил факультет нецелесообразной магии. Понимаете ли, милорд, сделать омникоп было совсем нетрудно, в конце концов, он является лишь усовершенствованной моделью хрустального шара. Основная хитрость — это заставить его увидеть то, что нужно нам. Ну, вы как будто настраиваете музыкальный инструмент, и...

— Прошу прощения, какой-какой магии? — перебил его патриций.

— Нецелесообразной, милорд, — без запинки ответил Думминг, очевидно надеясь, что чистосердечное признание поможет избежать проблем. — Так или иначе, думаю, мы сумеем настроить его на нужную область. Но потребление мощности весьма значительно, поэтому придется пожертвовать еще одним хомяком.

Волшебники начали подтягиваться к омникопу.

— А в будущее тоже можно заглянуть? — спросил лорд Витинари.

— Теоретически да, милорд, — кивнул Думминг. — Но это будет не-сколько... неразумно. Предварительные исследования свидетельствуют о том, что сам факт наблюдения способен искажать форму волны в фазовом пространстве.

*То есть тех волшебников, которые знали аркканцлера Чудакули и соглашались, чтобы он их возглавлял.

Ни один мускул не дрогнул на лице патриция.

— Прошу прощения, — сказал он, — боюсь, мои сведения о преподавательском составе несколько устарели. Это ты принимаешь пилюли из сушеных лягушек?

— Нет, милорд. Это казначей, — ответил Думминг. — Он вынужден их принимать, потому что, гм, несколько свихнулся.

— А, — откликнулся Витинари, и тут на его лице все-таки появилось выражение. Выражение человека, который изо всех сил пытается держать свое мнение при себе.

— Милорд, господин Тупс имеет в виду, — сказал аркканцлер, — что, гм, в некотором *рэде* могут существовать миллиарды и миллиарды вариантов. Все они являются... возможными формами нашего будущего. Но скорее всего, нашим будущим *станет* то, которое вы *увидите*. И возможно, оно вам совсем не понравится. Тут, очевидно, действует знаменитый принцип неуверенности.

— Принцип неуверенности? И в чем же он заключается?

— Гм, я не совсем уверен... Господин Тупс лучше разбирается во всех этих штуках.

Мимо неторопливым шагом прошествовал орангутан с немыслимо огромной пачкой книг под мышкой. Лорд Витинари посмотрел на шланги, которые тянулись от омникопа сквозь открытую дверь через лужайку... к зданию факультета высокогенергетической магии?

Патриций еще помнил прежние времена, когда волшебники были костлявыми, нервными, полными коварства стариками. Кто-то, а прежние волшебники мигом расправились бы с этим самым принципом неуверенности. «Если ты в чем-то не уверен, — говорили они, — значит, ты что-то делаешь неправильно. Неуверенность Смерти подобна».

Омникоп замерзал, и в линзе появилось изображение заснеженного поля с черными фонарями на горизонте. Волшебник, который назывался Думмингом Тупсом, явно гордился собой.

— Кажется, вы говорили, что с помощью этой штуковины без труда можно его найти? — обратился Витинари к аркканцлеру.

Думминг Тупс поднял голову.

— У нас есть какая-нибудь принадлежавшая ему вещь? Что-нибудь личное? — спросил он. — Мы могли бы поместить этот предмет в морфический резонатор, подключить к омникопу — и храп! Он у нас как на ладони.

— А что случилось с магическими кругами и всячими там оплавившими свечами? — осведомился лорд Витинари.

— О, так гораздо быстрее, милорд. Круги и свечи — это если никуда не торопишься, — ответил Думминг.

— К сожалению, Коэн-Варвар не славится забывчивостью, — пожал плечами патриций.

— И после него, как правило, остаются только трупы. Нам известно только, что он направляется к Кори Челести.

— К горе, которая высится прямо на Пупе? Но зачем ему туда?

— Я надеялся, вы-то и расскажете мне об этом, господин Тупс. Именно поэтому я здесь.

Мимо снова проковылял библиотекарь с пачкой книг. Как правило, на всякую неожиданную ситуацию волшебники реагировали одинаково: первым делом они бросались рыться в библиотеках, проверяя, не случалось ли нечто подобное раньше. И лорд Витинари не осуждал их, наоборот, считал это поведение весьма полезной для выживания привычкой. Ведь когда миру грозит опасность, ты сидишь себе спокойненько среди книжек и за очень толстыми стенами.

Он снова посмотрел на клочок бумаги в руке. Ну почему все люди так глупы? Одна фраза привлекла его внимание: «Последний герой должен вернуть то, что было украдено первым».

Разумеется, все до единого знали, что было украдено первым героем.

ДУНМАНИФЕСТИН

Боги частенько играют судьбами людей. Игры эти не отличаются особой сложностью, так как богам не хватает терпения.

Мошенничество является частью правил, по которым играют боги. Для богов все средства хороши. Потеря всех верующих означает для бога *конец*. Но верующий, которому удалось уцелеть в божественной игре, обретает почет и дополнительную веру. У кого большинство верующих, тот и победил. А значит, выжил.

К верующим могут относиться и сами боги. Боги *верят* в веру.

В обители богов на Кори Челести, иначе называемой Дунманифестин, игры не прекращались ни на минуту. Снаружи Дунманифестин походил на перенаселенный город.* Не все боги обитали здесь, потому что кое-кто был привязан к определенной стране, а в случае совсем мелких богов — к определенному дереву. Но Дунманифестин был Местом Прописки. Именно здесь ты вывешивал свой метафизический эквивалент блестящей бронзовой таблички. Обитель богов отчасти походила на скромные по виду здания в фешенебельных районах города, в каждом из которых обитает полторы сотни адвокатов и бухгалтеров, размещенных в целях экономии места на полках или стеллажах.

Ну а почти домашний внешний облик Дунманифести на объяснялся совсем просто: не только боги влияют на людей, но и люди — на богов.

Кстати, большинство богов были весьма похожи на людей — в общем и целом, у людей не такое уж богатое воображение. Даже у Бога-Крокодила Оффлера только голова была крокодильей. Попроси человека нарисовать бога в обличье животного и получишь человекоподобное существо в уродливой маске. У людей куда лучше выходит придумывать всяких демонов, именно поэтому демонических тварей такое изобилие.

Сидящие над колесом мира боги продолжали свои игры. Но пешка, которая пересекла всю доску, может претерпеть весьма необычную метаморфозу, и об этом боги порой забывали.

*Лишь в некоторых религиях существует представление о размере небес, но на планете Земля Откровение Иоанна Богослова (глава XXI, стих 16) определяет небеса как куб со стороной в 12 000 стадий. То есть полный объем составляет чуть меньше 500 000 000 000 000 000 кубических футов. Даже если допустить, что святой дух и прочие необходимые службы занимают две трети этого объема, на каждое человеческое существо придется где-то один миллион кубических футов — при условии допуска на небеса всякого существа, которое можно назвать «человеческим», и учитывая тот факт, что человеческая раса в целом будет насчитывать в тысячу раз больше представителей, чем жило до сегодняшнего дня. Это пространство настолько огромно, что вполне хватит места даже представителям парочки внеземных цивилизаций или — какая удачная мысль! — домашним животным.

На то, чтобы слух распространился по городу, понадобилось некоторое время, но очень скоро главы Гильдий по двое или по трое уже спешили к Незримому Университету. Потом новость достигла ушей послов. Гигантские семафорные башни, возведенные вокруг города и отвечающие за бесперебойное оповещение Диска касательно рыночных цен, передали сигнал очистить линию для сверхсрочного сообщения. Затем во все канцелярии и замки на континенте понеслась страшная весть.

Сообщение, естественно, передавалось в зашифрованном виде. Если у вас имеется информация о конце света, вряд ли вы захотите, чтобы об этом узнали все и вся.

Лорд Витинари обвел тяжелым взглядом собравшихся за столом. Слишком много событий произошло за последние несколько часов.

— Итак, дамы и господа, позвольте резюмировать, — сказал он, когда взволнованные голоса наконец стихли. — По сообщению властей Гункунга, столицы Агатовой империи, император Чингиз Коэн, ранее известный миру как Коэн-Варвар, выступил к обиталищу богов с устройством значительной разрушительной силы и намерением, цитирую, «вернуть украденное взад». Короче говоря, нас просят воспрепятствовать ему.

— Но почему именно нас? — осведомился господин Боггис, глава Гильдии Воров. — Он ведь не *наш* император!

— Как я понимаю, правительство Агатовой империи считает, что нам подвластно все, — ответил лорд Витинари. — По их мнению, у нас есть запал, накал и закал, а также от нас можно ждать чего угодно и когда угодно.

— Чего угодно — это чего?

— В данном случае — спасения мира, — пожал плечами лорд Витинари.

— Мы что, должны спасать его для всех? — уточнил господин Боггис. — И для всяких чужеземцев тоже?

— Боюсь, что да, — кивнул лорд Витинари. — Нельзя спасти только те его части, которые нам особенно нравятся. Но следует помнить одно, господа и дамы: спасая мир, мы прежде всего спасаем то, что у нас под ногами. Займемся же делом. Аркканцлер, магия может нам помочь?

— Нет, — тут же откликнулся аркканцлер. — Волшебники за сотню миль обходят Кори Челести.

— Почему?

— По той же самой причине, почему не стоит лезть на обычной лодке в центр бури. В этих горах *слишком много магии*. Все волшебное сразу сгорает от неимоверной перегрузки. Ковер-самолет, к примеру, просто распустится в полете.

— Или превратится в брокколи, — добавил декан. — Или в небольшой томик стихов.

— То есть вовремя нам туда никак не поспеть?

— Ну... да. Не поспеть. Именно так. Они ведь уже у самого подножия Кори Челести.

— Кроме того, они — *герои*, — заметил господин Лучше, глава Гильдии Историков.

— И что это значит? — вздохнув, спросил патриций.

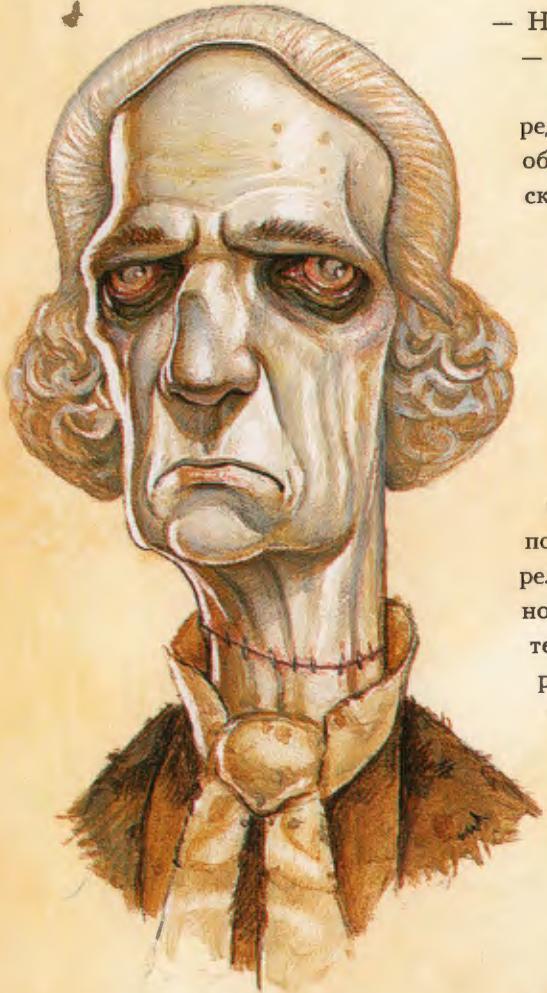
— Они умеют добиваться своего.

— Но они, насколько я знаю, глубокие старцы.

— Вернее, очень старые *герои*, — поправил его историк. — А это значит, что они обладают огромным *опытом* в умении добиваться своего.

Лорд Витинари снова вздохнул. Ему не нравилось жить в мире героев. Строишь-строишь цивилизацию, а потом появляется какой-нибудь герой и...

— Но что такого геройского совершил этот Коэн-Варвар? — спросил он. — Я просто хочу понять.

— Ну... нам известны... самые разные его деяния...

— Какие же?

— Он сражался с чудовищами, свергал тиранов, похищал редчайшие драгоценности, спасал девиц, — расплывчато объяснил господин Лучше. — Словом, много всякого геройского совершил...

— Но кто именно определяет чудовищность чудовищ и тиранство тиранов? — спросил лорд Витинари голосом, вдруг обретшим остроту скальпеля, который не столь смертоубийствен, как меч, зато впиваются в самые интимные места.

Господин Лучше с беспокойством заерзal на стуле.

— Ну, полагаю... сам герой.

— Ага. А кража редчайших драгоценностей? Здесь меня интересует только сам термин «кража», ведь это поступок, который не одобряют практически все мировые религии, не правда ли? Почему-то меня преследует странное ощущение, что все эти понятия определяются исключительно самим героем. Можно, к примеру, сказать: «Я — герой, поэтому, если я тебя убью, ты автоматически станешь человеком, которого может и должен убить герой». Короче говоря, герой — это лицо, совершающее поступки, за которые оно, согласно закону, немедленно должно оказаться за решеткой или становиться то, что иначе называется, если правильно помню, пенковым фанданго. А еще мы могли бы использовать такие слова, как убийство, грабеж, мародерство и изнасилование. Я правильно понимаю ситуацию?

— Только не изнасилование, — быстро произнес господин Лучше, наконец нашупав щелочку, за которую можно было уцепиться. — И только не в случае с Коэном-Варваром. Максимум это можно назвать похищением, гм, юных дев.

— С последующим изнасилованием оных.

— Последующее было невозможно в принципе, — возразил историк. — И я не слышал, чтобы по этому поводу высказывались жалобы.

— С юридической точки зрения, — встярал глава Гильдии Законников господин Кривс, — первым официально зарегистрированным геройским деянием стала кража имущества у законных владельцев. Это подтверждают существующие во многих культурах легенды.

— И то, о чем говорится в легендах, было действительно украдено? — удивился Чудакули.

— Вне всяких сомнений, — ответил законник. — Кража является основным стрежнем легенд. У богов был украден огонь.

— В данный момент проблема не в этом, — перебил лорд Витинари. — Проблема в том, господа, что Коэн-Варвар взирается на гору, на которой живут боги. И мы не можем его остановить. А он намеревается вернуть огонь богам. В виде... в виде... сейчас уточню...

Думминг Тупс поднял голову от блокнота, в котором что-то лихорадочно строчил.

— Пятидесятифунтового бочонка с агатовой громовой глиной, — сказал он. — И как только ихние волшебники допустили, чтобы эта штука попала в руки Коэна?..

— Ну, он ведь был... и, полагаю, до сих пор является тамошним императором, — откликнулся лорд Витинари. — А когда верховный правитель континента просит о чем-либо, предусмотрительный человек вряд ли будет настаивать на квитанции, подписанной господином Дженкинсом из отдела материального снабжения.

— Громовая глина — весьма мощная штука, — заметил Чудакулли. — Но она нуждается в специальном взрывателе. Внутри смеси нужно разбить банку с кислотой. Кислота пропитывает порошок, а потом ка-ак... шарахнет! Это выражаясь культурным языком.

— И к сожалению, тот же предусмотрительный человек счел необходимым снабдить Коэна одним из таких взрывателей, — добавил лорд Витинари. — И если этот «шарах» случится на вершине горы, являющейся центром магического поля всего мира, то, как я понимаю, это самое поле схлопнется на... На сколько, господин Тупс?

— Минимум на два года.

— Правда? Что ж, парочку лет мы вполне можем обойтись и без этого магического поля, — пожал плечами господин Кривс, всем своим видом показывая, что это будет даже забавненько.

— Со всем уважением, не можем, — произнес Думминг безо всякого уважения в голосе. — Моря пересохнут. Солнце выгорит и взорвется. Скорее всего, черепаха и слоны тоже прекратят свое существование.

— И все это в течение двух лет?

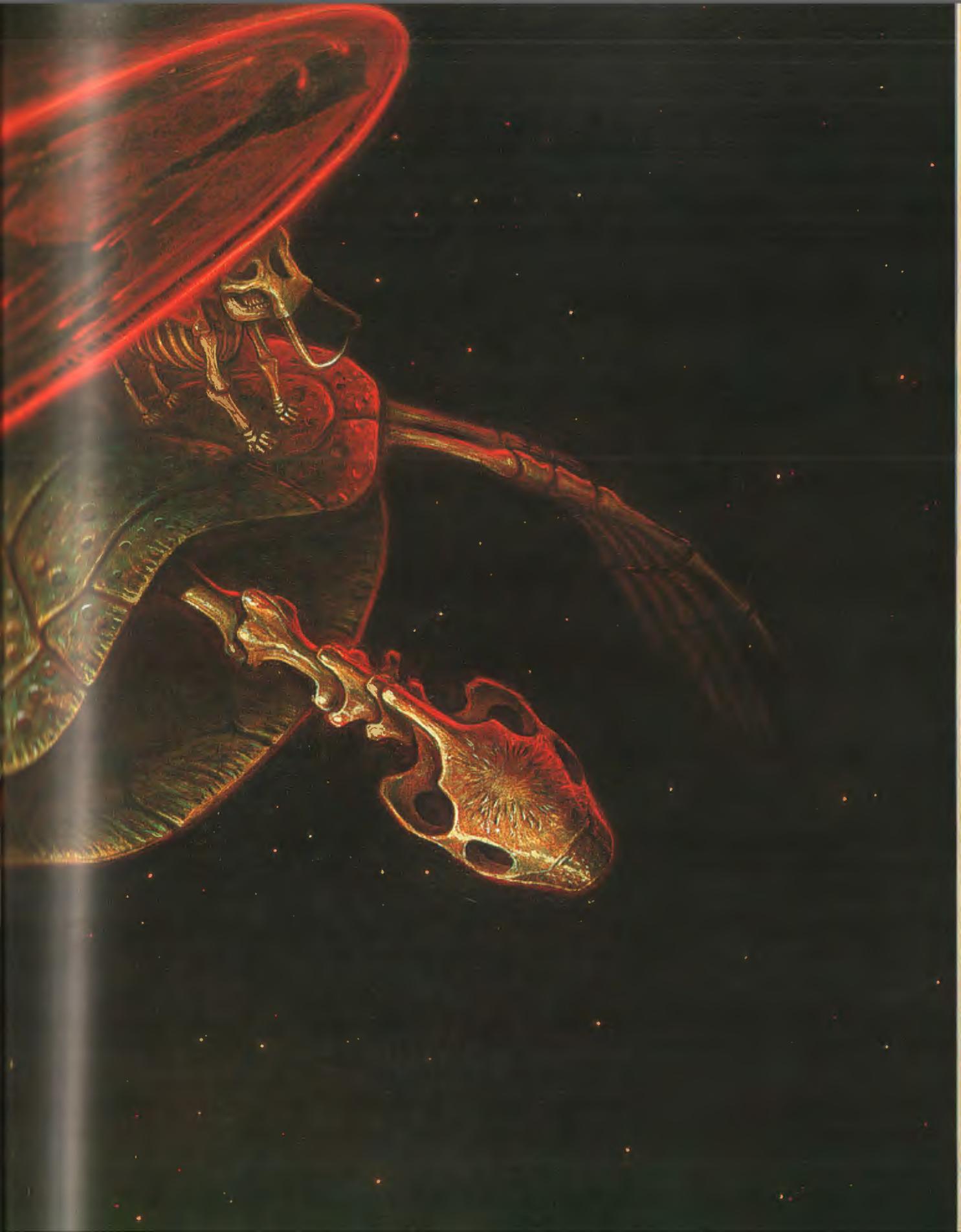
— О нет. Все это случится в течение нескольких минут. Магия — это ведь не только разноцветные огоньки да шарики. Именно благодаря магии существует наш мир.

Во внезапно наступившей тишине голос лорда Витинари прозвучал резко и отчетливо:

— Есть вообще кто-нибудь, кто знает хоть что-то об этом Чингизе Коэне? И кто сможет объяснить нам, почему этот варвар, перед тем как покинуть город, похитил из нашего посольства безобидного менестреля? Взрывчатка — понимаю, варварская штука, но на что менестрель-то ему сдался? Кто-нибудь может объяснить?

Рядом с Кори Челести дул пронизывающий ветер. Вблизи всемирная гора, похожая издали на иглу, выглядела как каскад грубых, зазубренных, устремленных в небеса пиков. Центральная вершина, уходящая на несколько миль в высоту, терялась в дымке снежных кристаллов, играющих в лучах солнца. Несколько старииков, прижаввшись друг к другу, сидели вокруг костра.

— Надеюсь, он не соврал о той лестнице из света, — сказал Малыш Вилли. — Мы облажаемся по полной, если ее не окажется на месте.

— Но он ведь не соврал насчет гигантского моржа, — напомнил Маздам Дикий.

— Какого-такого моржа?

— Ну, помнишь, мы шли по ледяному полю? И вдруг он как заорет: «Берегись! На нас сейчас нападет гигантский морж!»

— А, тот морж...

Вилли снова посмотрел на вершину. Воздух здесь казался разряженным, цвета — куда темнее, чем обычно; такое впечатление, подними руку — и коснешься неба.

— Никто не знает, наверху есть туалет? — спросил он.

— Должен быть, — откликнулся Калеб-Потрошитель.

— Точняк, я слыхал о таком. Великий Божественный Толчок.

— Чиво?

Они дружно повернулись к тому, что на первый взгляд могло показаться кучей меха на колесиках. Однако привычный к данному зрелищу глаз видел нечто иное, а именно: древнее кресло-каталку, установленное на лыжи и покрытое сплошным одеялом из шкур. Из шкур тащились подозрительные звериные глазки-бусинки.

К спинке кресла был привязан бочонок.

— Пора кормить его кашей, — сказал Малыш Вилли, подвешивая над огнем закопченный котелок.

— Чиво?

— БАЛАНДУ ТВОЮ ГРЕЮ, ХЭМИШ!

— Снова клятый морж?

— ДА!

— Чиво?

Все они были стариками, и беседы их в основном состояли из жалоб на боли в ногах, спинах и желудках. Двигались они медленно. Но было в их облике что-то этакое. Главным образом в глазах.

А глаза говорили, что эти старики побывали везде, где бы это самое «везде» ни было. И что бы «это» ни было, они это делали — иногда по несколько раз. И никогда, ни разу в жизни эти старики не покупали местных футболок. И они доподлинно знали значение слова «страх». Страх — это то, что случалось с другими людьми.

— Жаль, Стари-ка Винсента с нами нет, — сказал Калеб-Потрошитель, бесцельно ковыряясь палкой в углях.

— Мы, кажется, договорились больше не поминать его, — резко произнес Маздам Дикий. — Он отбыл, и клятое дело с концом.

— Да, но как он от-был... О бо-ги, надеюсь, со мной такого не случится. Такое... оно ни с кем не должно случаться.

- Енто конечно, — согласился Маздам.
- Настоящий был мужик. С честью выходил из всех передряг.
- Конечно.
- И в конце жизни схватить...
- Да знаем мы всё! Заткнешься ты или нет?!
- Ужин готов, — сказал Калеб, доставая из углей дымящийся кусок жира. — Шикарный моржовый бифштекс, а ну навались! Что скажет наш господин Красавчик?

Все обернулись на, судя по всему, человеческую фигуру, которая сидела, прислонившись спиной к камню. Из-за опутывавших ее многочисленных веревок фигура слегка потеряла свои очертания, но яркая расцветка одежды все равно резала глаз. В этом краю не было места ярким одеждам. Тут носили меха и кожу.

Малыш Вилли подошел к разодетому существу.

- Если пообещаешь не орать, — произнес он, — я вытащу кляп.

Некоторое время существо безумно вращало глазами, но потом согласно закивало заткнутым кляпом ртом.

- Тогда порядок, можешь жрать свой моржовый... кусок, — сказал Малыш Вилли, выдергивая кляп.

— Как вы *посмели* утащить меня!.. — сразу завизжал менестрель.

- Послушай, — перебил Малыш Вилли. — Будешь вопить, получишь по уху. Кое-кто с радостью окажет тебе эту услугу. Так что веди себя разумно.

— *Разумно?* После того как вы похитили...

Малыш Вилли воткнул кляп обратно.

- Пустое место и звать никак, — сказал он, глядя прямо в сердитые глаза менестреля. — У тебя даже инструмента нет. Что ты за бард, если у тебя даже инструмента нет? Есть только похожая на горшок деревянная ерундовина.

— Это лютня, — пробурчал Калеб сквозь набитый моржом рот.

— Чиво?

— ЭТА ШТУКА НАЗЫВАЕТСЯ ЛЮТНЕЙ, ХЭМИШ!

— Агась, я тоже иногда блюю.

- Она предназначена для того, чтобы петь всяким дамочкам модные песенки, — пояснил Калеб. — О цветочках и... всем прочем. Так *романтично*.

Орде было знакомо это слово, хотя связанная с ним деятельность находилась за рамками их насыщенной событиями жизни.

— Вы удивитесь, что эти песенки с бабами делают, — заключил Калеб.

- Вот когда я был молод, — сказал Маздам, — чтобы вызвать у девчонки интерес, нужно было отрубить у своего злейшего врага достоинство и преподнести его девушке в подарок.

— Чиво?

- Я СКАЗАЛ, ОТРУБИТЬ У СВОЕГО ЗЛЕЙШЕГО ВРАГА ДОСТОИНСТВО И ДЕВЧОНКЕ ПОДАРИТЬ!

— О, это было так романтишно, — согласно закивал Хэмиш Стукнутый.

— А что делать, если у тебя нет злейшего врага? — спросил Малыш Вилли.

- Попробовать отрубить достоинство у кого еще, — пожал плечами Маздам. — И злений враг сразу же появится.

— Не, — задумчиво произнес Калеб. — Сейчас все предпочитают дарить цветы.

Маздам пожирал взглядом пытающегося освободиться от пут лютниста.

- Ума не приложу, и на что он боссу сдался... — сказал он. — Кстати, а куда Коэн пропал?

ХЭМИШ
СТУКНУТЫЙ

Л

орд Витинари, несмотря на все полученное образование, умел думать как инженер. Если хочешь чего-то добиться, найди нужную точку и приложи минимум усилий для достижения максимального результата. Если точка находится между ребрами, используй кинжал; если эта точка — между двумя воюющих стран, прибегни к помощи армии. Главное — отыскать точку, которая является ключом к решению всех проблем.

— Итак, сейчас ты бесплатно работаешь преподавателем жестокой и необычной географии? — уточнил патриций у доставленного к нему человека.

Волшебник, более известный как Ринсвинд, осторожно кивнул — на случай, если это признание чревато какими-то бедами.

— Э... да?

— И ты бывал у Пупа?

— Э... да?

— Можешь описать местность?

— Э...

— Ну, как выглядел тот пейзаж? — подсказал лорд Витинари.

— Гм... Я это помню весьма смутно, сэр. Я бежал очень быстро, за мной гнались.

— Правда? Кто же? И почему?

Ринсвинд шокированно взорвался на патриция.

— Сэр, я не стал останавливаться, чтобы выяснить, кто эти люди и почему они гонятся за мной. Это было бы крайне глупо с моей стороны. Я даже не оглядывался.

Лорд Витинари потер пальцами переносицу.

— Ну, хорошо, — промолвил он устало. — Тогда просто расскажи, что тебе известно о Коэне.

— О Коэне? Он — просто герой, которому так и не удалось погибнуть, сэр. Жилистый старик. Не очень смышленый, но это с лихвой компенсируется коварством и пронырливостью.

— Ты — его друг?

— Ну, мы встречались пару раз, и он не убил меня, — пожал плечами Ринсвинд. — Наверное, это можно считать утвердительным ответом.

— А что ты можешь сказать о стариках, которые его сопровождали?

— Это не просто старики, сэр... Они, конечно, старики, но они — его Серебряная Орда, сэр.

— Так это они — Серебряная Орда? Они, и все?

— Так точно, — подтвердил Ринсвинд.

— Но я считал, что именно Серебряная Орда завоевала Агатовую империю!

— Да, сэр. Это были они. — Ринсвинд покачал головой. — Я понимаю, в это трудно поверить, сэр, но вы не видели их в бою. Они — опытные бойцы. А самое главное в Коэне — он способен заразить кого угодно.

— Ты имеешь в виду, что он заразен? Ну, как переносчик чумы?

— Нет, это скорее душевная болезнь. Или магия. Он — хитер как лис, и... люди, едва пообщавшись с ним, начинают воспринимать мир так же, как он. Все такое большое, такое простое... И сразу начинают хотеть стать частью этого мира.

Лорд Витинари внимательно рассматривал свои ногти.

— А я думал, Серебряная Орда уже успокоилась. Они завоевали трон, несметные богатства. Именно к этому стремятся все герои, не так ли? Попрать троны мира обутой в сандалию ногой... Кажется, примерно так выразился поэт?

— Да, сэр.

— Тогда зачем? Они хотят рискнуть в последний раз? *Ради чего?*

— Я тоже не могу этого понять, сэр. У них было всё...

— Само собой, — кивнул патриций. — Но всё — это так мало.

Из приемной перед Продолговатым кабинетом доносились звуки громких споров. Каждые несколько минут через боковую дверь к патрицию проскальзывал секретарь и водружал на стол очередную кипу бумаг.

Лорд Витинари молча смотрел на копящиеся документы. «Быть может, — размышлял он, — чем суетиться, проще выждать, пока гора международных петиций и требований не достигнет высоты Кори Челести, а потом просто взобраться на нее?»

Запал, накал и закал...»

Однако ждать он не мог. Будучи человеком действия и противодействия, патриций поднялся из-за стола, отворил потайную дверцу в обшивке стены и уже через мгновение шагал по тайным коридорам своего дворца.

В дворцовых застенках томилось множество преступников — как говорится, «указом и волею его сиятельства», а так как воля у лорда Витинари была железная, им предстояло провести здесь довольно долгое время. Но сейчас патриций направлялся к, пожалуй, самому странному своему заключенному, который жил на чердаке.

Леонард Щеботанский не совершал никаких преступлений. К окружающим он всегда относился с благодушным интересом. Леонарда был художником и самым умным человеком из всех живущих на Диске — если характеристику «умный» использовать исключительно в специальном и техническом смысле. Просто лорд Витинари считал, что мир еще не готов принять в свои объятия человека, хобби которого — изобретать самые немыслимые орудия массового поражения. Но в своей душе, в сердце, а также во всех своих творениях Леонард Щеботанский был настоящим художником.

В данный момент Леонард писал портрет некой дамы. К мольберту кнопками было приспособлено множество эскизов.

— А, милорд, — сказал он, поднимая взгляд. — И в чем проблема?

— А есть проблема? — осведомился лорд Витинари.

— Как правило, милорд, вы навещаете меня, только когда таковая возникает.

— Ну, ладно, — сдался лорд Витинари. — Мне нужно доставить нескольких человек к Пупу. Причем по возможности быстро.

— Ага, понятно, — кивнул Леонард. — И вправду местность между нами и Пупом довольно-таки пересеченная. Кстати, как вам кажется, улыбка удалась? С улыбками у меня вечно проблемы!

— Я сказал...

— Вы хотите, чтобы они добрались туда живыми?

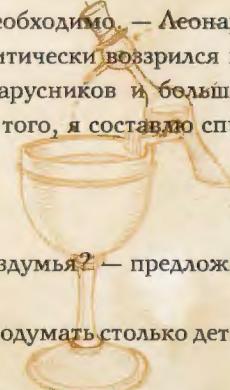
— Что? О... Да, конечно. И очень быстро.

Леонард продолжил работу над портретом. Лорд Витинари молча ждал, зная, что великого художника лучше не отвлекать.

— И вы хотите, чтобы они вернулись обратно? — спросил тот некоторое время спустя. — Знаете, а может, стоит добавить зубы? Зубы у меня получаются отлично.

— Их возвращение будет приятной дополнительной наградой.

— И это путешествие жизненно необходимо?

— Если оно закончится неудачей, настанет конец света.

— Ага, весьма жизненно и очень даже необходимо. — Леонард отложил кисть, отошел на пару шагов и критически взглянул на полотно. — Мне потребуются несколько парусников и большая баржа, — сказал он, поразмыслив. — Кроме того, я составлю список необходимых материалов.

— Это будет путешествие по морю?

— Для начала, милорд.

— Может, тебе дать некоторое время на раздумья? — предложил лорд Витинари.

— О, время всегда пригодится, ведь нужно продумать столько деталей... Но основная идея уже сформировалась.

Витинари поднял взгляд на потолок мастерской, на бесчисленные бумажные модели и устройства с крыльями как у летучих мышей. Самые фантастические летательные аппараты плавно покачивались в легком ветерке.

— А твоя идея случаем не связана с использованием какого-нибудь летательного аппарата? — подозрительно осведомился он.

— Гм... А почему вы спрашиваете?

— Потому что, Леонард, пункт назначения находится на значительной высоте, а все твои летательные аппараты отличаются неудержимым стремлением вниз.

— Согласен, милорд. Но я считаю: иногда чем глубже падаешь, тем выше возносишься.

— А. Философия...

— Практическая философия, милорд.

— И тем не менее, Леонард, не могу не поразиться скорости твоей мысли. Ты нашел решение практически мгновенно, едва я успел сообщить о возникшей проблеме...

Леонард Щеботанский прополоскал кисточку в банке.

— Милорд, я всегда говорил: правильно сформулированная проблема уже содержит часть решения. Но надо признать, я не раз размышлял о вопросах сходного свойства. Как вы знаете, я даже экспериментировал с различными устройствами... которые, уважая ваше мнение на сей счет, впоследствии разбирали. Да, в нашем мире живет множество злонамеренных людей, которые могли случайно наткнуться на них и извратить сам смысл моих изобретений. Вы были очень добры и предоставили мне помещение с неограниченным обзором неба, и я не мог не обратить внимания на некоторые закономерности. Кстати... Мне потребуется несколько дюжин болотных дракончиков. Вернее, никак не меньше сотни.

— Ты намереваешься создать корабль, который будет поднят в небо драконами? — с очевидным облегчением спросил лорд Витинари. — Кажется, я припоминаю одну старую легенду о корабле, который был поднят в небо лебедями и долетел аж до...

— Боюсь, лебеди в данном случае не помогут. Но в широком смысле ваша догадка, милорд, верна. Браво! Две сотни драконов, чтобы уж наверняка.

— По крайней мере с драконами проблем не возникнет. Они превратились в сущих вредителей.

— И помошь, скажем, шестидесяти учеников и подмастерьев из Гильдии Искусных Умельцев. Нет, пусть будет сотня. Им придется работать сутки напролет.

— Подмастерьев? Но я могу велеть, чтобы самые искусные мастера...

Леонард вскинул руку.

— Только не мастера, милорд, — твердо сказал он. — Мне нет нужды в людях, которым ведомы пределы возможного.

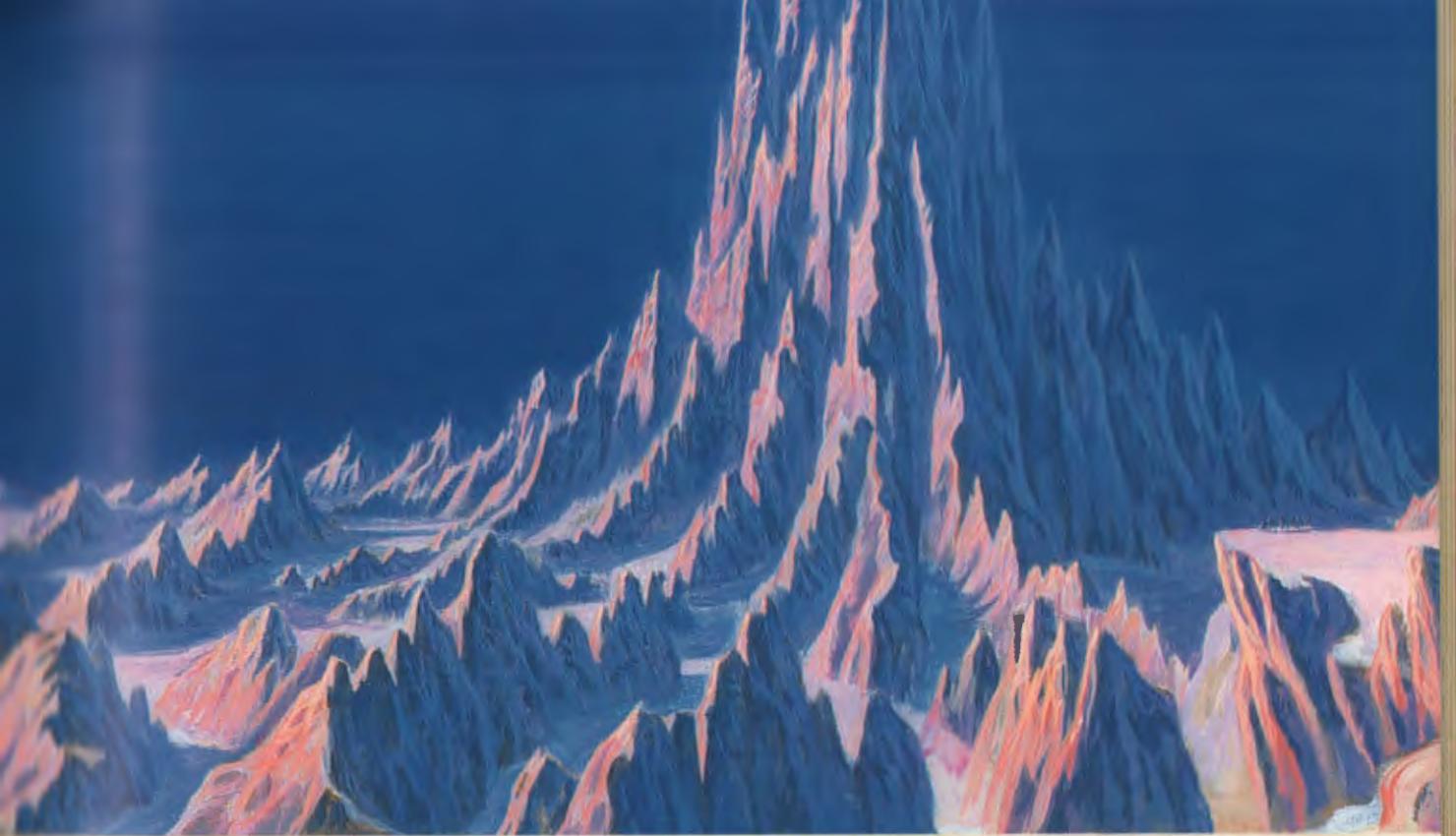

Орда нашла Коэна сидящим на древнем могильнике неподалеку от лагеря.

За время своих многочисленных путешествий по Диску члены Орды не раз натыкались на подобные холмы, но эта местность буквально изобиловала могильниками. Там и сям из снега торчали высокие камни с надписями на неизвестном языке. Захоронения были очень старыми, однако никому из Орды и в голову не приходило вскрыть курганы и разведать, что за сокровища таятся в их глубинах. Частично это объяснялось тем, что в лексиконе сереброордынцев существовало специальное слово, обозначающее человека с лопатой, а именно — «раб». Но в основном это объяснялось тем, что, несмотря на варварскую профессию, у этих людей имелся строгий моральный кодекс, пусть даже намного отличающийся от принятого. И в кодексе этом присутствовало специальное слово, обозначающее разоряющего могильники человека, а именно — «покойник».

Орда, каждый член которой был ветераном, пережившим тысячи и тысячи самоубийственных сражений и атак, осторожно приблизилась к сидевшему в снегу Коэну. Варварский меч был глубоко воткнут в сугроб, а на лице Коэна застыло отрешенное, вызывающее беспокойство выражение.

- Старина, ты как насчет поужинать? — осведомился Калеб.
- Морж, — сказал Малыш Вилли. — Опять.
- Я иффе не жакончил, — неразборчиво прошепелявил Коэн.
- Что не закончил, старина?
- Фшпоминать, — ответил Коэн.
- Кого вспоминать?
- Героя, который ждешь похоронен.
- А кто здесь похоронен?
- Понятия не имею.

- Хоть к какому народу он принадлежал?
- Мне-то откуда жнать! — огрызнулся Коэн.
- Он что, совершил много достославных деяний?
- Может, да, а может, и нет.
- Тогда *почему*...
- Кто-то же должен помнить жащранца!
- Но ты ведь ничего о нем не знаешь!
- Это не мешает мне его *помнить*!

Члены Орды переглянулись. Приключение обещало быть трудным. Но вместе с тем оно обещало быть последним.

— Слушай, может, ты поговоришь с этим молодчиком, которого мы умыкнули? — наконец сказал Калеб. — Он начинает действовать мне на нервы. По-моему, он не понимает, с кем связался.

— Он прошто должен напишать шагу, — решительно прошепелявил Коэн.

Тут он как будто что-то вспомнил и принялся шарить по карманам. Поскольку предметов одежды на Коэне было очень немного, процесс поисков надолго не затянулся.

— Понимаешь, этот бард не совсем того сорта, который нужен для сочинения героических саг, — тем временем продолжал Калеб. — Я ж сразу сказал, как только мы его сцепали: он нам не подходит! Такие барды годятся только на то, чтобы песенки девицам петь. О цветочках там, о весне — босс, это не наша тема!

— Ага, нашел! — радостно возвестил Коэн и вытащил из напоясной сумочки вставные челюсти, вырезанные из алмазных зубов тролля. Вставив челюсти в рот, он пару раз пробно щелкнул ими. — Так-то лучше. Что-что ты сказал?

— Он не героический бард, босс.

Коэн пожал плечами.

— Что ж, надеюсь, он быстро учится. И все равно он куда лучше бардов Агатовой империи. Все ихние поэмы не больше семнадцати слогов. А этот по крайней мере из Анк-Морпорка. Он должен был хотя бы *слышать* о сагах.

— А я *говорил*, надо через Китовую бухту идти, — встриял Маздам. — Ледяные пустыни, морозные ночи... самое то атмосферка для саг.

— В особенности если ты любишь китовый жир, — кивнул Коэн и выдернул меч из сутроба. — Ладно, я переговорю с пареньком. Он у меня мигом забудет про всякие там цветочки.

— ... **П**охоже, все вращается вокруг Диска, а не наоборот, — объявил Леонард. — Во всяком случае именно так поступают луна и солнце. А еще... Надеюсь, все присутствующие помнят «Марию Песто»?

— Тот корабль, который, по слухам, свалился с Диска? — уточнил аркканцлер Чудакулли.

— Именно. Во время чудовищного шторма его скинуло с Края неподалеку от залива Мэйнт, но через несколько дней рыбаки увидели судно, переваливающее через Край рядом с Тиньлином, где оно и налетело на рифы. На корабле обнаружили лишь одного живого члена экипажа, чьи предсмертные слова... были достаточно необычными.

— Я помню, помню, — перебил Чудакулли. — Он сказал: «О боги, сколько много слонов!»

— По моему мнению, — продолжал Леонард, — при достаточной тяге с боковой составляющей аппарат, посланный за Край, будет затянут под Диск и вновь поднимется на противоположной стороне. Причем поднимется достаточно высоко, чтобы мягко спланировать в любую точку мира.

Волшебники уставились на классную доску. Затем, как один, взорвались на Думминга Тупса, который что-то лихорадочно строчил в своем блокноте.

— Думминг, что он такое несет?

Тупс долго разглядывал свои записи. Потом не менее долго смотрел на Леонарда. Затем перевел взгляд на Чудакулли.

— Э... да. Возможно. Э... Если набрать достаточную скорость и свалиться за Край, то Диск притянет тебя и ты продолжишь падение, но уже *округ* мира.

— Ты пытаешься сказать, что, упав с Края света, мы — и, говоря «мы», спешу добавить, я совсем не имею в виду себя — окажемся на *небесах*? — уточнил декан.

— Гм... да. В конце концов, солнце проделывает подобный трюк каждый день и...

Декан пришел в восторг.

— Поразительно! — воскликнул он. — Таким образом... можно переправить целую армию вглубь вражеской территории! Ни одна крепость не устоит перед нами! Можно поливать и поливать огнем...

Краем глаза он перехватил взгляд Леонарда.

— ...Всяких нехороших людей, — нескладно закончил декан.

— Этого не будет, — сурово произнес Леонард. — *Никогда!*

— А может этот... аппарат, который ты планируешь создать, приземлиться прямо на Кори Челести? — уточнил Витинари.

— О, определенно. Там хватает снежных равнин, весьма удобных для посадки, — ответил Леонард. — Но даже если таковая равнина нам не подвернется, уверен, я сумею что-нибудь придумать. К счастью, как вы неоднократно подмечали, все находящиеся в воздухе предметы неизбежно стремятся вниз.

Чудакули собирался было отпустить язвительное замечание, но прикусил язык. Он знал репутацию Леонарда. Еще до завтрака этот человек придумывал семь изобретений, включая два новых метода использования поджаренного хлебца. Именно Леонард Щеботанский изобрел шарикоподшипник — устройство крайне простое и вседоступное. И именно в этом крылась суть гениальности Леонарда — он изобретал вещи, до которых мог додуматься каждый, а люди, которые изобретают вещи, до которых может додуматься каждый, встречаются крайне редко.

Этот человек был настолько рассеянно-умным, что мог писать картины, которые не только провожали вас взглядом, но следовали за вами до самого дома и мыли за вас посуду.

Некоторые люди глупы, а потому абсолютно уверены в себе. Но Леонард был уверен в себе совсем по другой причине — просто ему ни разу не представилось доказательство обратного. Он со спокойной душой шагнул бы с крыши высоченного дома, намереваясь решить проблему приземления в момент возникновения оной.

И знаете, скорее всего, он бы эту проблему решил.

— И что требуется от нас? — спросил Чудакули.

— Ну... Мой аппарат не может работать на магии. Насколько я понимаю, в районе Пупа на волшебство не стоит полагаться. Но, возможно, вы сумеете обеспечить меня ветром?

— Ты обратился к нужным людям, — сказал лорд Витинари и, прежде чем продолжить, выдержал долгую паузу. Слишком долгую, на взгляд присутствующих в зале волшебников. — Перед тобой собрались лучшие профессионалы в управлении погодой.

— В момент запуска небольшой ураган пришелся бы весьма кстати... — кивнул Леонард.

— Авторитетно и не опасаясь никаких возражений заявляю тебе: наши волшебники обеспечат тебя ветрами в неограниченном количестве, — ответил патриций. — Не так ли, аркканцлер?

— Я просто *вынужден* согласиться, милорд.

— Ну что ж, если мы можем надеяться на крепкий попутный ветер...

— Минуточку, минуточку, — перебил декан, который всегда очень остро реагировал на упоминание *ветров*. — Что мы знаем об этом человеке? Он делает... всякие приборы, рисует картины... Уверен, все это замечательно, но все мы знаем, каковы из себя художники. Болтуны

и ненадежные люди, все до единого. А Чертов Тупица Джонсон? Помните, что этот тип построил?* Уверен, господин Щеботанский — превосходный художник, но лично мне требуются дополнительные доказательства его поразительной гениальности, прежде чем доверить судьбу Диска его... аппарату. Изобретать умеет каждый, но гений должен быть исключительным!

— Я никогда и не считал себя гением, — откликнулся Леонард, склонив голову и что-то рисуя на бумаге.

— А вот если бы я был гением, то наверняка знал бы об этом и... — начал было декан, но вдруг замолчал.

Рассеянно, как будто его рукой водила некая иная сила, Леонард начертил на бумаге идеальную окружность...

Лорд Витинари предложил учредить систему комиссий. В Незримый Университет прибыли послы практически всех иностранных государств, главы Гильдий стояли в очередь — всем хотелось участвовать в процессе принятия решений, не задействуя при этом мыслительный процесс.

Сначала патриций решил, что семи комиссий будет вполне достаточно. Но когда (буквально спустя десять минут) отпочковался первый подкомитет, лорд Витинари пригласил в отдельную комнатку нескольких избранных, запер дверь и быстренько создал Комиссию По Всему и Всем.

— Как мне сказали, летающему кораблю требуется команда, — сообщил он. — Она может состоять из трех человек. Леонард — это первая и обязательная кандидатура, поскольку, говоря откровенно, он будет продолжать работу над своим детищем даже после взлета. Но кто еще полетит?

— Лететь должен наемный убийца, — заявил лорд Низз, глава Гильдии Убийц.

— Нет, — возразил лорд Витинари. — Если бы Коэна и его людей было так легко убить, они давно были бы мертвые.

— Может, тут поможет женский такт? — предложила госпожа Лада, глава Гильдии Белощек. — Я понимаю, наши герои весьма преклонного возраста, но мои девушки...

— Госпожа Лада, я думаю, проблема состоит в следующем. Члены Орды весьма благосклонно относятся к женской компании, но вряд ли они прислушаются к словам женщины. Да, капитан Моркоу?

Капитан Моркоу Железобетонссон из Городской Стражи встал по стойке «смирно», излучая энтузиазм и легкий аромат мыла.

— Я готов принять участие, сэр, — отрапортовал он.

— Я почему-то даже не сомневался.

— По-моему, не стоит вмешивать в это дело Стражу, — поморщился господин Кривс. — Господин Коэн просто хочет возвратить собственность законному владельцу.

— Честно признаюсь, подобное толкование событий не приходило мне в голову, — вежливо улыбнулся лорд Витинари. — Тем не менее я уверен в наших городских стражниках. Они способны найти повод арестовать кого угодно. Правда, командор Ваймс?

— Думаю, заговор с целью нарушения общественного спокойствия тут вполне подходит, — сказал главнокомандующий Стражей, раскуривая сигару.

— А капитан Моркоу обладает исключительным даром убеждения.

*Архитектор и вольнонаемный конструктор Бергольд Статли «Чертов Тупица» Джонсон прославился многими своими изобретениями, отмеченными в анналах Анк-Морпорка (в основном как «Причина смерти»). Согласно всеобщему признанию, он был истинным гением — ну, по крайней мере в самом широком понимании этого слова. Ни одному человеку в мире, кроме него, не удалось создать взрывчатую смесь из обычного песка и воды. Как говорил сам Бергольд Статли, настоящий изобретатель должен быть способным на все. Чертов Тупица Джонсон был настоящим изобретателем.

- И исключительно большим мечом, — проворчал господин Кривс.
- Убеждение может принимать самые разные обличия, — парировал лорд Витинари. — И я согласен с аркканцлером Чудакулли: послать капитана Моркоу — прекрасная идея.
- Что? Разве я что-то сказал? — удивился Чудакулли.
- Записать в команду капитана Моркоу — не правда ли замечательная идея, аркканцлер?
- Что? О да. Конечно. Отличный парень. Смышленый. И меч опять-таки...

— Вот-вот, полностью поддерживаю, — кивнул лорд Витинари, умеющий управляться со всякого рода комиссиями. — Однако, господа, нам следует поторопиться. Флотилия выступает завтра. Нам нужен третий член команды...

Раздался стук в дверь. Витинари подал знак университетскому привратнику открыть.

В комнату ввалился волшебник, более известный как Ринсвинд, и остановился перед столом. Лицо его было белым как мел.

— Я не хочу добровольно участвовать в экспедиции, — заявил он.

- Прошу прощения? — поднял брови лорд Витинари.
- Я не хочу добровольно участвовать в экспедиции, сэр.
- Но тебя об этом никто и не просит.

Ринсвинд устало покачал пальцем.

— Но попросят, сэр, обязательно попросят. Кто-нибудь скажет: «Эй, а ведь этот парень любит приключения, знаком с Ордой, Коэну, судя по всему, он даже нравится, а кроме того, жестокую и необычную географию этот Ринсвинд знает вдоль и поперек. Отличная кандидатура!» — Он вздохнул. — А потом я попытаюсь сбежать, ну, спрятавшись в каком-нибудь ящике, но этот ящик все равно окажется на борту летающего корабля.

— Правда?

— Очень вероятно, сэр. Или произойдет целая вереница событий, которые приведут к такому же результату. Верьте мне, сэр. Я знаю, как протекает моя жизнь. Поэтому я подумал: чего уж тянуть, лучше сразу прийти сюда и прямо заявить о том, что я не хочу добровольно участвовать в этой экспедиции.

— Мне кажется, твои рассуждения несколько нелогичны, — сказал патриций.

— Отнюдь, сэр. Все очень просто. Я буду добровольцем, но не хочу этого. Хотя... разве мое мнение когда-нибудь кого-нибудь волновало?

— А знаете, в его словах есть здравый смысл, — встрял Чудакулли. — У него исключительный дар, он выпутывается из любых...

— Вот видите? — Ринсвинд измученно улыбнулся лорду Витинари. — Я и моя жизнь слишком давно вместе. Я заранее знаю, как все обернется.

ВЕНА
ВОРОНОКУДРАЯ

Рядом с Пупом всегда ошивались разбойники. Тут было чем поживиться — в затерянных долинах, в запретных храмах. И плохо подготовленных искателей приключений хоть отбавляй. Слишком многие люди, составляя список возможных опасностей, которые могут встретиться во время поисков потерянных сокровищ и древних знаний, забывают самый первый пункт: «человек, который прибыл на место чуть раньше тебя».

Одна такая разбойничья банда наматывала круги по своему любимому участку, когда вдруг заметила хорошо снаряженного боевого коня, привязанного к скакожившемуся от мороза деревцу. Потом на глаза разбойникам попался костерок, горевший в небольшой защищенной от ветра нише, на котором побулькивал котелок. И наконец банда увидела женщину. Довольно привлекательную. По крайней мере, лет тридцать назад она была очень даже ничего, но сейчас она больше походила на учительницу начальных классов, о которой мечтает всякий ученик (чуткое отношение и понимание таких маленьких жизненных неприятностей, как залитый мочой башмак, гарантируется).

Накинув на плечи одеяло, она мирно вязала. Рядом из сугроба торчал самый огромный меч из всех, что когда-либо доводилось видеть разбойникам.

Разумные разбойники сразу занялись бы подсчетом несоответствий.

Эти, однако, относились к другому виду, для которого и была придумана эволюция.

Женщина подняла голову, приветливо кивнула и продолжила вязать.

— Так-так, — сказал вожак. — Что мы здесь имеем? Ты...

— Будь добр, поддержи вот это, — перебила женщина, вставая. — На больших пальцах, молодой человек. Глазом не успеешь моргнуть, как я смотаю шерсть в клубок. Как вовремя вы появились.

Она протянула ему моток пряжи.

Чувствуя на спине насмешливые взгляды товарищней, разбойник неуверенно принял пряжу, однако тут же расставил руки и постарался придать лицу как можно более злобное, «она-даже-не-подозревает» выражение.

— Отлично, — сказала пожилая женщина и сделала шаг назад.

А потом нанесла разбойнику чудовищный по своей силе и подлости, но невероятный по своей эффективности (хоть и совсем неженственный) удар ногой прямо в пах. Пока разбойник падал, женщина наклонилась, подхватила с огня котелок, швырнула его в лицо ближайшего головореза и, пока падал *тот*, уселись обратно на снег, снова принявши за свое вязание.

Двое оставшихся разбойников даже шевельнуться не успели. Но затем один из них, словно бы опомнившись, прыгнул к торчащему из сугроба мечу. Разбойник аж покачнулся от тяжести, но клинок был длинным и в некотором роде придавал уверенности.

— Ох! — закряхтел головорез, с трудом вскидывая меч. — Старуха, как ты вообще его таскаешь?

— Это не мой меч, — пожала плечами женщина. — Он принадлежал вон тому мужчине.

Разбойник отважился глянуть в сторону. Из-за большого валуна торчали ноги в бронированных сандалиях. Очень большие ноги.

«Но у меня меч, — подумал разбойник. — Хотя у него меч тоже был».

Вздохнув, пожилая женщина вытащила из клубка шерсти две вязальные спицы, ярко сверкнувшие в свете костра. Одеяло соскользнуло с ее плеч и упало на снег.

— Ну, господа? — сказала она.

Коэн выдернул кляп изо рта менестреля. Юноша с ужасом взорвался на престарелого героя.

— Как тебя зовут, сынок?

— Вы похитили меня! Я просто шел по улице...

— Сколько? — спросил Коэн.

— Что?!

— Сколько хочешь за сагу?

— От тебя *воняет*!

— Это все моржатина, — спокойным голосом объяснил Коэн. — Запах как от чеснока. В общем... мне нужна сага. А тебе наверняка пригодится мешочек рубинов, к примеру вот таких, как эти.

Он высыпал содержимое кожаного мешочка себе на ладонь. Камни были такими большими, что снег озарился алым светом.

Глаза музыканта полезли на лоб.

— У тебя есть... Как это там называется, а, Маздам?

— Искусство, — подсказал Маздам.

— У тебя есть искусство, а у меня — рубины. Мы дадим тебе рубины, а ты нам — искусство, — предложил Коэн. — И нет проблем, верно?

— Проблем? — Рубины действовали на менестреля гипнотически.

— Проблем, которые могут возникнуть, если ты вдруг скажешь, что не умеешь слагать саги, — произнес Коэн прежним ласковым голосом.

— Но... Послушайте, прошу прощения, но... Саги — это ведь самые примитивные поэмы и...

Ветер, который ни на секунду не стихал рядом с Пупом, засвистел еще более жалобно и вместе с тем угрожающе.

— Тебе одному долгоночко придется добираться до *цивилизации*, — намекнул Маздам.

— Особенно без ног, — добавил Малыш Вилли.

— Умоляю!..

— Постойте, парни, мы же не хотим обойтись так жестоко с этим милым юношем, — вмешался Коэн. — Он — смышленый мальчуган, его ждет блестящее будущее. — И, глубоко затянувшись самокруткой, добавил: — Вернее, ждало. Впрочем, нет, — он снова задумался. — Мне нужна героическая сага, парень. Которая станет самой знаменитой из всех сложенных саг.

— Сага о ком?

— О нас.

— О вас? Но вы все стари...

Менестрель резко замолчал. Самую большую опасность, с которой он сталкивался в своей прошлой жизни, представляла брошенная во время банкета кость, но сейчас речь шла о жизни

и смерти, и менестрель это понимал. Очень хорошо понимал. Говорят, возраст иссушает тело и душу. Но, похоже, стоящее перед менестрелем тело от возраста только закалилось и даже приобрело некоторую винтажность.

- Я понятия не имею, как слагать саги, — слабым голосом пискнул юноша.
- Мы тебе поможем, — пообещал Маздам.
- Мы их много знаем, — сказал Малыш Вилли.
- Почти во всех участвовали, — добавил Коэн.

В голове менестреля яркой чередой замелькали мысли примерно следующего содержания: «Эти люди просто *рубины* сумасшедшие. Они непременно *рубины* убьют меня. *Рубины*. Они притащили меня сюда *рубины*... *рубины*...

И хотят дать мне большой мешок *рубины*... *рубинов*».

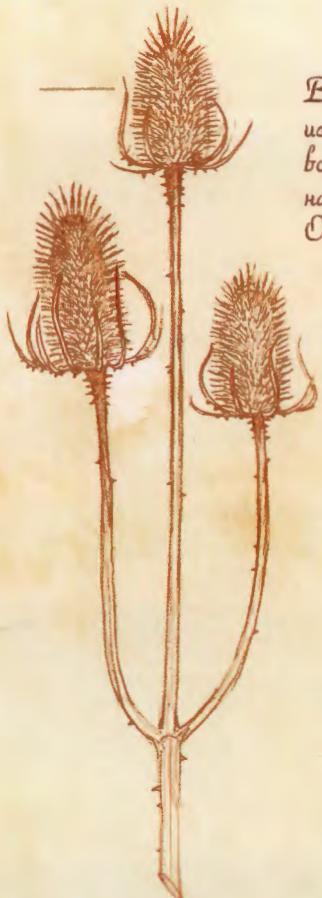
— Что ж, полагаю, мне удастся расширить свой репертуар... — промямлил он, однако выражение, появившееся на лицах ордынцев, заставило его несколько изменить лексикон. — Хорошо, договорились, — сказал он. Впрочем, ослепительное сияние камней не загасило крошечную искорку честности. — Только, понимаете ли, я не *самый великий* в мире менестрель.

- Но ты им станешь, когда сочинишь эту сагу, — пообещал Коэн, развязывая его.
- Ну... надеюсь, она вам понравится...

Коэн усмехнулся.

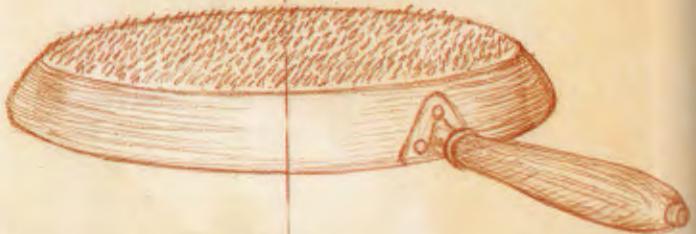
- Она не нам должна понравиться. Как раз мы ее не услышим.
- Что? Ты же сам сказал: я должен сложить сагу...
- Ага. Но это будет сага о том, как мы пали смертью храбрых.

Ворсянка обыкновенная, или воздельваемая, используется в изобретенной мной шишечной ворсовой машинке для поднятия ворса на шерстяной ткани.

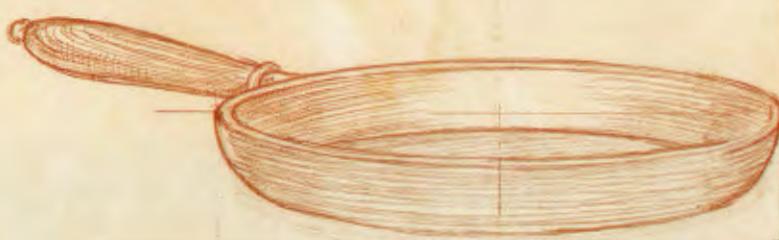
Обратите внимание на шипы.

Сковорода

Задача: добиться прилипания в невесомом воздухе. Их могут помочь небольшие Пряжечные Петельки, создающие притягательность к любой Трубке Поверхности. Возможно использование в качестве застежек одежды и т.д.

Мир так много, а времени так мало...

Кажется мне, что окружжающая мир субстанция так же пригодна для перемещения, как и море либо воздух, но, заместо течений и ветров, налицует в оной движение эфира, создаваемое присутствием в оной же материи в больших или меньших количествах. Солнце, луна и малые планеты, которые, по мнению моему, слагаются из слонового навоза, ежедневно облетают Черепаху при помощи процесса, который я могу характеризовать как «бесконечное падение», или «альциполет». Суть заключается в тяге, направлении и кривых, которые можно описать с абсолютной точностью. В мире — несовершенство; в недесах — величественная точность.

На следующий день из Анк-Морпорка отплыла небольшая флотилия. События со странным быстротой сменяли друг друга. Дело было даже не в том, что перспектива конца света заставила людей сплотиться — то была общая, универсальная угроза, которая с трудом поддавалась людскому осмыслинию. Но патриций вел себя достаточно резко, а вот это уже была определенная и в огромной степени личная опасность, которую без труда можно было увязать с собственной судьбой.

Между кораблями тяжело раскачивалась закрытая брезентом баржа; из-под брезента торпелились какие-то подозрительные углы. Поднявшись перед самым отплытием на борт, лорд Витинари мрачно осмотрел груды всевозможных материалов.

— Все это обходится в приличную сумму, — сказал он Леонарду, который уже успел установить на палубе мольберт. — Надеюсь, нам будет чем оправдаться.

— Продолжение существования нашего вида — это достаточное оправдание? — откликнулся Леонард, заканчивая какой-то сложный чертеж и передавая его подмастерью.

— Очевидно, да.

— Мы узнаем много нового, — продолжил Леонард, — и тем самым внесем неоценимый вклад в процветание нашего города. Моряк с «Марии Песто» сообщил, что предметы плавали в воздухе так, словно бы почти не имели веса. Поэтому я изобрел вот это.

Наклонившись, он поднял предмет, который, по мнению лорда Витинари, напоминал самую обычную кухонную принадлежность.

— Это сковорода, которая прилипает к чему угодно, — с гордостью заявил Леонард. — Данная идея возникла у меня в процессе наблюдения за ворсянкой обыкновенной, которая...

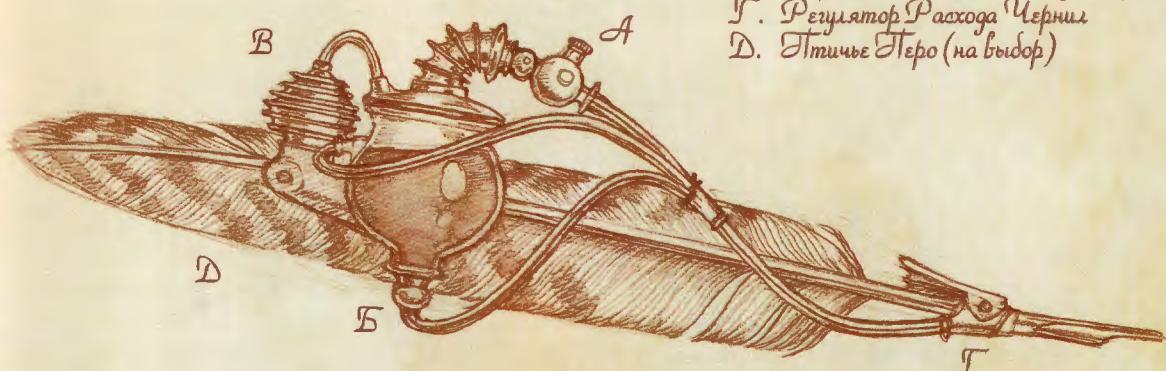
— И ты считаешь это полезным изобретением? — спросил лорд Витинари.

— Разумеется! Мы ведь должны будем чем-то питаться и не можем позволить, чтобы горячий жир плавал повсюду. А еще я изобрел ручку, которая пишет вверх ногами.

— Правда? А может, будет проще перевернуть лист бумаги?

Задача: ручка для письма Вверх Ногами во время путешествия в Пустоте.

- А. Напорная Камера*
- Б. Резервуар для Чернил*
- В. Поршневой Клапан и Регулятор Давления*
- Г. Регулятор Расхода Чернил*
- Д. Птичье Перо (на выбор)*

Незначительные движения руки смещают зубчатый груз в части В, создавая перепады давления в А. Напоминание: в следующий раз использовать Механизм. Или изобрести карандаш.

ани развернутым строем двигались по заснеженному полю.

- Клятая холодина, — пробормотал Калеб.
- Что, старость подкрадывается, а? — спросил Малыш Вилли.
- Всегда говорил: ты стар настолько, насколько себя чувствуешь.
- Чиво?
- ОН СКАЗАЛ, ТЫ СТАР НАСТОЛЬКО, НАСКОЛЬКО СЕБЯ ЧУВСТВУЕШЬ, ХЭМИШ!
- Чиво? Чиво чувствуешь-то?
- Не думаю, что это старость, — покачал головой Малыш Вилли. — Старость — это что-то другое. А сейчас... просто я стал точнее рассчитывать расстояние до ближайшего туалета.
- А хуже всего, — сказал Маздам, — когда к тебе начинает наведываться молодежь и развлекать тебя веселыми песенками.
- Кстати, почему они всегда поют веселые песенки? — спросил Калеб.
- Ну, им есть из-за чего веселиться. Они ведь не мы.

Мелкие острые кристаллы снега, снесенные ветром с вершин гор, со свистом пролетали перед глазами. Из уважения к своей профессии члены Орды носили только крошечные кожаные набедренные повязки и маленькие кусочки меха и доспехов. Из уважения к преклонным годам (и без комментариев в своем узком кругу) они дополняли эти немногочисленные предметы одежды длинными шерстяными трико и различными, странного вида эластичными штуковинами. К Времени ордынцы практиковали тот же подход, что и ко всему остальному, — атакуешь и пытаешься убить.

Выступавший во главе отряда Коэн давал менестрелю советы.

— Прежде всего, ты должен описать, что ты *сам* чувствуешь о саге, — говорил он. — Пение заставляет кровь резвее струиться по твоим жилам, и ты не в силах больше сдерживаться... Тем самым ты говоришь, какой великой будет сага... Понял?

— Да, да... Кажется, понятно, — кивнул менестрель, лихорадочно записывая. — А потом я должен описать вас...

— Нет, *потом* ты должен рассказать, какой была погода.

— Например, «*стоял ясный денек*»?

— Нет, нет и *нет!* Ты должен изъясняться так, как положено в саге. То есть переворачивать фразы наоборот.

— Гм-м... «*Ясен был день*», так что ли?

— Вот именно! Отлично! Я знал, что ты умный паренек!

— Вернее, «*знал я, что умный ты паренек!*»! — выпалил менестрель, не успев вовремя прикусить язык.

На одно волнительное, смертоносное мгновение в воздухе повисла неопределенность, но потом Коэн улыбнулся и хлопнул менестреля по спине. По силе это можно было сравнить с ударом лопатой.

— Вот это стиль! Так, что еще?.. Ах да! В сагах никто никогда не говорит, все только изрекают.

— Изрекают?

— Типа «И изрек Вульф Разбойник Морской...». А еще... еще... Еще все люди — *кто-то*. Вот я Коэн-Варвар, верно? Но можно назвать меня Коэном Дерзновенным или Коэном-Поразителем. Или еще как-нибудь в том же духе.

— Э-э... Кстати, а зачем вы все это затеяли? — вдруг спросил менестрель. — Ну, я ведь должен буду написать об этом. Вы правда собираетесь *вернуть* огонь богам?

— Да. *С процентами*.

— Но... почему?

— Потому что мы проводили в последний путь многих наших друзей, — сказал Калеб.

— Вот-вот, — поддержал Малыш Вилли. — Но мы ни разу не видели, чтобы большие женщины на летающих конях уносили их в Пантеон Героев. Когда умер Старик Винсент, а он был одним из нас, почему не появился Ледяной мост, по которому можно было бы попасть на Пир Богов, а? А перед самой кончиной его держали в роскошных покоях, укладывали на мягкую постельку, приставили специального жевальщика еды. Мы не желаем себе такого же!

— Ха! Молочные кашки! — сплюнул Маздам.

— Чиво? — спросил проснувшийся Хэмиш.

— ОН СПРОСИЛ, ПОЧЕМУ МЫ РЕШИЛИ ВЕРНУТЬ ОГОНЬ БОГАМ, ХЭМИШ!

— Ась? Но кто-то ведь должен это сделать! — прошамкал Хэмиш.

— Потому что мир огромен и мы еще не все повидали, — сказал Малыш Вилли.

— Потому что эти гады бессмертны, — сказал Калеб.

— Потому что в холодные ночи у меня спину ломит, — сказал Маздам.

Менестрель посмотрел на Коэна, который разглядывал что-то у себя под ногами.

— Потому что... — сказал Коэн. — Потому что... они позволили нам состариться.

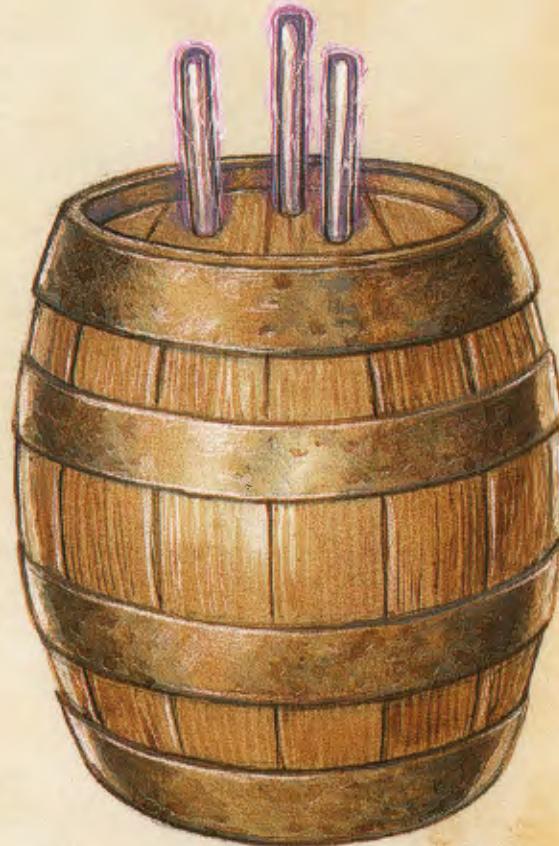
И в этот весьма драматичный миг они угодили в засаду. Сугробы взорвались тучами снега. Огромные фигуры бросились на Орду. Мечи очутились в иссохших, покрытых пятнами руках с быстротой, которая приходит лишь с опытом. Вверх взмыли дубины...

— Всем стоять! — выкрикнул Коэн командным голосом.

Воины замерли. Клинки застыли буквально в дюйме от шей и туловищ.

Коэн поднял глаза на изрытое трещинами, угловатое лицо гигантского тролля, дубина которого угрожающе зависла прямо над его головой.

— Слушай, а по-моему, я тебя знаю... — задумчиво сказал он.

Волшебники работали посменно. Перед флотилией море было спокойным, как мельничный пруд, зато сзади дул постоянный свежий ветер. Волшебники умели управляться с ветрами, потому что погода для них была вопросом не волшебства, но лепидоптерологии. То есть, как говорил аркканцлер Чудакулли, главное — вычислить, где сейчас порхают эти чертовы бабочки.

В общем и целом, шанс налететь на плавучее бревно был равен одному на миллион, но именно это и случилось. Удар был достаточно слабым, однако Думминг Тупс, осторожно катившийся по палубе омникоп, мигом оказался на спине в окружении множества сверкающих осколков.

С выражением искренней тревоги на лице аркканцлер поспешил к нему.

— Сильно повредился? Господин Тупс, он обошелся нам в сто тысяч долларов! Нет, вы только посмотрите! На мелкие кусочки!

— Я почти не пострадал, аркканцлер, спасибо...

— Сотни часов работы *пропали даром!* И мы не сможем наблюдать за полетом. Эй, господин Тупс, ты меня слушаешь?..

Думминг его не слушал. Он вертел в руках два осколка, внимательно их разглядывая.

— Аркканцлер, кажется, мне случайно удалось совершить, ха-ха, удивительное научное открытие!

— Каким это образом?

— Кто-нибудь раньше разбивал омникоп?

— О нет, молодой человек. Другие люди *аккуратно* обращаются с дорогостоящим оборудованием.

— Э-э... Пожалуйста, аркканцлер, загляните в этот осколок, — почти взмолился Думминг. — Хоть одним глазком. Это крайне важно.

На нижние склоны Кори Челести снизошло время воспоминаний. Те, кто устраивал засаду, и те, кто попал в нее, расположились вокруг костра.

— Стало быть, Гарри, ты больше не Темный Властелин? — спросил Коэн.

— Ну, ты ж знаешь, какие деньки настали, — сказал Злобный Кошмар Гарри.

Члены Орды дружно закивали. Они-то знали, какие настали деньги.

— Сейчас люди, напав на твою Темную башню, первым делом заваливают тоннель для побега, — пожаловался Злобный Гарри.

— Вот гады! — поморщился Коэн. — Темный Властелин всегда должен иметь возможность сбежать. Это всем известно.

— Ага, — подтвердил Калеб. — Кое-какая работенка должна и на завтра остаться.

— Сам я всегда играл честно, — продолжал Злобный Гарри. — Оставлял тайный ход в свою Гору Ужаса, а в надзиратели нанимал абсолютных тупиц...

— Енто меня, значится, — с гордостью объявил огромный тролль.

— ...Тебя, тебя, а еще следил за тем, чтобы мои люди надевали маски, закрывающие *все* лицо, поверьте на слово, это чертовски недешево обходилось, зато предприимчивый герой всегда мог выдать себя за одного из наших...

— Мы со Злобным Гарри — старые приятели, — сказал Коэн, скручивая самокрутку. — Я знал его, когда он начинал всего с двумя парнями, ну, плюс Большой Кирдык.

— И Бейкусай, он же — Адов Жеребец, — добавил Злобный Гарри.

— Только он был ослом, Гарри, — поправил его Коэн.

— Зато как кусался! Палец оттяпать — что хвост поднять.

— Слушай, а это не ты был Обреченным Богом-Пауком? По-моему, это с тобой я сражался... — нахмурился Калеб.

— Вероятно. Все сражались. Великие были времена, — посетовал Гарри. — На гигантских пауков всегда можно было положиться. Пауки даже лучше осьминогов. — Он вздохнул. — А потом, конечно, все изменилось.

Орда кивнула. Все действительно изменилось.

— Пошли всякие разговоры. Мол, я мерзкое пятно на моровом лице, — продолжал Гарри. — И никто даже словом не упомянул, что именно я обеспечивал работой тех, кто жил в районах с традиционно высоким уровнем безработицы. А потом, разумеется, появились крутые ребята, с которыми нам, сельским, не было возможности конкурировать. О Нинге Безжалостном слыхали?

— Типа того, — сказал Малыш Вилли. — Это я его убил.

— Не может быть! А как же его знаменитое «Я еще приду в зад!»?

— Ну, это будет несколько трудновато, — пожал плечами Малыш Вилли, доставая трубку и набивая ее табаком. — С прибитой-то к дереву башкой.

— А как поживает Памдар — Королева Ведьм? — поинтересовался Злобный Гарри. — Вот была...

— Ушла на покой, — перебил Коэн.

— Врешь!

— Вышла замуж, — объяснил Коэн. — За Хэмиша Стукнутого.

— Чиво?

— Я СКАЗАЛ, ЧТО ТЫ ЖЕНИЛСЯ НА ПАМДАР, ХЭМИШ! — крикнул Коэн.

— Хе-хе-хе, агась! Чиво?

— Правда, давно это было, — добавил Малыш Вилли. — И брак длился недолго.

— Это была не женщина, а сам дьявол!

— Мы все стареем, Гарри. Теперь у нее своя лавка. «Конфетки Пам». Мармелад делает, — произнес Коэн.

— Что?! И это Памдар? Которая некогда восседала на троне, стоявшем на груде черепов?

ЕНТО Я

— Я же не сказал, что она делает *хороший* мармелад.
— А ты как поживаешь, Коэн? — спросил Злобный Гарри. — Слышал, ты императором заделался?

— Звучит неплохо, а? — мрачно откликнулся Коэн. — Но знаешь что? Скучно. Все ползают вокруг тебя, раболепствуют, драться не с кем, а от мягких постелей начинает болеть спина. Куча денег, и не на что их потратить, кроме как на игрушки. Эта треклятая цивилизация высасывает из тебя жизнь.

— Из-за нее-то Старик Винсент и умер, — посетовал Малыш Вилли. —Erotический удар. Некоторое время тишину нарушали лишь шипение снега на углях и яростный скрип мыслей собравшихся вокруг костра.

— Наверное, все-таки апоплексический, — предположил бард.

— Ага, он самый, — подтвердил Малыш Вилли. — Никак не запомню это слово, да и какая разница?

— В *апокалиптическом* смысле — очень большая, — сказал Коэн и повернулся к Злобному Гарри. — Герой не должен так умирать — жирным и размякшим после сытного ужина. Герой должен погибать в бою.

— Да, но вы-то, парни, живы-живехоньки, — заметил Злобный Гарри.

— Это потому, что мы выбирали не тех врагов, — сказал Коэн. — Но на сей раз мы собираемся наведаться в гости к самим богам. — Он похлопал ладонью по бочонку, на котором сидел. Остальные члены Орды зажмурились. — У нас есть тут одна штука, раньше им принадлежала.

Коэн окинул вопросительным взглядом собравшихся. Ордынцы едва заметно кивнули.

— Злобный Гарри, а почему бы тебе не пойти с нами? — предложил он. — Можешь и своих мерзких приспешников захватить.

— Эй, я ведь Темный Властелин! — воскликнул Злобный Гарри, вскидывая голову. — Как это будет выглядеть, если я присоединюсь к компании героев?

— Никак не будет, — резко отрезал Коэн. — И хочешь услышать почему? Потому что мы — последние. Мы и вы. А всем остальным плевать. Нету больше героев, Злобный Гарри. Как и злодеев.

— Злодеи были, есть и будут! — возразил Злобный Гарри.

— Нет, теперь остались только подлые, злобные, коварные паскудники. И, обстряпывая свои делишки, они прикрываются законом. И знаешь что, Злобный Гарри, имена у них теперь совсем другие.

— Они не знают, что такое Кодекс, — сказал Малыш Вилли.

Все кивнули. По закону можешь ты не жить, но Кодекс соблюдать обязан.

— Люди с клочками бумаги, — презрительно бросил Калеб.

Все снова кивнули. Любовью к чтению ордынцы не славились. Для них бумага была врагом, как и люди, которые ее использовали. Бумага прокрадывалась мимо тебя и завоевывала мир.

— Гарри, ты всегда нам нравился, — промолвил Коэн. — Ты играешь по правилам. Ну? Пойдешь с нами?

Злобный Гарри выглядел несколько смущенным.

— Понимаешь, мне хотелось бы. Но я... я ведь Злобный Гарри, верно? Вы не можете доверять мне ни на йоту. При первой же возможности я предам вас, вероломно всажу нож в спину или выкину еще что подобное... Я просто должен буду так поступить! Конечно, если бы все зависело от меня, я поступил бы по-другому... но я должен думать о своей репутации. Я же Злобный Гарри. Так что даже не проси.

— Клево молвил, — одобрил Коэн. — Мне нравятся люди, которым нельзя доверять. По крайней мере знаешь, чего от них ожидать. А все беды, как правило, от тех, в ком ты не уверен. Присоединяйся к нам, Гарри. Ты — один из нас. И твои парни тоже.

Вижу, среди них новенькие...

Коэн удивленно оглядел команду Грязного Гарри.

— Ага. Действительно глупых приспешников сейчас днем с огнем не сыщешь, — пояснил Злобный Гарри. — Это вот Слизень...

МЯСНИК

- Норк-норк, — откликнулся Слизень.
- Туполюдоящеры... Встречал когда-то, — ухмыльнулся Коэн. — Приятно узнать, что еще не все вымерли. Эй, их даже двое. А этот?...
- Норк-норк.
- Этот тоже Слизень, — сказал Злобный Гарри, осторожно похлопав людоящера по спине так, чтобы не уколоться о шипы. — Эти туполюдоящеры могут запомнить только одно имя, не больше. А здесь у нас... — Он повернулся к существу, смутно напоминавшему гнома. Существо подняло на него умоляющие глаза. — Наша Подмышка.
- Ваша Подмышка, навсегда ваша, — с благодарностью подтвердил Подмышка.
- Норк-норк, — изрек один из Слизней на тот случай, если эти слова были адресованы ему.
- Молодец, Гарри, — похвалил Коэн. — Очень трудно найти действительно тупого гнома.
- Нелегко было, уверяю тебя, — признался Гарри с некоторой гордостью и продолжил представлять своих соратников. — А это Мясник.
- Отличное имечко! — воскликнул Коэн, оглядывая с ног до головы огромного, жирного мужика. — Твой тюремщик, верно?
- Непросто было отыскать такого, — сказал Злобный Гарри. Мясник расплылся в счастливой и тупой улыбке. — Верит всему, что говорят, не заподозрит тебя, какое бы нелепое обличье ты ни напялил, пропустит даже прачку-трансвестита с бородой, в которой пасутся козлы, мгновенно засыпает на стуле рядом с тюремной решеткой, а еще...
- ...Носит ключи на большом крюке на поясе, чтобы их было легко снять! — закончил за него Коэн. — Классика. Мастерский штрих. И с вами, как погляжу, тролль.
- Енто я, — прогрохотал тролль.
- Норк-норк.
- Енто я.
- Без тролля никуда, верно? — пожал плечами Злобный Гарри. — На мой взгляд, чересчур смывшленный, зато напрочь лишен ориентаций в пространстве и не может запомнить свое имя.
- А здесь что мы имеем? — спросил Коэн. — Настоящий старый зомби? Где ты его откопал? Мне нравятся люди, которые не боятся показать свое нутро.
- Гак, — изрек зомби.

ПОДМЫШКА

— Что, языка нет? — осведомился Коэн. — Не переживай, парень, холодящий кровь визг — это все, что тебе нужно. Ну, и парочка кусков проволоки, судя по твоему виду. Главное — стиль, остальное приложится.

— Енто я.

— Норк-норк.

— Гак.

— Енто я.

— Ваша Подмышка, навсегда ваша.

— Можешь ими гордиться. Мне ни разу не доводилось видеть толпу более тупых приспешников, — с восхищением произнес Коэн. — Гарри, ты словно мощное дуновение газов в комнате, полной роз. Бери их всех с собой. Даже слышать не желаю о том, что ты не пойдешь с нами.

— Приятно быть оцененным по заслугам, — сказал

Гарри, покраснев и потупив взор.

— Чего ты вообще ждешь от будущего? —

поинтересовался Коэн. — Кто в наши дни может по достоинству оценить Темного Властелина? Мир стал слишком запутанным и сложным. Он больше нам не принадлежит.Erotические удары — вот и все, что нас ждет.

— И что за авантюру вы собирались провернуть? — спросил Злобный Гарри.

— Норк-норк.

— Ну, я считаю, настало время поступить так, как мы поступали в самом начале, — ответил Коэн. — В последний раз, так сказать, бросить кости. — Он снова похлопал по бочонку. — Пора вернуть кое-какой должок.

— Норк-норк.

— Заткнись.

Разновидности болотных драконов

1. Ходульник ловкий. Обратите внимание на удлиненные брыли.
2. Оптимист овнечовий. Добродушный, редко взрывается.
3. Фиглифьордский голубой. Прекрасная чешуя, но мучается ностальгией.
4. Похабник гладконосый.
5. Весельчак большеносый. Боится лопат.
6. Похабник шершавоносый (пожилой самец).
7. Вострохвост. Легковозбудим. Лазает по окнам.
8. Длинноух щеботанский. Нрав кроткий, но нуждается в ежедневных упражнениях.
9. Однолюб щетинистый. Крайне редок. Нуждается в особом уходе.
10. Похабник классический. Очень распространенный и популярный дракон.
11. Обманник золотистый. Хороший сторожевой дракон, не подпускает к детям.
12. Похабник узкоухий. Очень нервный, поэтому живет недолго.
13. Каупер львиноголовый. Широкораспространенная порода, удобна в содержании, но часто страдает от уколик.
14. Неврояд томкинский. Красив, но черезчур возбудим, а потому крайне взрывоопасен.
15. Каупер черепахоголовый. Исключительно для страстных любителей.
16. Похабник застенчивый. Встречается очень нечасто.
17. Рарн золотистый.
18. Похабник бербрайтский. До смерти боится ложек.
19. Яшер бербрайтский. Редкая горная порода, не умеет летать.
20. Каупер полосатый. Лучший из кауперов, сейчас весьма популярен.
21. Королевский серебристый. Классическая порода, популярна в Сто Лате.
22. Тупица джессингтонский. Очень редкий и очень тупой.
23. Обманник джессингтонский. Более мелкий и послушный, чем золотистый. Обожает консервные банки.
24. Похабник обыкновенный. Широко распространенный болотный дракон, знаком всем и вся.
25. Похабник феемордый. Многочисленные наследственные проблемы, только для драконоводов-экспертов.
26. Похабник огнеопасный. Он и капуста неразлучны.
27. Королевский рогатый. Ведет в основном ночной образ жизни, летать не умеет, хороший окрас, но рылом не вышел.
28. Обманник гладкий. Беззлобен, можно содержать в небольших домах.
29. Похабник большеносый. Редко дает породистый приплод. Проявляет интерес к зеркалам.
30. Попрыгун животликий. Летать не умеет, но по земле развивает скорость до 30 миль в час.
31. Королевский остроносый. Один из самых красивых классических драконов. Ненавидит обувь.
32. Каупер шероховатомордый. В настоящее время встречается редко.
33. Обидник. Маленький, летать не умеет, живет только в помещениях. Питается курятиной и мебелью.
34. Щелезуб курчавогривый. Дружелюбный, часто недомогает, но редко взрывается.
35. Эполет эверийский. Типичный миниатюрный наплечный дракончик.
36. Ходульник бридизийский. Ничем не выдающийся дракон.
- 37, 38. Самка и самец огнемета. Летает очень плохо, но может стать вполне приличным питомцем для менее требовательных семей. Взрывается в присутствии мяты.

(из «Выставочного путеводителя по драконам», составленного госпожой Сибиллой Овненц, издательство «Каверна-пресс», Анк-Морпорк, 20 а.-м. долларов за экз.)

Круглую ночь лучи света пробивались сквозь дыры и швы брезента. Похоже, Леонард Щеботанский вообще никогда не спал. Вполне возможно, он придумал какое-нибудь устройство, которое делало это за него.

Но в данный момент патриция беспокоило нечто иное.

Драконы путешествовали на специальном корабле — слишком опасно было перевозить их на чем-либо еще. Суда, как правило, делались из дерева, а драконы даже в спокойном состоянии изрыгали языки пламени. А в возбужденном состоянии вообще взрывались.

— С ними все будет в порядке? — спросил лорд Витинари, стараясь держаться подальше от клеток. — Если хоть один из них пострадает, мне грозят серьезные неприятности от Санатория Для Тяжело Больных Драконов и госпожи Овнец лично. И эта перспектива меня совсем не радует, уверяю.

— Господин Щеботанский говорит, что для беспокойств нет никаких оснований. Все дракончики вернутся целыми и здоровыми, милорд.

— А вот ты, господин Тупс, доверил бы свою жизнь устройству, приводимому в действие драконами?

Думминг проглотил комок в горле.

— Я не подхожу на роль героя, милорд.

— Почему же, позволь поинтересоваться?

— Думаю, для героя у меня слишком живое воображение.

Что же касается полетов по воздуху, я окончательно убедился в нецелесообразности размахивания крыльями. Лишь в паении альбатросов и орлов видится мне нужный нам способ: как свободно они парят, с какой легкостью меняют направление незаметными изгибами кончика крыла!

Начальная высота может быть обеспечена запуском с высокой башни (которая в другое время может использоваться для подачи сигналов или поджигания врага огнем негасимым) или же с утеса, но так же с наклонной плоскости, если достаточная тяга будет обеспечена драконами либо трубыми с огнедышащей смесью.

Мне совершенно ясно, что самым высоким утесом является Край света. Спринув оттуда с максимальным ускорением, Великая Птица без труда долетит до другой стороны мира. Ежели народы научатся с подобной легкостью достигать друг друга, крепкий мир воцарится повсюду.

Так и не смог найти свой трактат о строении крыла. О, госпожа Триплет, стирающая пыль в мастерской у меня, что за угрозу существу несете вы!

Оказавшись в воздухе, Великая Птица наберет высоту благодаря потокам теплого воздуха, которые беспредельно поднимаются вверх. Рулей должен наблюдать за недом и землей, что осталось внизу, аки лоцман следит за поверхностью прибрежного моря. Вознесению следует учитывая унда.

ным божеством в далекой и безумной пустынной стране, но вдруг стал одним из главных богов. Все это стало возможным не потому, что он действительно оправдывал надежды молящихся, но в общем и целом Ом вел себя так динамично, что всегда была надежда: однажды наступит день, и ужо тогда полетят в небо фейерверки. На Гьюонона, который благодаря умелому размахиванию тяжелым кадилом пережил десятилетия напряженных теологических диспутов, новые технологии произвели весьма сильное впечатление.

И конечно, нельзя было не учитывать новичков, таких, к примеру, как Анигер, Богиню Раздавленных Зверьков. Кто мог предвидеть, что строительство дорог и изобретение более быстроходных повозок приведет к ее появлению? Но влияние божества, к которому взывают в миг крайней нужды, растет буквально на глазах, а в последнее время люди все чаще восклицали: «О мой бог, на кого это я наехал?»

— Братья! — закричал Гьюонон, когда ему надоело ждать. — И сестры!

«Что ж, вполне разумное объяснение», — думал лорд Витинари, удаляясь. Отличие состояло в том, что воображение обычных людей работало в виде мыслей и изображения, а воображение Леонарда — в виде формы и пространства. Его грезы выражались исключительно в виде спецификаций и инструкций по сборке.

Лорд Витинари почувствовал, что все больше и больше надеется на успех *второго* плана. Когда ничего не помогает, остается только молиться...

— Успокойтесь, прошу вас, успокойтесь! — взывал первосвященник Слепого Ио Гьюонон Чудакули к толпе жриц и жрецов, собравшейся в грандиозном Храме Мелких Богов.

Во многом Гьюонон был похож на своего родного брата Наверна. И точно так же он позволял, что его работа — в основном организационная. Большинство людей умели верить *по-настоящему*, и он всего-навсего позволял им этим заниматься. Но чтобы белье было выстирано, а дом поддерживался в хорошем состоянии, одной молитвой тут не отделешься. Богов было превеликое множество... тысячи две, не меньше. Многие были совсем мелкими, но и за ними требовался глаз да глаз. Боги — это своего рода мода. Взять, например, Ома. Он был каким-то мелким кровожад-

Гомон голосов стих. С потолка посыпались хлопья сухой краски.

— Спасибо, — сказал Чудакулли. — Прошу, выслушайте меня. Я и мои коллеги... — он показал на старших священнослужителей за своей спиной, — уверяю вас, мы очень долго обдумывали эту идею и нашли ее, с точки зрения теологии, весьма разумной. Мы можем продолжить?

Он все еще чувствовал беспокойство среди священной братии. Прирожденные руководители терпеть не могут, когда ими руководят.

— Если мы даже *не попытаемся*, — наконец заговорил он, — планы этих безбожных волшебников могут увенчаться успехом. И кем еще, как не толпой простофиль, мы будем выглядеть?

— Все это, конечно, хорошо, — крикнул один из священнослужителей, — но здесь важна форма! Мы не можем *все* молиться одновременно! Боги не одобряют экуменизм, это известный факт! И что за слова должны мы использовать, во имя всех богов!

— Лично мне кажется, что короткие, непротиворечивые...

Гьюонон Чудакулли вдруг замолчал. Перед ним сидели священнослужители, которым священным эдиктом было запрещено питаться брокколи; священнослужители, которые требовали, чтобы незамужние девушки закрывали уши, дабы не разжигать в мужчинах страсть; священнослужители, которые поклонялись песочным кексам с изюмом. Вот и говори тут о непротиворечивости.

— Понимаете, все свидетельствует о том, что наступает конец света, — слабым голосом промолвил он.

— Правда? О, как долго некоторые из нас ждали этого! То будет кара человечеству за все его прегрешения!

— И за брокколи!

— И за короткие стрижки, которые сейчас носят девушки!

— Только кексы будут спасены!

Чудакулли отчаянно замахал посохом, призывая к тишине.

— Однако это не гнев божий! — возразил он. — Все это — *действия человека*!

— Но он вполне может быть десницей божьей!

— Кто? Коэн-Варвар?

— Да хотя бы и он, какая...

Спорщик прервался. В бок ему настойчиво тыкал стоящий рядом священнослужитель.

— Одну минуточку...

Возбужденные споры долго не смолкали. Лишь немногие храмы не были ограблены или осквернены за долгую жизнь этого героя-авантюриста, поэтому священнослужители пришли к дружному согласию, что ни один из богов не стал бы делать своей десницей такого безбожника, как Коэн-Варвар. Гьюонон обратил свой взор к потолку с красивой, но несколько обветшавшей панорамой богов и героев. «Легко быть богом», — с тоской подумал он.

— Ну, хорошо, — наконец высокомерным тоном промолвил один из возражавших. — В данном случае, учитывая особые обстоятельства, думаю, мы можем собраться за общим столом. Но только один раз.

— Это хорошо... — начал было Чудакулли.

— Но мы должны очень серьезно обсудить, какой формы будет стол.

На мгновение лицо Чудакулли лишилось всякого выражения.

— Патиссон, — шепнул он, наклоняясь к одному из своих поддъяконов, — пусть кто-нибудь сбегает ко мне домой и попросит жену собрать для меня дежурный набор. Судя по всему, наше собрание затянемся.

IIIли дни, но ближе центральная вершина Кори Челести не становилась.

— Слушай, а ты уверен, что у Коэна все в порядке с головой? — спросил Злобный Гарри, помогая Малышу Вилли тащить по льду кресло-каталку Хэмиша.

— Пытаясь посеять в рядах зерна недовольства, а, Гарри?

— Я тебя предупреждал, Вил. Я — Темный Властелин и должен держать себя в форме. А сейчас мы тащимся за командиром, который постоянно забывает, куда положил свои вставные зубы.

— Чиво? — проскрипел Хэмиш Стукнутый.

— Я лишь хотел сказать, нельзя так запросто взять и взорвать богов, — продолжал Злобный Гарри. — Это немного... непочтительно.

— Думаю, Гарри, ты за свою жизнь осквернил немало храмов.

— Я даже *руководил* ими. Некоторое время, как ты, наверное, знаешь, я был Безумным Демоном-Властителем. И у меня был свой храм — Храм Ужаса.

— Ага, куда никто, кроме тебя, не ходил, — хмыкнул Малыш.

— Давай, давай, продолжай издеваться, — обиженно произнес Гарри. — Думаешь, надо мной можно издеваться только потому, что я никогда не входил в большую лигу, только потому...

— Кончай, Гарри, ты же знаешь, мы так не считаем. Мы всегда относились к тебе с уважением. Ты чтишь Кодекс. Храниш веру. Просто Коэн решил, что боги сами напросились. А лично меня беспокоит то, что нам предстоит нелегкий путь.

Злобный Гарри посмотрел на заснеженное ущелье.

— В горы ведет своего рода волшебная тропа, — пояснил Вилли. — Но до нее можно добраться только через великое множество пещер.

— Непреодолимые Пещеры Жути, — понимающе кивнул Злобный Гарри.

— Так ты слышал о них? — с уважением посмотрел на него Вилли. — Согласно старой-престарой легенде, их охраняет тьма ужасных чудовищ и чертовски хитрых ловушек, преодолеть которые *никому* не удавалось. Ах да... еще нас ждут гибельные пропасти. Потом мы должны будем переплыть подводные пещеры, которые сторожит гигантская рыба-людоед. А затем мы встретимся с безумными монахами, и в самом конце нас ждет дверь, открыть которую можно, лишь решив древнюю загадку... В общем, все как обычно.

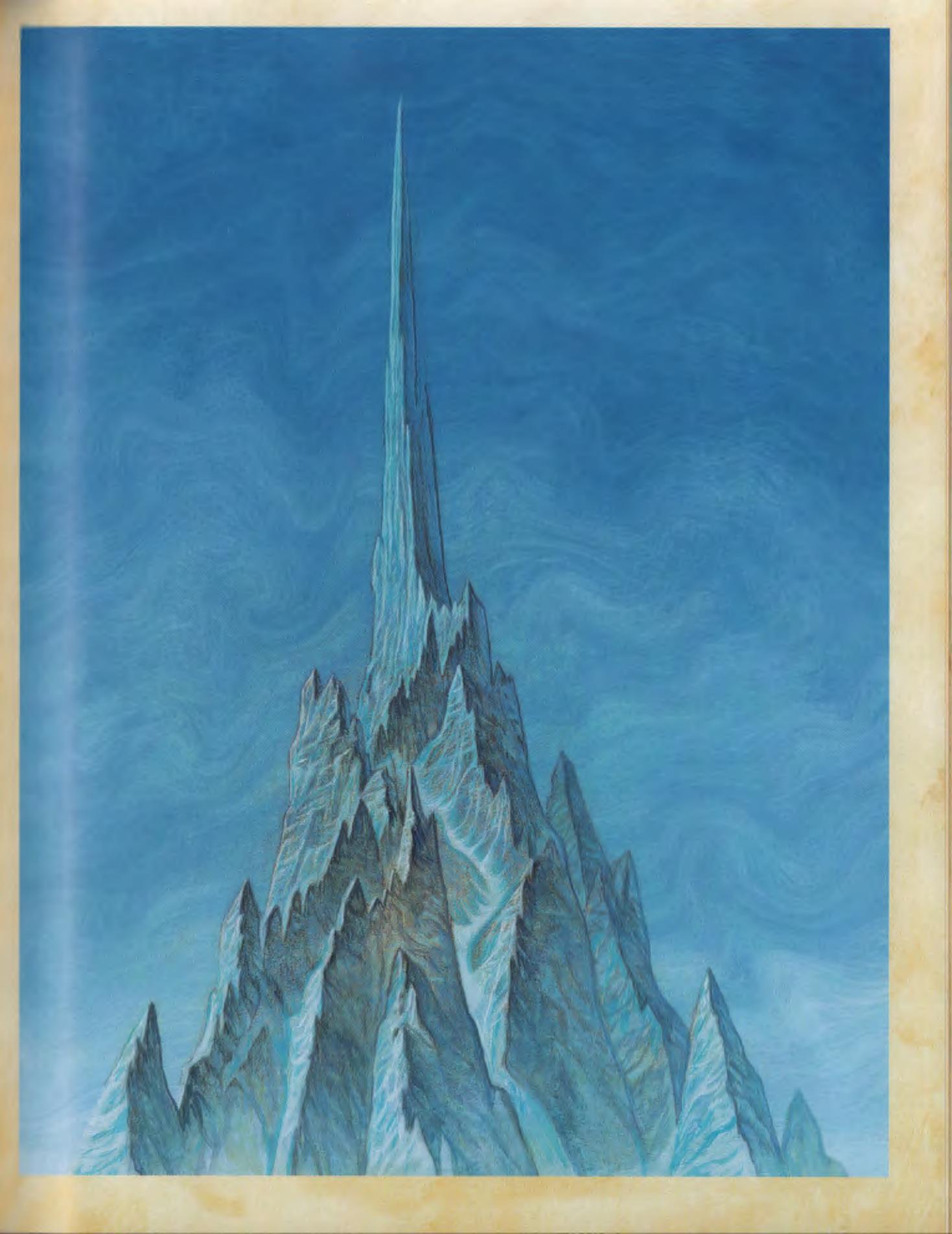
— Та еще работенка предстоит, — согласился Злобный Гарри.

— Но нам известна отгадка, — похвастался Вилли. — Зубы.

— И как же вы ее узнали?

— А и не нужно было ничего узнавать. Ответ на все без исключения древние загадки — это «зубы», — проворчал Малыш Вилли, выталкивая кресло-каталку из особенно глубокого сугроба. — Но самым-самым трудным будет протащить эту треклятую колымагу через все препятствия так, чтобы Хэмиш не проснулся и не натворил бед.

мерть сидел в своем кабинете в темном доме на краю Времени и смотрел на деревянную шкатулку.

— МОЖЕТ, СТОИТ ЕЩЕ РАЗ ПОПРОБОВАТЬ? — предположил он.

Смерть взял на руки крошечного котенка, погладил его по голове, аккуратно опустил в шкатулку и закрыл крышку.

— КОГДА ВОЗДУХ ЗАКАНЧИВАЕТСЯ, КОТ УМИРАЕТ?

— Полагаю, что так, — кивнул его слуга Альберт. — Но дело не в этом. Если я правильно понимаю, определить, мертвa кошка или нет, можно только посмотрев на неe.

— АЛЬБЕРТ, ДО ЧЕГО Ж МЫ ДОКАТИЛИСЬ, ЕСЛИ Я, ЧТОБЫ УЗНАТЬ, УМЕРЛО СУЩЕСТВО ИЛИ НЕТ, ДОЛЖЕН СМОТРЕТЬ НА НЕГО!

— Э.... хозяин, теория гласит, что именно акт *наблюдения* определяет, умерло существо или нет.

Смерть выглядел несколько обиженным.

— ТЫ НАМЕКАЕШЬ, ЧТО ОТ ОДНОГО МОЕГО ВЗГЛЯДА КОШКИ МРУТ?

— Не совсем, хозяин.

— Я ЖЕ НЕ СОБИРАЮСЬ КОРЧИТЬ ЕМУ ВСЯКИЕ УЖАСНЫЕ РОЖИ.

— Честно говоря, хозяин, лично я сомневаюсь, что даже волшебники до конца понимают эту чепуху про неопределенность, — ответил Альберт. — В мое время мы подобной ерундой не занимались. Определенность-неопределенность, уверенность-неуверенность... Не уверен, значит, мертв. И точка.

Смерть кивнул. У него с трудом получалось идти в ногу со временем. Взять, к примеру, параллельные измерения. Вот *паразитные* измерения — это да, это понятно. В одном из таких он жил. Паразитные измерения были недоделанными вселенными, которые могли существовать, лишь присосавшись к главной вселенной на манер рыбы-прилипалы. Но параллельные измерения могли означать лишь одно: все, что ты сделал, ты не сделал где-нибудь еще.

Все это представляло собой необыкновенно тонкую проблему для существа, которое по природе своей было *определенным*. С тем же успехом можно играть в покер против неопределенного числа противников.

Смерть открыл шкатулку и посмотрел на котенка. Котенок уставился на него с нормальным для любого котенка изумлением.

— ТЕРПЕТЬ НЕ МОГУ, КОГДА С КОШКАМИ ПЛОХО ОБРАЩАЮТСЯ, — сказал Смерть, осторожно опуская котенка на пол.

— А по-моему, эта идея с котенком в коробке — не более чем метафора, — откликнулся Альберт.

— А..., ТО ЕСТЬ ЛОЖЬ.

Смерть щелкнул пальцами.

Кабинет Смерти не занимал пространства в привычном смысле этого слова.

Потолок и стены служили скорее декорациями, а не средствами ограничения. Сейчас они потускнели, исчезли, и на их месте появились гигантские песочные часы.

Их размеры трудно было определить, но мертв эти часы можно было разве что в милях.

Внутри по струящемуся песку плясали молнии, а снаружи на стекле было выгравировано изображение черепахи.

— М-ДА, МЕСТА ПОТРЕБУЕТСЯ НЕ-МАЛО, — сказал Смерть.

3

лобный Гарри опустился на колени перед наспех сложенным алтарем. Состоял алтарь в основном из черепов, которые несложно было найти в этой зловещей местности. Гарри решил помолиться. За долгое время пребывания Темным Властелином (пусть даже довольно-таки незначительным) он сумел обзавестись несколькими полезными знакомствами в иных измерениях. Это были... в некотором роде боги. У них даже имелись имена. Одного, например, звали Душесос Олк-Калат. Честно говоря, даже в лучшие времена было достаточно сложно отличить богов от демонов.

— О Многомогущий! — начал Злобный Гарри. Это был безопасный религиозный эквивалент фразы «Всем, кого это может касаться». — Должен предупредить, что банда героев поднимается в горы, дабы поразить тебя возвратившимся огнем. Сразу же их в гневе молнией, а потом награди милостью свою твоего покорного слугу, а именно Злобного Кошмара Гарри. Почту можно передать через госпожу Гиббонс, Лладмедос, Панталонс-и-Корсетт, Дольменская улица, двенадцать. А еще, если это возможно, я хотел бы получить участок земли с настоящими лавовыми ямами, лавовая яма имеется у каждого захудалого темного властелина, даже если он живет посреди треклятой пойменной почвы, прошу прощения за мой клятческий, и вообще, я считаю это дискриминацией малого бизнеса, не хотел тебя обидеть.

Гарри немного выждал на случай, если кто ответит, потом вздохнул и с трудом поднялся на ноги.

— Я — злобный и предательский Темный Властелин, — пробормотал он. — А чего они ждали? Я говорил. Я предупреждал. Конечно, если бы это зависело от меня... Но каким бы я был Темным Властелином, если бы не...

Неподалеку он заметил что-то розовое и залез на припорощенный снегом камень.

Через пару минут к Злобному Гарри присоединились остальные члены Орды и стали задумчиво рассматривать находку. Правда, менестреля почти сразу же стонило.

— Да, не часто такое увидишь, — наконец промолвил Коэн.

— Человека, задушенного розовой шерстью для вязания? — уточнил Калеб.

— Нет, я имею в виду других двух...

— Просто удивительно, что можно сделать обычными вязальными спицами, — покачал головой Коэн. Он оглянулся на самодельный алтарь и усмехнулся. — Твоя работа, а, Гарри? Ты ж говорил, мол, хочешь побывать сам с собой...

— Розовой шерстью для вязания? — нервно переспросил Злобный Гарри. — Я? Розовой шерстью?

— Извини, не хотел тебя обидеть, — сказал Коэн. — Ладно, у нас нет на это времени. Пойдем, разберемся с Пещерами Жути. А где наш бард? Хватит блевать, доставай блокнот. Первый, кого разрубит пополам замаскированное лезвие, — тот дурак! Кстати, постарайтесь не разбудить Хэмиша...

M

оре было озарено прохладно-зеленоватым светом.

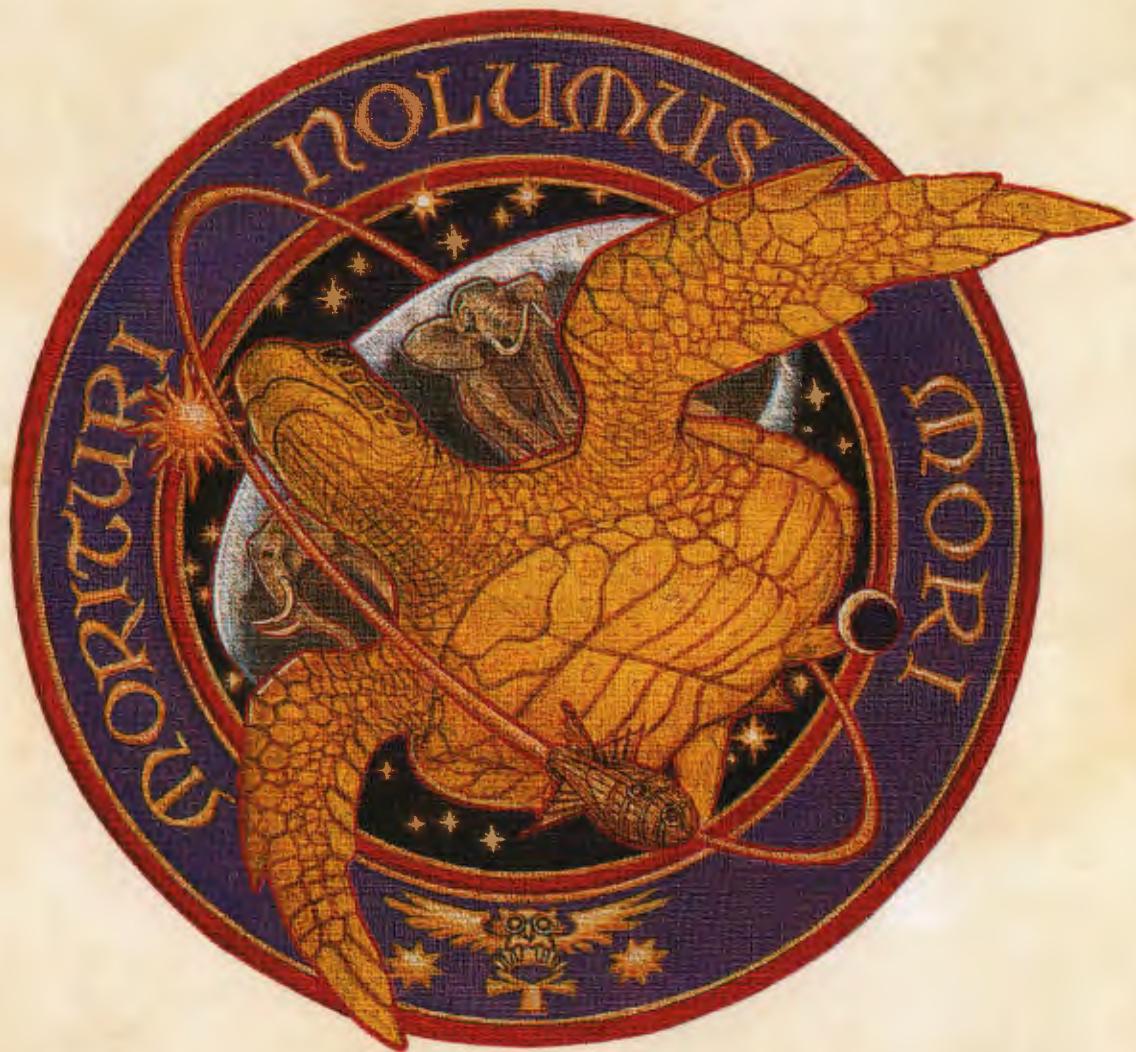
Капитан Моркоу сидел на носу. И что-то вышивал, как с изумлением обнаружил Ринсвинд.

— Эмблема нашей экспедиции, — объяснил Моркоу. — Видишь? Это тебе. — Он продемонстрировал эмблему.

— Понятно, но зачем?

— Для поднятия боевого духа.

— А, для него... — протянул Ринсвинд. — Что ж, у тебя этой штуки с избытком. Леонарду он не нужен, у меня отродясь не водилось.

— Понимаю, ты подшучиваешь, но я считаю: что-то должно связывать нашу команду, — откликнулся Моркоу, спокойно продолжая вышивать.

— Ага, и это называется кожей. Очень важно, чтобы ты весь находился внутри нее.

Ринсвинд долго разглядывал эмблему. Ничего подобного у него никогда не было. Впрочем, неправда... Однажды ему подарили значок, на котором было написано: «Привет, сиводня мне исполнилось 5». Худшего подарка и представить себе невозможно — в особенности если тебе исполнилось шесть. Тот день рождения был самым поганым днем в его жизни.

— Нужно придумать поднимающий настроение девиз, — сказал Моркоу. — Волшебники должны знать толк в таких делах.

— Как насчет «Мортури Нолумус Мори»? — мрачно предложил Ринсвинд. — Вроде бы неплохо звучит.

Моркоу, шевеля губами, попытался перевести фразу.

— «Идущие на смерть...» Остальное не понял.

— Очень поднимает настроение, — сказал Ринсвинд. — Слова родились из самого сердца.

— Отлично. Большое спасибо, — поблагодарил Моркоу. — Сейчас же вышью.

— Ты находишь все это увлекательным, да? — вздохнул Ринсвинд. — Все это тебе действительно нравится?

— Но ведь интересно побывать там, где еще никто не бывал.

— Неправильно! Мы отправляемся туда, откуда еще никто не возвращался! — Ринсвинд вдруг замолк, а потом снова заговорил: — Ну, разве что за исключением меня. Но так далеко даже я не залетал. И я... просто слепнулся обратно на Диск.

— Ага, мне рассказывали. И что ты видел?

— В основном свою жизнь, быстро проносившуюся перед глазами.

— Возможно, нам удастся увидеть что-нибудь более интересное.

Испепеляющим взором Ринсвинд смерил склонившегося над шитьем Моркоу. Этот человек выглядел до отвращения аккуратным и умелым. Наверняка еще и чистюля. А лично Ринсвинд считал его полным идиотом с большим хрящом между ушами. Но полные идиоты не способны на такие замечания.

— Я беру с собой иконограф и побольше краски для бесенка, — продолжил Моркоу. — Волшебники требуют, чтобы мы тщательно фиксировали все увиденное. Говорят, что такая возможность представляется раз в жизни.

— Знаешь, от меня ты сочувствия не дождешься, — предупредил Ринсвинд.

— Кстати, как по-твоему, что нужно этой Серебряной Орде?

— Выпивки, богатства и женщин, — мигом откликнулся Ринсвинд. — Впрочем, насчет последнего немножко сомневаюсь.

— Но ведь у них и так все есть!

Ринсвинд кивнул. Как раз этого он и не понимал. У Орды и так все было. Все, что можно было купить за деньги, — то есть *абсолютно* все, потому что денег на Противовесном континенте было много.

Но тут встает один простой вопрос: когда ты добился всего, чего ты будешь добиваться дальше?

Долина была озарена прохладно-зеленоватым светом, отражавшимся от центральной ледяной вершины. Он колебался и переливался, как вода. В долину, недовольно бурча и постоянно «чевокая» друг другу, входили члены Серебряной Орды.

Чуть позади, согнувшись в три погибели от пережитых ужаса и страха, бледным свидетелем кошмарных событий плелся менестрель. Его одежда превратилась в лохмотья. Одна штанина была оторвана. Он выглядел промокшим до нитки, хотя на его одежде (вернее, на том, что от нее осталась) виднелись обуглившиеся дыры. У дребезжащей, зажатой в дрожащей руке лютни была откусена часть корпуса. В общем и целом, менестрель походил на человека, который действительно повидал жизнь — причем в самых крайних ее проявлениях.

— Не слишком-то они были безумны, — заметил Калеб. — Скорее они были какими-то грустными. Вот я знал действительность шизанутых монахов.

— Да и чудовищ давным-давно пора послать на живодерню, — поддержал Маздам. — Мне даже как-то было неловко их убивать. Они были старше *нас*.

— Зато какие рыбины! — возразил Коэн. — В самом деле здоровенные твари.

— И очень кстати, — добавил Злобный Гарри. — Морж-то у нас кончился.

— Гарри, твои приспешники отлично показали себя, — сказал Коэн. — Это даже нельзя назвать глупостью. Никогда не видел, чтобы столько народу одновременно лупило друг дружку по головам.

— Хорошие ребята, — согласился Гарри. — Полные идиоты.

Заметив краем глаза, как Малыш Вилли сосет порезанный палец, Коэн усмехнулся.

— Стало быть, зубы, да? — спросил он. — Один и тот же ответ? Всегда?

— Ну, хорошо, хорошо, иногда ответ — «язык», — огрызнулся Малыш Вилли и повернулся к менестрелю.

— Ты записал, как я порубил в капусту того огромного паука?

Менестрель медленно поднял голову. На лютне порвалась еще одна струна.

— Бе-е-е, — проблеял он.

Члены Орды поспешили окружили барда. Ни в коем случае нельзя было допускать, чтобы кто-то один удостоился лучших рифм.

— *И не забудь спеть о том, как рыба проглотила меня, а я вспорол ей брюхо и выбрался, понятно?*

— Бе-е-е...

— *А ты записал, как я убил шестиру-
кую танцующую статую?*

— Бе-е-е...

— *Ты че несешь? Это
я убил статую!*

— *Щас! Это я ее
расположил, приятель.
После такого удара никто
не выживает!*

— *Почему же ты просто
не отрубил ей голову?*

— *Не мог. Кто-то успел
сделать это до меня!*

— *Послушайте, он ничего
не записывает! Почему он ни-
чего не записывает? Коэн, ска-
жи, чтоб он все записал!*

— Оставьте его на время в
покое, — велел Коэн. — По-мо-
ему, рыба пришлась ему не по
нутру.

— Скорее наоборот, — хмык-
нул Маздам. — Не она — ему, а
он — ей. Но его ж даже не поже-
вали, благо я вовремя поспел! А в
коридоре он неплохо просушился.
Ну, помните, когда из пола не-
ожиданно вырывалось пламя?

— Наверное, наш бард не
ожидал, что из пола неожидан-
но вырвется пламя, — пояснил
Коэн.

Маздам театрально пожал
плечами.

— Ты всегда должен быть готов к неожиданному пламени, иначе сиди дома и никуда не суйся.

— Кстати, если б Хэмиш не проснулся, с теми демонами-привратниками нам пришлось бы повозиться, — сказал Коэн.

В кресле, полупогребенный под завернутыми в шафрановые балахоны кусками рыбного филе, зашевелился Хэмиш.

— Чиво?

— Я СКАЗАЛ, ОЧЕНЬ УЖ ТЫ БЫЛ НЕДОВОЛЕН, КОГДА ТЕБЯ РАЗБУДИЛИ! — прокричал Коэн.

— Агась, оно самое!

Малыш Вилли потер бедро.

— Должен признаться, одна из этих тварюг едва не достала меня, — промолвил он. — Бояюсь, скоро придется завязывать.

Коэн быстро повернулся к нему.

— Чтобы умереть, как Старик Винсент?

— Ну, нет, конечно...

— Представь, как бы он выглядел, не устроил мы ему настоящие похороны! Огромный костер — вот настоящие похороны для героя. А многие ворчали, мол, зря хорошую лодку испортили! Так что перестань молоть всякую чушь — и за мной!

— Бе-е... Бе-е... — проблеял менестрель и наконец нашел в себе силы закончить: — Безумцы! Безумцы! Безумцы! Все вы — полнейшие безумцы!

Калеб ласково похлопал его по спине, повернулся и двинулся за своим вождем.

— На нашем языке, приятель, это называется «берсерки», — бросил он через плечо.

Кое-что следовало проверить...
— Неоднократно по ночам я наблюдал за поведением болотных драконов, — сообщил Леонард, пока Думминг Тупс настраивал огнеизрыгательный механизм. — И мне стало совершенно ясно: пламя используется ими как средство передвижения. В некотором смысле, болотный дракон — живая ракета. Мне всегда казалось странным, что такое существо возникло в нашем мире. Подозреваю, они явились к нам извне.

— Слишком уж они тяготеют к взрывчатости, — заметил Думминг, отходя на шаг от сидящего в клетке дракончика, который не спускал с него глаз.

— Плохое питание, — безапелляционным тоном заявил Леонард. — Видимо, они привыкли к другой пище. Но я уверен, разработанный мной состав будет питательным, безопасным и... весьма полезным для наших целей.

— А теперь, по-моему, нам пора спрятаться за мешками с песком, — сказал Думминг.

— Ужель ты считаешь...

— Именно!

Плотно прижавшись спиной к мешкам, Думминг зажмурился и дернул за веревочку.

Перед клеткой дракона буквально на мгновение появилось зеркальце. А первая реакция самца, увидевшего перед собой другого самца, — это мощная струя пламени...

Раздался жуткий рев. Наконец выглянув из-за мешков, Думминг и Леонард увидели над вечерним морем желто-зеленый огонек, с грохотом уносящийся прочь.

— Тридцать три секунды! — сообщил Думминг, когда огонек наконец погас, и радостно вскочил на ноги.

В этот самый момент дракончик рыгнул.

Некоторые соображения касательно драко *бульгарис*
(дракона золотного обыкновенного)

Пламени практически не было, но более мокрого взрыва Думмингу переживать не приходилось.

— Ага, — изрек Леонард, вставая из-за мешка и снимая с головы лоскут чешуйчатой кожи. — Почти получилось, как я полагаю. Но надо бы добавить древесного угля и экстракта водорослей, чтобы сгладить отдачу.

Думминг снял шляпу. Больше всего на свете ему хотелось сейчас принять ванну. А потом еще одну.

— Плохой из меня ракетомаг, верно? — пожаловался он, стирая с лица кусочки дракона.

Но буквально через час очередная струйка пламени пролетела над волнами, тонкая и ослепительно белая, с синеватой сердцевиной... И на этот раз... на этот раз дракончик лишь улыбнулся.

- Да я лучше сдохну, чем поставлю свою подпись, — сказал Малыш Вилли.
- А я лучше сражусь с драконом, — заявил Калеб. — Только с настоящим, как в былые времена. А то нынешняя мелюзга только на фейерверки и годится.
- Раз подписался, — кивнул Коэн, — и все, ты у них в руках.
- Слишком много букв, — сказал Маздам. — И все разные. Лично я всегда ставил крестик.
- Орда остановилась передохнуть и покурить на каменной плите на границе зеленой долины. Земля была покрыта толстым слоем снега, а воздух был на удивление теплым. От сильного магического поля слегка покалывала кожу.
- А вот чтение, — продолжил Коэн, — совсем другое дело. Я совсем не против, если человек немного читает. Например, попади тебе в руки карта, а на ней — большой крест, так вот, умеющий читать человек сразу все поймет.
- Что поймет? Что это карта Маздама? — спросил Малыш Вилли.
- Ага. Или еще кого.
- А я умею и писать, и читать, — виновато признался Злобный Гарри. — Так уж вышло. Необходимо для дела. Этикет, так сказать. С людьми, которых ты запускаешь по доске над кишащим акулами бассейном, нужно вести себя ~~рационально~~... Так тебе еще больше боятся.
- Тебя, Гарри, никто ни в чем не обвиняет, — откликнулся Коэн.
- Ха, если бы я еще мог достать акул... — ударился в воспоминания Гарри. — Не стоило мне верить Безрукому Джонни: мол, акулы это, акулы, просто у них еще не все плашки отросли. А эти твари просто плавали кругами, весело попискивали и постоянно просили рыбы. Я бросаю людей в пыточный бассейн для того, чтобы их разорвали на части, а вовсе не для того, чтобы они там вступали в контакт с собственным «я» или сливались воедино с космосом.
- Даже акула была бы лучше, чем эта рыба, которой мы запаслись, — скрчил рожу Калеб.
- Сомневаюсь, — возразил Коэн. — Акулы воняют мочой. — Он повел носом. — А сейчас пахнет...
- ...Кулинарией, — закончил за него Маздам.
- Обходя валуны, они двинулись на запах. Менестрель с удивлением услышал широк мечей, выскальзывающих из ножен.
- Никогда не доверял кулинарии, — сказал Коэн, очевидно пытаясь объяснить свое поведение.
- Но вы ведь только что сражались с чудовищными, безумными, кровожадными рыбами! — воскликнул менестрель.
- Нет, безумными были монахи, а рыбы... Фиг их поймешь. Вот от безумного монаха всегда знаешь, чего ожидать, но человек, готовящий пищу, да еще в таком месте... Это всегда тайна.
- И что?
- А то. Тайны убивают.
- Но ты-то жив.
- Меч Коэна со свистом рассек воздух, который вроде бы даже чуточку зашипел.
- Я привык их *разгадывать*.
- О... Своим мечом? Типа как Карелинус развязал цортский *уэл*?
- Честно говоря, парень, в узлах я совсем не разбираюсь.
- На площадке между валунами горел костер, на котором варились похлебка, а рядом сидела пожилая женщина и что-то вышивала. Менестрель ожидал увидеть что угодно, но только не это. Правда, для своего возраста одета женщина была немножко... по-молодежному, и окруженный цветочками девиз, который она вышивала на платке, гласил: «АТВЕДАЙ СТАЛИ, САБАЧЬЯ СВИНЬЯ».

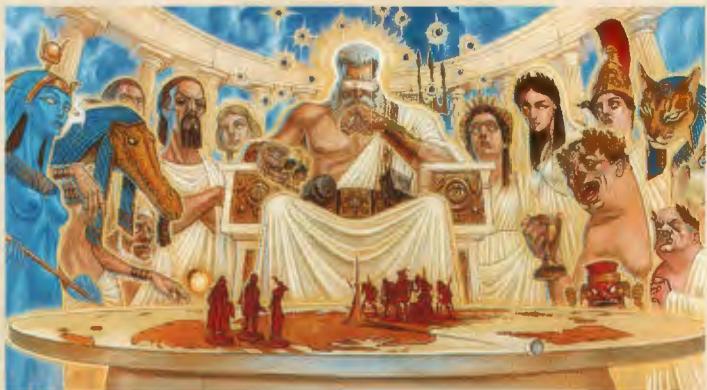
- Так-так, — сказал Коэн, убирая меч обратно в ножны. — Наткнувшись на те трупы, я еще подумал: кажется, знакомый почерк. И не ошибся. Как поживаешь, Вена?
- Неплохо выглядишь, Коэн, — спокойно откликнулась женщина, словно бы совсем не удивившись появлению Орды. — Ребята, похлебки хотите?
- Ага, — с ухмылкой ответил Маздам. — Только сначала ее попробует бард.
- Как тебе не стыдно, Маздам, — укорила женщина, откладывая вышивание.
- Не стыдно. Когда мы встречались в последний раз, ты отправила меня и утянула мешок драгоценностей...
- Это было сорок лет тому назад! И где ты был, когда мне пришлось в одиночку сражаться с толпой гоблинов?
- Я знал, что ты их победишь.
- А я знала, что драгоценности *тебе* без надобности. Доброе утро, Злобный Гарри. Привет, ребята. Придвигайте камни. А это что за убогое создание?
- Это бард, — представил Коэн. — Бард, познакомься. Вена Воронокудрая.
- Что? — воскликнул бард. — Не может быть! Даже я слышал о Вене, она высокая девушка с...
- Старые легенды умирают долго, — вздохнула Вена, приглаживая седые волосы. — Кстати, ребята, теперь меня величают госпожой Макгарри.
- Да, я слышал, ты остынила, — кивнул Коэн, зачерпывая ложкой похлебку и пробуя варево на вкус. — Вышла замуж за трактирщика, повесила меч на стену, забыла детей...
- Внуков, — с гордостью понравила его госпожа Макгарри, но буквально через мгновение улыбка исчезла с ее лица. — Один из них теперь управляет трактиром, а второй ушел в бумажную промышленность.
- Заведовать трактиром — хорошее дело, — одобрил Коэн. — Но в канцелярии ничего геройского не вижу. Резак для бумаги — это тебе не меч. — Он облизнулся. — Очень вкусно, девочка.
- Забавно, — пожала плечами Вена. — Никак не думала, что у меня к этому талант, но ради моих пампушек люди готовы ехать на другой край света.
- Значит, в этом смысле ничего не изменилось, — сказал Маздам Дикий. — Хур-хур-хур...
- Маздам, — перебил Коэн, — помнишь, ты просил предупреждать, когда твое поведение станет слишком диким?
- Да?
- Сейчас как раз такой момент.
- Ничего, ничего, — успокоила госпожа Макгарри, мило улыбнувшись покрасневшему Маздаму. — Так вот, когда Чарли умер, я тупо сидела в комнате и вдруг подумала: неужели все? Осталось только ждать Мрачного Жнеца? А потом... Потом появился этот свиток...
- Какой такой свиток? — спросили Коэн и Злобный Гарри одновременно и яростно взорились друг на друга.
- Понимаешь ли, — сказал Коэн, запуская руку в заплечный мешок, — я тоже нашел некий древний свиток, в котором было подробно описано, как перебраться через горы, как обойти все ловушки...
- И я тоже, — признался Гарри.
- И ты молчал?!
- Коэн, я — *Темный Властелин*, — терпеливо объяснил Злобный Гарри. — А не добрая фея-крестная, помогающая всем и вся.
- Но ты-то где его нашел?
- В какой-то древней гробнице, которую мы решили разграбить.

- А мой хранился в старой кладовой, ну, у меня во дворце, — сказал Коэн.
- А мой оставил в трактире какой-то одетый во все черное путник, — добавила госпожа Макгарри.
- Гм, прошу прощения? — разорвал наступившую тишину менестрель.
- Чего? — дружно спросили все трое.
- Это только мне кажется? Или все мы кое-что упускаем?
- Что именно? — поинтересовался Коэн.
- Во всех свитках описывалось одно и то же: как перебраться через горы. И этот путь еще никому не удавалось преодолеть.
- Да. Ну и что?
- Но... гм-м... кто написал все эти свитки?

Некоторые боги Плоского мира, коротающие время. Слева направо: Сессифет (Богиня Полудня); Бог-Крокодил Оффлер; Плоскостопий (Бог Ветра); Рок; Урика (Богиня Саун, Снега и Театральных Представлений Менее Чем Для Ста Двадцати Человек); Слепой Ио (начальник богов и главный громовержец); Либертина (Богиня Моря, Яблочного Пирога, Отдельных Сортов Мороженого и Небольших Обрезков Веревки); Госпожа (тс-с-сл!); Наливай (Бог Вина и Всяких Штучек На Палочках); Патина (на заднем плане, Богиня Мудрости); Топакси (на переднем плане, Бог Определенных Грибов, а также Мудрых Мыслей, Которые Вы Забыли Записать И Теперь Никогда Больше Не Вспомните, а еще Людей, Которые Говорят Другим Людям, Что Слово «Поп» Читается Однаково В Обоих Направлениях, И Считают Свое Открытие Божественным Откровением); Баст (на заднем плане, Бог Вещей, Оставленных На Пороге Или В Полупереваренном Состоянии Под Кроватью) и Нуттан (местный божок, который отвечает за канцелярские скрепки и всякие обязательные мелочи в наборах канцелярских принадлежностей, а также за ненужную бумажную работу).

Бог-Крокодил Оффлер поднял взгляд от игрового поля, которое на самом деле было миром.

— Ну и чьих он будет? Прифнафайтэфь, — прошепелявил Оффлер. — Фдефь какой-то умник объявилфя.

Все собравшиеся божества вытянули шеи, оглядываясь по сторонам, а потом один из них неуверенно поднял руку.

— А ты у наф?.. — поинтересовался Оффлер.

— Нутган Всемогущий. Мне поклоняются в отдельных районах Борогравии. Этот юноша был воспитан в моей вере.

— И фо фо ферят нутганиты?

— Э-э... в меня. Главным образом в меня. И моим последователям строго-настрого запрещено есть шоколад, имбирь, грибы и чеснок.

Некоторые боги поморщились.

— Да уф, — хмыкнул Оффлер. — По мелофам ты не рафмениваефя.

— Но какой смысл запрещать брокколи? Этот подход несколько старомоден, — пожал плечами Нутган и посмотрел на менестреля. — Раньше особой сообразительностью он не отличался. Может, мне покарать его? Наверняка в этой похлебке есть чеснок. Чтобы госпожа Макгарри готовила без чеснока?..

Оффлер помедлил. Он был очень старым богом, восставшим давным-давно из курящихся зловонными парами болот в прокаленных темных землях. Однако благодаря определенного рода мудрости Оффлер пережил множество более современных и куда более красивых богов.

Кроме того, Нутган был недавним божеством, полным адского огня, большого самомнения и амбиций. Особой сообразительностью Оффлер не отличался, но даже он подозревал, что бог, претендующий на долгосрочность, должен предложить своей пастве нечто большее, чем амнистию от молний. А еще Оффлер ощущал не подобающую богу симпатию к существам, которым божественным повелением было запрещено есть шоколад и чеснок. И у этого Нутгана такие противные усики... Не подобает богу, каким бы мелким он ни был, носить такие гнусные усики.

— Пофалуй, не фтоит, — сказал Оффлер и потряс стаканом с костями. — Так будет дафе вефелее.

Коэн пальцами затушил бычок, спрятал его за ухо и поднял взгляд на зеленую ледяную стену.

— Еще не поздно повернуть назад, — сказал Злобный Гарри. — Если кто хочет, конечно.

— Ага, — не оборачиваясь, откликнулся Коэн. — Тем более что игра вряд ли будет честной.

— А правда, это весьма забавно, — покачала головой Вена. — Всю жизнь я пускалась в разные авантюры со старыми картами, найденными в древних гробницах или еще где, и ни разу не задумывалась о том, откуда эти карты взялись. О таких вещах никогда не думаешь. О мечах, ключах, всяких лекарствах, оставленных в неизведанных подземельях...

— Кто-то готовит нам подляну, — сказал Малыш Вилли.

— Вероятно, — согласился Коэн. — Но это не первая подляна в моей жизни.

— Мы решили сразиться с самими богами, Коэн, — напомнил Гарри. — Человек, задумавший такое, должен быть абсолютно уверен в своей удаче.

— Ну, моя удача покамест меня не подводила, — сказал Коэн, вытягивая руку и касаясь поверхности скалы. — Теплая.

— Но она вся покрыта льдом! — возразил Гарри.

— Да. Странно, правда? Все в точности так, как говорится в свитках. И снег прилипает, видите? Это все магия. Ну что ж, поплевали на руки и...

Арканцлер Чудакули решил, что команда нуждается в тщательной тренировке. В ответ Думминг Тус сказал, что команда отправляется в неизведанное, а Чудакули сказал: в таком случае тренировка должна быть не менее неизведанной и неожиданной.

А Ринсвинд сказал, что они идут на верную погибель, а на верную погибель способен любой без какой бы то ни было тренировки.

А еще через некоторое время он сказал, что изобретенное Леонардом устройство вполне даже работает. Достаточно провести в нем пять минут, и верная погибель кажется желанным избавлением.

— Его снова вырвало, — подметил Декан.

— Но нельзя не отметить определенных успехов, — возразил заведующий кафедрой беспредметных изысканий.

— Что ты имеешь в виду? В прошлый раз он продержался на десять секунд дольше!

— Да, но рвотных масс стало больше, и разлетаются они дальше! — пояснил завкафедрой.

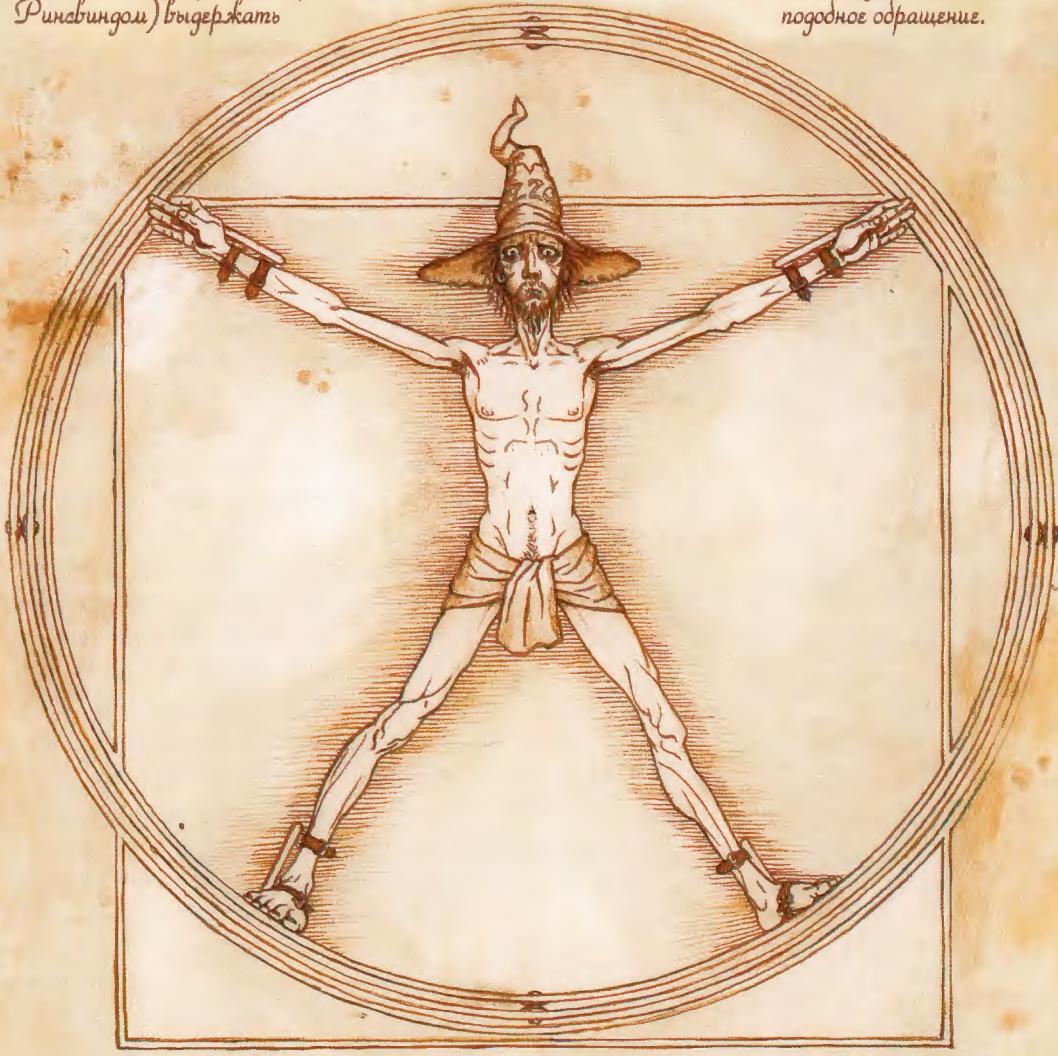
Декан поднял голову. Летательный аппарат загадочно топорщился под брезентом. Самые интересные места были надежно прикрыты. Сильно пахло kleem и лаком. Библиотекарь, который любил находиться в центре событий, мирно свисал с реи и забивал в какую-то доску деревянные гвозди.

Проберка Творения Божьего

Нет никаких сомнений: в процессе полета в Великую Бездну человеческий костяк будет подвергнут значительными напряжениям. Данное придуманное мной устройство слагается из трех колец, которые непрерывно вращаются в трех плоскостях, дабы у человека возникало ощущение, будто это он сам вращается в трех плоскостях сразу. Цель: выяснить, способно ли человеческое тело (по крайней мере тело Ринсвинга) выдержать

волшебника, именуемого

подобное обращение.

Циркуляция Рвотных Масс

Волшебник Ринсвинг сообщил об ощущении невероятной легкости, после чего содержимое его желудка покинуло тело, а из ушей его заструил сера. Дальнейшее кувырканье в устройстве вызывало у него желание убить всех окружающих, начиная, вопреки всякому здравому смыслу, с самого себя.

Кроме того, Ринсвинг постоянно издавал жуткие вопли и сыпал угрозами. Из чего я сделал следующий вывод: кувырканье в трех плоскостях обладает негативным воздействием, и в полете его следует всячески избегать. Жаль, не удалось изучить мускулатуру волшебника Ринсвинга вследствие полного отсутствия оной.

Леонард Чедоманский

— Помяни мое слово, это будут воздушные шары, — сказал декан. — Как наяву вижу. Воздушные шары, паруса, такелаж, все такое. Возможно, даже якорь. Фантастическая картина.

— В Агатовой империи есть бумажные змеи, способные поднять человека, — напомнил завкафедрой.

— Ну, или он решил построить огромного-преогромного змея.

На некотором расстоянии от них в круге света сидел Леонард Щеботанский и что-то рисовал. Время от времени он передавал листы бумаги подмастерью, который тут же торопливо удалялся.

— А ты видел, что он вчера придумал? — спросил декан.

Ему в голову пришла мысль, что, возможно, придется выходить наружу, ну, если какой ремонт понадобится, и он изобрел летательное устройство. Привязываешь к спине дракончика и летишь!

В случае чрезвычайной ситуации!

— Дракон на твоей спине — куда уж чрезвычайнее, — покачал головой заведующий кафедрой беспредметных изысканий.

— Вот именно! Этот человек живет в башне из слоновой кости!

— Правда? А я думал, Витинари держит его взаперти на чердаке.

— Я имел в виду, такая вот жизнь не может не повлиять на человека. По моему очень скромному мнению, конечно. Сидишь в четырех стенах и черточки на стене рисуешь, отмечая прожитые дни.

— А говорят, он пишет хорошие картины, — заметил завкафедрой.

— Ха, картины... — презрительно повторил декан.

— И говорят, они настолько хороши, что их глаза неотступно следуют за тобой по комнате.

— Правда? А что делает остальное лицо?

- А лицо остается на месте, — сказал завкафедрой беспредметных изысканий.
- Бегающие по комнате глаза — это, по-твоему, хорошо? — фыркнул декан, выныривая на солнечный свет.
- За своим столом, обдумывая проблему управления аппаратом в разреженном воздухе, Леонард тщательно вырисовывал розу.

З

лобный Гарри закрыл глаза.

- Мне как-то не по себе, — сказал он.
- Привыкнешь, — успокоил его Коэн. — Главное — правильно смотреть на вещи.

Злобный Гарри открыл глаза.

Он стоял на широкой зеленоватой равнине, которая по обеим сторонам плавно закручивалась, а впереди терялась в облачном тумане. Гребень высокого зеленого холма...

- Самая обычная прогулка, — заявил сбоку от него Малыш Вилли.
- Послушай, это ведь даже не ноги, — пожаловался Злобный Гарри. — Мои ноги в порядке. Это все моя голова.
- А ты тверди себе: земля за спиной, земля за спиной... — посоветовал Малыш Вилли.
- Не помогает, — сказал Злобный Гарри.

Странность горы заключалась в следующем. Стоило только поставить на нее ногу, как направление начинало зависеть от твоего личного выбора. Другими словами, сила тяжести представляла быть обязательной. Она находилась под твоими ногами вне зависимости от того, куда эти ноги указывали.

Злобный Гарри с удивлением оглядывался по сторонам. Орда вела себя так, словно ничего особенного не происходило. Даже ужасное кресло-каталка Хэмиша Стукнутого, весело поскрипывая, катилось в направлении, которое до этого момента было вертикальным. «Наверное, — подумал Злобный Гарри, — это все потому, что Темные Властелины гораздо умнее героев. Чтобы заполнить платежную ведомость даже на полудюжину приспешников, нужно иметь функционирующие мозговые клетки...» И сейчас мозговые клетки Злобного Гарри приказывали ему смотреть прямо перед собой и пытаться думать, будто он идет небрежной походкой по широкому травянистому гребню, и *ни в коем случае* не оглядываться назад, даже не думать о том, чтобы оглянуться назад, потому что *сзади... ин-ин-ин...*

— Осторожно! — закричал Малыш Вилли, хватая его за руку. — Слушай свои ноги. Они знают, что делают.

К вящему ужасу Гарри, именно в этот момент Коэн решил оглянуться.

— Вы только посмотрите, какой чудесный вид! — воскликнул он. — Отсюда каждый домик виден!

— Онет, пожалуйста, нет... — пробормотал Злобный Гарри, падая на живот и цепляясь руками за гору.

— Просто великолепно, а? — ухмыльнулся Маздам. — Все эти моря словно бы нависают над нами... Эй, а что такое с Гарри?

- Просто немного нездоровится, — сказала Вена.
Менестрель, как ни странно, чувствовал себя как дома.
- Я вырос в горах, — объяснил тот. — Совсем не боюсь высоты.
- А мне вот везде довелось побывать, — сказал Коэн, наслаждаясь видом. — Был там, делал то... Был там же, делал се... Не вижу ни единого места, где бы я не бывал...
- Менестрель внимательно оглядел его с головы до ног. Постепенно он начинал понимать. «Кажется, вот теперь я догадываюсь... — подумал он. — Хвала богам, я получил классическое образование. Осталось только вспомнить цитату».
- «И возрыдал Карелинус, ибо не осталось миров, которые он еще не покорил», — процитировал он.
- Да кто такой этот тип? Ты его уже упоминал, — сказал Коэн.
- Ты не слышал про императора Карелинуса?
- Не-а.
- Но... он же был величайшим завоевателем! Его империя простиралась от Края до Края. Только Противовесный континент и ИксИксИксИкс остались не завоеванными!
- Я его не осуждаю. На одном ни за какие деньги приличного пива не найдешь, а до другого пока доберешься, все ноги сотрешь.
- Говорят, ступив на берег За-Луны, Карелинус разрыдался. Какой-то философ сказал ему, что существуют другие миры, которые он никогда не сможет покорить. Э-э... Ты немного напоминаешь мне Карелинуса.
- Некоторое время Коэн шел молча.
- Ага, — сказал он наконец. — Это я могу понять. Но я никогда не был таким слонянем.

И так, — возвестил Думминг Тупс, — время — минус двенадцать часов. Собравшиеся на палубе воззрились на него настороженно и недоуменно.

— Это означает, что летающая машина сорвется с Края завтра перед рассветом, — объяснил Думминг.

Все посмотрели на Леонарда, завороженно следящего за полетом чайки.

— Господин Щеботанский? — позвал лорд Витинари.

— Что? Ах, да. — Леонард часто заморгал. — Да, аппарат будет готов, только с туалетом у меня возникли некоторые проблемы.

Профессор современного руносложения порылся в бездонных карманах своего балахона.

— Где-то должен быть... Специально по такому случаю я захватил пузырек... Честно говоря, в море у меня те же самые проблемы.

— Я имел в виду проблемы, связанные с разреженным воздухом и низкой силой тяготения, — уточнил Леонард. — О которых поведал единственный уцелевший моряк с «Марии Песто». Хотя вроде бы сегодня днем я придумал конструкцию туалета, в котором посредством воздействия разреженного воздуха достигается эффект, как правило связанный с силой тяготения. Также будет задействовано легкое отсасывание.

Думминг кивнул. Когда дело касалось механики, он соображал довольно быстро, и в его воображении автоматически возникла нужная картинка. Теперь он не отказался бы от воображаемого ластика.

— Э-э... Да. — Усилием воли он наконец прогнал жуткое видение. — Итак, вернемся. Ночью от баржи отстанет большая часть судов. Даже при магическом ветре мы не рискуем подходить к Краю ближе чем на тридцать миль. Нас может утянуть течением и сбросить вниз.

Услышав эти слова, Ринсвинд, стоявший у леера и с печальным видом смотревший на воду, вдруг оживился.

— А до Крулла отсюда далеко? — спросил он.

— До Крулла? Сотни миль, — ответил Думминг. — Мы стараемся держаться подальше от этих пиратов.

— Значит, мы идем прямо в Окружносеть?

Формально возникла тишина, нарушаемая громкими невысказанными мыслями. Каждый срочно пытался придумать причину, по которой было бы глупо рассчитывать на то, что именно он должен был подумать об этом, но одновременно следовало полагать, что об этом просто обязан был подумать кто-то еще. Окружносеть считалась самым грандиозным рукотворным сооружением, она опоясывала почти третью мира. На Крулле целая цивилизация существовала лишь на том, что падалось в Окружносеть. Крулльцы питались в основном суси, а их неприязнь к остальному миру выражалась в постоянном расстройстве пищеварения.

Сидевший в кресле лорд Витинари язвительно усмехнулся.

— Именно туда. Насколько мне известно, Окружносеть протянулась на несколько тысяч миль. Тем не менее, насколько мне опять-таки известно, крулльцы уже не превращают захваченных моряков в своих рабов. Они просто назначают за их головы разорительные суммы.

— Пара шаровых молний, и от этой Окружносети только ниточки останутся, — предложил Чудакулли.

— Но для этого потребуется подойти к ней достаточно близко, — сказал лорд Витинари. — А значит, нам придется приблизиться к Краепаду. И одновременно вы будете разрушать единственное сооружение, препятствующее вашему падению с Края? Весьма запутанная проблема, господа.

— Тогда ковер-самолет, — пожал плечами Чудакулли. — Как раз для него дельце. У нас есть один такой...

— Мы слишком близко от Края, аркканцлер, — утриюмо напомнил Думминг. — Волшебное поле тут слишком тонкое, к тому же нельзя не учитывать сильные воздушные потоки...

И тут с громким шорохом перевернулась страница чертежного альбома.

— А и верно, — сказал Леонард, скорее обращаясь к себе, чем к кому-либо еще.

— Прошу прощения? — поднял брови патриций.

— Некогда, милорд, я придумал весьма простой способ уничтожения вражеского флота.

Исключительно как упражнение для ума.

— Но с пронумерованными деталями и списком инструкций? — уточнил патриций.

— Разумеется, милорд. Иначе какое это было бы упражнение? Однако я чувствую уверенность, что с помощью господ волшебников мы сможем использовать это мое изобретение в несколько иных целях.

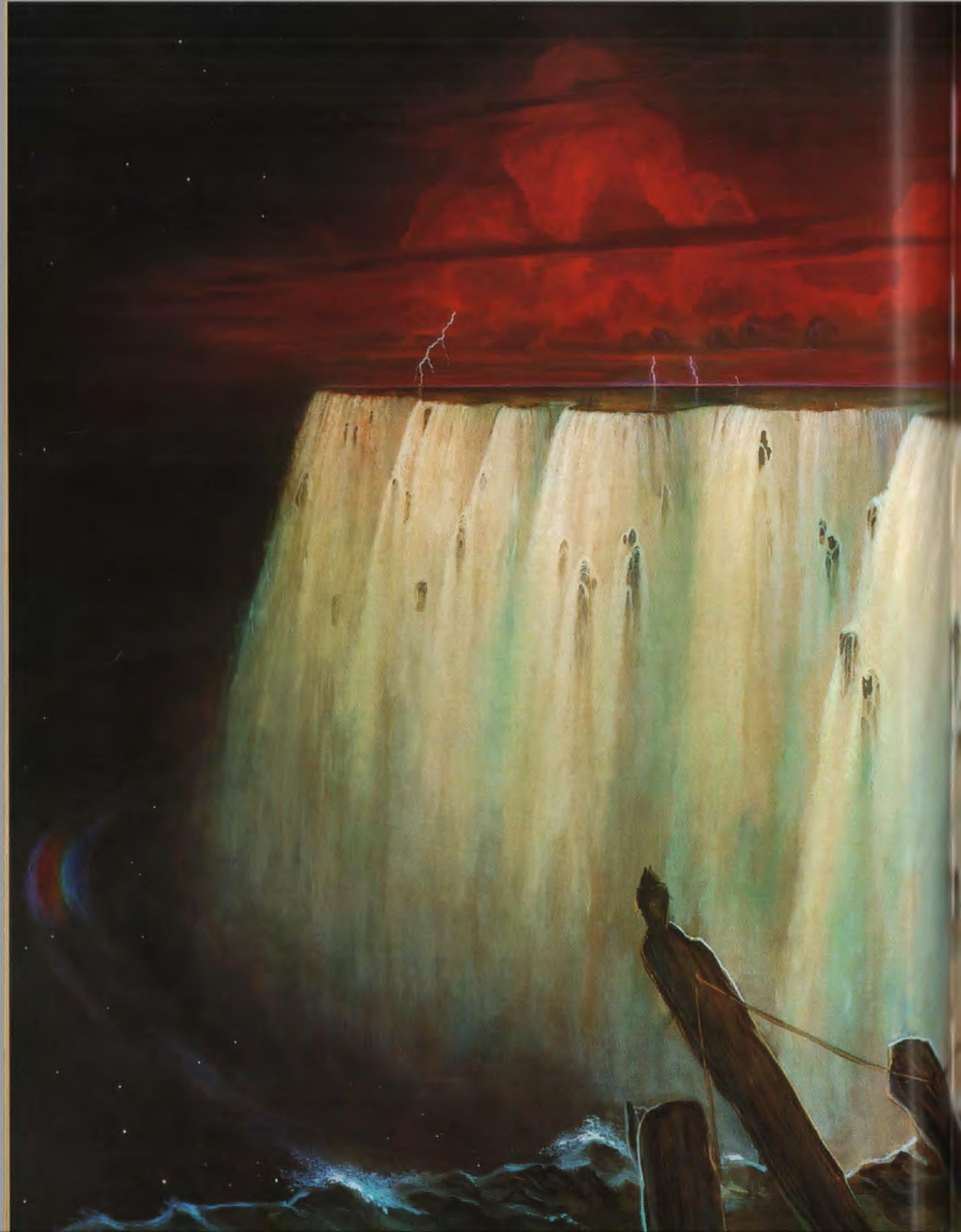
Он широко улыбнулся. Все посмотрели на нарисованную им картинку. В кипящее море с пылающих кораблей прыгали людские фигурки.

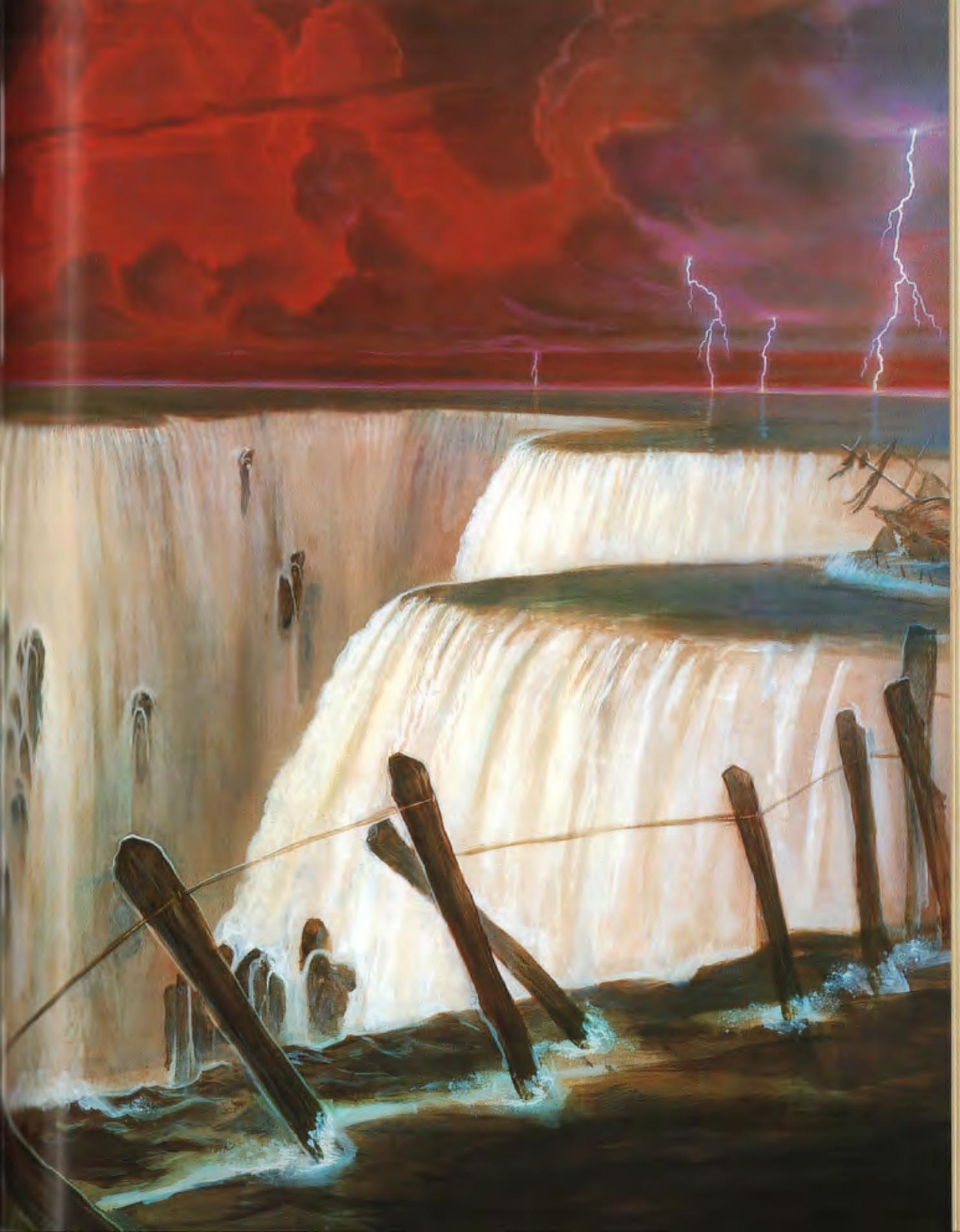
— И вот так ты... упражняешь свой ум? — спросил декан.

— О да. Это ведь всего-навсего рисунок. Практического воплощения у него никогда не будет.

— Но ведь это кто угодно может построить! — воскликнул профессор современного руно-сложения. — Тут указано все: от стоимости клея до расходов на транспортировку!

— Смею предположить, такой человек может найтись, — скромно заметил Леонард. — Но я уверен, правительство пресечет его деятельность прежде, чем он успеет зайти слишком далеко.

Улыбку, появившуюся на лице лорда Витинари, не смог бы запечатлеть даже такой гениальный художник, как Леонард Щеботанский.

Очень осторожно, прекрасно понимая: урони одну — и даже не успеешь этого понять, бригада из студентов и подмастерьев устанавливала клетки с драконами на полки в заднем отсеке летающей машины.

Когда какой-нибудь из дракончиков икал, все замирали. Не замирал только Ринсвинд — он мигом оказывался за большим штабелем досок на расстоянии многих ярдов от драконов.

— Все они питались по специальной, составленной Леонардом диете и в течение четырех-пяти часов будут вести себя смирно, — сказал Думминг, в третий раз вытаскивая Ринсвина из-за штабеля. — Первые две ступени получали пищу через тщательно отмеренные промежутки времени; причем у первой ступени возникнет позыв изрыгнуть пламя именно в тот момент, когда вы достигнете Краепада.

— А если мы где-то задержимся?

Думминг глубоко задумался.

— На вашем месте я бы не стал задерживаться, — наконец сказал он.

— Большое спасибо.

— Драконов, которых вы возьмете с собой в полет, нужно будет кормить. Мы погрузили смесь лигроина, каменноугольного масла и антрацитовой пыли.

— И это я должен буду кормить драконов?

— Да.

— На этом деревянном корабле? Высоко-высоко в небе?

— Ну, в техническом смысле, да.

— А вот с этого места, пожалуйста, погодробнее. Техника меня особо интересует.

— Строго говоря, внизу ничего не будет. Как такового. Э-э... Но вы будете двигаться очень быстро, поэтому на то, чтобы упасть, у вас просто не будет времени. — Думминг заглянул Ринсвинду в глаза, пытаясь отыскать там искру понимания. — Или, иными словами, это как будто ты все время падаешь, но об землю так и не ударяешься.

Над их головами довольно шипели драконы. Клубы пара струились сквозь пляшущие тени.

— О, — промолвил Ринсвинд.

— Понял? — спросил Думминг.

— Нет. Я просто надеялся, что, если я промолчу, ты больше не будешь мне ничего объяснять.

— Ну, как дела, господин Тупс? — спросил вышагивающий во главе волшебников аркканцлер. — Как наш большой змей?

— Все идет по плану, аркканцлер. Время — минус пять часов.

— Правда? Отлично. Ужин через минус десять минут.

У Ринсвина была небольшая каюта с холодной водой и бегающими крысами. Большую ее часть, помимо койки, занимал сундук. Вернее, Сундук.

Это был ящик, который передвигался на множестве маленьких ножек. Волшебный ящик, насколько знал Ринсвинд. Сундук принадлежал ему уже много лет и понимал каждое его слово, но подчинялся, к сожалению, примерно одному из сотни.

— Для тебя нет места, — сказал Ринсвинд. — Кроме того, стоит тебе подняться в воздух, ты сразу теряешься.

Сундук безглазо таращился на него.

— Поэтому ты остаешься с милейшим господином Тупсом, понятно? Кстати, с богами ты тоже не больно-то ладишь. Я скоро вернусь.

Сундук продолжал поедать его отсутствующими глазами.

— И перестань на меня так смотреть! — рявкнул Ринсвинд.

Лорд Витинари бросил взгляд на троих... Как бы их назвать?

— Люди, — произнес он, остановившись на наиболее верном термине, — мне выпала великая честь поздравить вас с... с...

И вдруг замолчал. Лорд Витинари не относился к тем, кто души не чает во всяких технических диковинках. Как он считал, все люди делятся на два вида: нормальные и те, кто постоянно жует пищу и сходит с ума по всяким механизмам.

— ...С тем, что вы станете первыми, кто покинул Плоский мир с твердым намерением вернуться, — наконец продолжил он. — Ваша... миссия заключается в том, чтобы приземлиться на Кори Челести или рядом с ней, обнаружить Коэна-Варвара и его людей и любым возможным способом сорвать их нелепые планы. Видимо, имеет место быть какое-то недоразумение. Даже герои-варвары не способны зайти настолько далеко, чтобы взорвать весь мир. — Он вздохнул. — Обычно они недостаточно цивилизованны для этого. Как бы то ни было... мы умоляем его прислушаться, взываем к его здравому смыслу и так далее. Варвары, как правило, сентиментальны. Поведайте ему о милых щенках, которые неминуемо погибнут, или еще о чем-нибудь в том же роде. Больше ничего посоветовать не могу. Что касается применения грубой физической силы, тут, полагаю, без шансов. Если бы Коэна было легко убить, кто-нибудь давным-давно сделал бы это.

Капитан Моркоу бодро отдал честь.

— Сила — самое последнее средство, милорд, — отрапортовал он.

— А с точки зрения Коэна, первое и единственное, — сказал лорд Витинари.

— Послушайте, — вмешался Ринсвинд, — он неплохой парень, если не заходить к нему со спины.

— Ага, это подал голос главный специалист экспедиции, — усмехнулся патриций. — Я просто надеюсь... Капитан Моркоу, что написано на этой эмблеме?

— Девиз экспедиции, милорд, — радостно сообщил Моркоу. — «Моритури Нолумус Мори». Ринсвинд предложил.

— Так я и думал, — кивнул лорд Витинари, меряя волшебника холодным взглядом. — Господин Ринсвинд, а нельзя ли услышать хотя бы приблизительный перевод?

— Э-э... — замялся Ринсвинд, но выхода не было. — Э... «Идущие на смерть этого совсем не приветствуют». Примерно так.

— Смысл понятен. Отдаю должное твоей правдивости... Да?

Думминг прошептал что-то ему на ухо.

— А, меня проинформировали, что скоро мы будем вынуждены вас покинуть, — сказал лорд Витинари. — Господин Тупс говорит, что мы сможем поддерживать с вами связь. По крайней мере, пока вы не приблизитесь к Кори Челести.

— Так точно, милорд, — кивнул Моркоу. — Разбитый омникоп. Поразительный прибор. Каждый осколок видит то, что видят остальные осколки. Удивительно.

— Итак, не сомневаюсь, ваша карьера будет, ха-ха, головокружительной и весьма даже стремительной. По местам, господа.

— Э-э... Я хотел бы сделать иконографию, милорд, — попросил Думминг, торопливо выбегая вперед с огромным ящиком. — Так сказать, запечатлеть момент! Будьте так добры, встаньте у флага и улыбнитесь... Ринсвинд, это значит «поднять вверх уголки рта»...

holumus

1721

PRO

DA. QUITAM

IRONFOUNDERS

UZZAR

Большое спасибо. — Думминг, подобно всем плохим фотографам, выждал, когда улыбки станут будто приклеенные, и только тогда сделал снимок. — Никто не хочет произнести последние слова?

— То есть... последние слова перед тем, как мы улетим и вернемся? — наморщив лоб, уточнил Моркоу.

— Да, конечно. Именно это я и имел в виду! Потому что вы обязательно вернетесь! — произнес Думминг, как показалось Ринсвинду, слишком уж бодро. — Я всецело доверяю устройству господина Щеботанского. Как и он сам, полагаю.

— Честно признаться, никогда не задумывался, можно ли доверять моим устройствам, — сказал Леонард.

— Правда?

— Конечно. Механизм либо работает, либо нет. От доверия тут ничего не зависит, — пожал плечами Леонард. — Кстати, если мы потерпим неудачу, ничего страшного не случится. Ведь если мы не сможем вернуться, возвращаться будет просто некуда. — Он довольно улыбнулся. — Всегда говорил, логика в подобных ситуациях — абсолютно незаменимая штука.

— Лично я, — сказал капитан Моркоу, — испытываю счастье, трепет и восторг. — Он похлопал по висевшему на боку ящику. — И я, как было приказано, взял с собой иконограф и намереваюсь запечатлеть много полезных и волнующих изображений нашего мира, которые, возможно, позволят нам увидеть человечество в новом свете.

— Сейчас еще не поздно уйти в отставку? — спросил Ринсвинд, не спуская глаз со своих спутников.

— Поздно, — ответил лорд Витинари.

— А если на основании безумия?

— Собственного?

— Да как скажете!

Витинари поманил Ринсвина к себе.

— Только полный безумец мог согласиться принять участие в этом предприятии, — тихо произнес он. — И в данном случае ты признан абсолютно годным.

— А если предположить, что я *не* безумен?

— О, как правитель Анк-Морпорка, я обязан поручить выполнение столь важного задания только самим сообразительным и уравновешенным из своих подданных.

Он посмотрел Ринсвина прямо в глаза.

— Чувствую тут какую-то уловку, — сказал Ринсвинд, понимая, что проиграл.

— Если хочешь, я официально пропишу все в виде поправки, — улыбнулся патриций.

гни стоявших на якоре судов скрылись в темноте, а баржа, подхваченная течением, все быстрее и быстрее двигалась вперед.

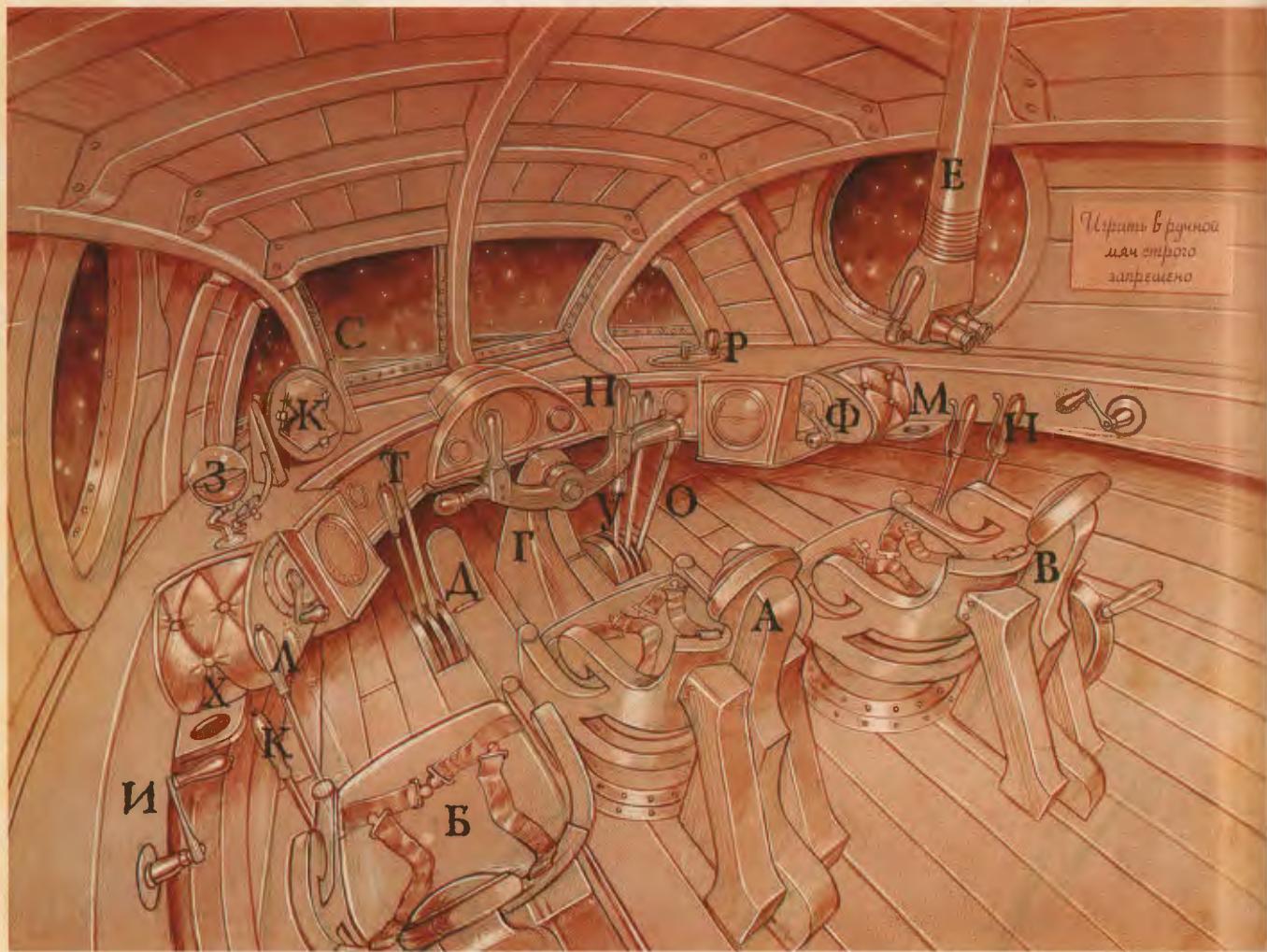
— Назад дороги нет, — сказал Леонард.

Вдоль Края света под аккомпанемент громовых раскатов плясали молнии.

— Обычный шквал, я полагаю, — добавил он, когда крупные капли дождя забарабанили по брезенту. — Ну что, поднимаемся на борт? Курс у нас зафиксирован, наше вмешательство не требуется, а мы по крайней мере будем ждать в относительном комфорте.

— Сэр, но сначала мы должны запустить брандера! — напомнил Моркоу.

— Ну, конечно! — воскликнул Леонард. — Я бы давно забыл где-нибудь собственную голову, если бы она не держалась на костях, коже и всем остальном!

A. Кресло рулевого.	Л. Система зеркал.
Б. Кресло левого крыла.	М. Ручка зеркала Лосося-Громовержца.
В. Кресло правого крыла (для специалиста экспедиции).	Н. Ручка отделения Лосося-Громовержца.
Г. Ручка управления (для набора высоты и складывания крыльев).	О. Ручка отделения драконьего отсека.
Д. Педали (для руля).	П. Устройство для мгновенного снижения скорости.
Е. Устройство Смотрения Назад.	Р. Троба (устройство отбрасывания крыльев, стараться не использовать).
Ж. Осколок омникопа.	С. Очиститель ветрового стекла.
З. Шар с ртутью (для определения земного уровня).	Т. Регулятор сиденья.
И. Ручка для манипуляции крыльями.	У. Руль принца Гарана.
К. Ручка управления драконьими жалюзи.	Ф. Освобождение ворота крыльев.
	Х. Подстаканники.

От редактора: Подобно Леонардо да Винчи, Леонарда Щеботанский писал задом наперед (весьма распространенная среди левшней особенность). Как это ни печально, мы были вынуждены напечатать его записи в более привычном для нас виде — исключительно в целях понятности и поддержания душевного равновесия читателей.

Некоторые соображения касательно Великой Птицы

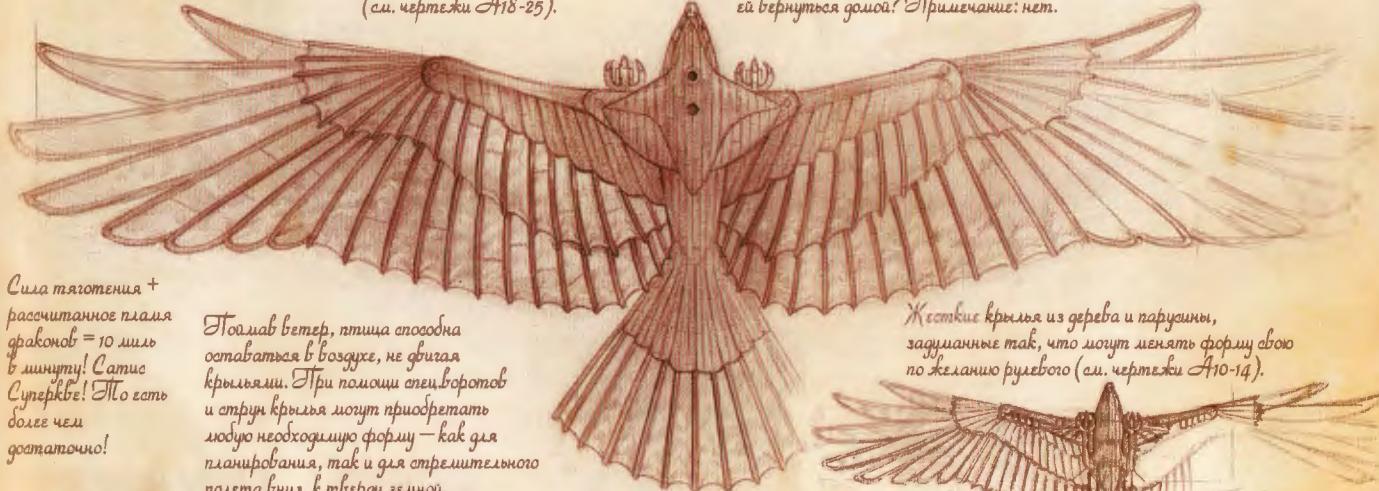
Человек способен воспарить к границам мира и дальше. Я определил, что если построить данный аппарат качественно и с достаточной силой сбросить его с бесконечного Края, то аппарат сей опишет совершенное кольцо вокруг мира. И первый полет Великой Птицы к вершине Челести наполнит вселенную трепетом.

Веки глаз Птицы.

Клен по 1/2 дюйма за фут.

Кабина для экипажа, защищена от утечки воздуха (см. чертежи А18-25).

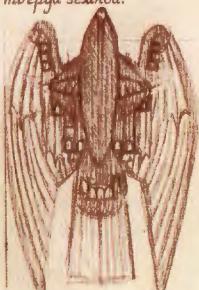
Кабина может отсоединяться и плавать, если Великая Птица сядет на воду. Дополнительные фраконы позволяют ей вернуться домой? (Примечание: нет.)

Сила тяготения +
расчетанное плава-
ние фраконов = 10 миль
в минуту! Стисните
Супербре! Это есть
более чем
достаточно!

Погасив ветер, птица способна
оставаться в воздухе, не бивая
крыльями. При помощи спец.вортов
и струи крылья могут приобретать
моду необходишу форму - как для
планирования, так и для стремительного
полета вниз, к тверди земной.

Жесткие крылья из дерева и парусины,
зашитые так, что могут менять форму свою
по желанию рулемного (см. чертежи А10-14).

Не забывайте держатели для фраконов; фиксация
осуществляется посредством фраконного плавания

Приснилось, какое изумление испытал, наблюдая, как орлан-крыкун,
хватив ящера в сне и поднявшись в воздух, перевернулся головой в когтях
так, чтобы она направлена была головой вперед. Это лишний раз
доказывает, что воздух и вода по течению и давлению своему
являются жидкостями, что заставляет обитающих в них существ
адаптать формы, способствующие перемещению в жидкостях очных.

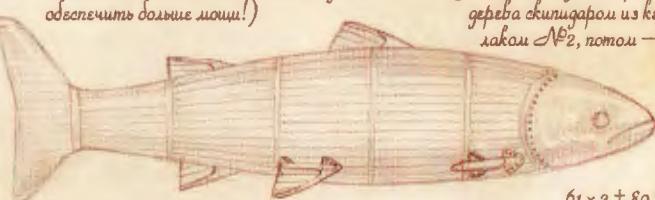
Птица в свободном полете. Аспекты полета
птицы головой вниз со сложенными крыльями,
чтобы лучше преодолевать сопротивление воздуха.
Под крыльями видны недавние отсеки
для фраконов; таким образом обеспечивается рулемое
управление и тяга в разреженном воздухе во время
полета вокруг Диска (см. чертежи Б1-18).

Великая Птица есть орел. В когтях держит
Лосося-Громовержца. Хвостовая часть помогает
аппарату преодолеть капризные течения воздуха
у Края, потому отделяется (см. чертеж А2).

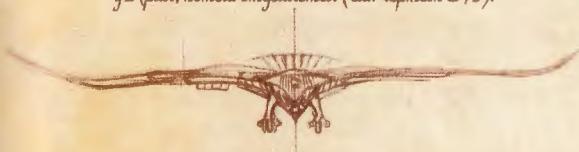
Дополнительный хвост для первого части
полета отделяется, когда необходимость
в нем отпадает (примечание: слишком
маленький, слишком маленький. Нужно
обеспечить большие мощи!)

Уплотнение центральной? Обработка
дерева скрипториум из киппа, потом -
лаком №2, потом - лаком №00.

$61 \times 2 + 89 = 223$ галлона.
2000 бронзовых обшивочных листов.

Тело Лосося. Составлено из секций для размещения рядами
саше фракона золотого, которые по команде зеркального
механизма начинают изрыгать плащ. Каждая секция по
очереди отделяется (см. чертеж А1).

При сокращении экипажа и кабинного груза Птица способна переносить бои с взрывчатыми веществами, эффективным огнем и другими
средствами ведения войны, чтобы сеять ужас на вражеские города без опаски ответного удара (см. чертежи с Б20 по Ж34; химические
рецепты - блокнот №14). К счастью, ни одно правительство не допустит подобного безумия, поэтому полеты Птиц будут лишь
способствовать установлению мира и дружеских отношений.

Чтобы пробить брешь в Окружносети, пришлось пожертвовать парой шлюпок. Они уже покачивались на волнах, тяжело груженные банками с лаком, краской и остатками драконьего ужина. Моркоу взял пару ламп, зажег их, прикрывая от порывистого ветра, и, следуя приказу Леонарда, осторожно поместил в шлюпки.

Затем шлюпки отвязали. Освободившись от баржи, они быстро понеслись к Краю.

Дождь немилосердно лупил палубу и брезент.

— Ну, а теперь на корабль, — предложил Леонард, пригибаясь и уворачиваясь от дождевых струй. — Я бы сейчас не отказался от кружечки горячего чая.

— Но я думал, сэр, мы не должны пользоваться на борту открытым огнем, — сказал Моркоу.

— Я прихватил с собой специально изобретенный кувшин, который сохраняет тепло, — ответил Леонард. — Или холод, на выбор. Называется Горячительная Фляга. Или Холодильная, как кому нравится. Я сам толком не понимаю, как она различает — тепло или холод нужно хранить. И тем не менее она работает.

Он первым поднялся по трапу.

Лишь один маленький фонарик освещал кабину. Тусклый свет выхватывал из темноты три кресла, окруженные рычагами, хитроумными приспособлениями и всяческими пружинками.

Экипажу уже приходилось бывать здесь. Все знали, где что расположено. Ближе к корме, у стены стояла скромная койка — одна, потому что время на сон будет только у одного члена экипажа. Авоськи с провиантом и флягами с водой занимали все свободное место на стенах. К сожалению, некоторые из комитетов лорда Витинари, созданные для того, чтобы их члены случаем не вмешались во что-нибудь важное, несколько переусердствовали в снабжении корабля средствами первой необходимости. Они учили все необходимости, вплоть до столкновения на леднике с аллигатором.

— Мне просто не хотелось никому отказывать, — вздохнул Леонард. — Правда, я настоял, чтобы пища была питательной, но концентрированной и, гм, по возможности безотходной...

Все дружно повернулись и посмотрели на экспериментальный туалет модели Мк-2. Модель Мк-1 тоже работала — почти все изобретения Леонарда работали, — но поскольку в процессе своего использования она принималась с бешеною скоростью вращаться вокруг собственной оси, от нее пришлось отказаться. Согласно докладу пилота-испытателя (он же — Ринсвинд), с какими бы намерениями ты в этот туалет ни входил, их мгновенно сменяло непреодолимое желание выйти.

Модель Мк-2 осталась неиспытанной. Под взглядом экипажа она угрожающе заскрипела, недвусмысленно призывая к запорам и мочекаменной болезни.

— Туалет, несомненно, будет функционировать, — сказал Леонард, и на этот раз Ринсвинд не мог не заметить нотку неуверенности, проскользнувшую в его голосе. — Нужно только открывать нужные краны в правильной последовательности.

— А что произойдет, если мы откроем нужные краны в неправильной последовательности? — спросил Моркоу, пристегиваясь ремнем.

— Вообще-то, я столько всего полезного изобрел для этого корабля, вы должны быть бесконечно признательны мне и... — начал было Леонард.

— И тем не менее нам хотелось бы знать ответ, — перебил его Ринсвинд.

— Э-э... Честно говоря, если вы откроете нужные краны в неправильной последовательности, то очень сильно пожалеете, что открыли нужные краны в неправильной последовательности, — ответил Леонард. Он порылся под креслом и достал большой металлический сосуд странной конструкции. — Кто хочет чаю?

— Маленькую чашечку, если можно, — отозвался Моркоу.

— А мне и чайной ложки хватит, — сказал Ринсвинд. — Кстати, что это за штука свисает передо мной с потолка?

— Это мое новое устройство для смотрения назад, — гордо сообщил Леонард. — Пользоваться им чрезвычайно просто. Я назвал его Устройством Смотрения Назад.

— Оглядываться — плохая примета, — твердо заявил Ринсвинд. — Всегда так считал. Твой бег сразу замедляется.

— Но нас никто и ничто не замедлит!

— Правда? — спросил Ринсвинд, сразу повеселев.

Сильный дождь барабанил по брезенту. Моркоу попытался разглядеть что-либо впереди. В покрытии было прорезано специальное отверстие, чтобы...

— Кстати, — сказал он, — кто мы такие? Как нас теперь правильно называть?

— Идиотами? — предложил Ринсвинд.

— Я имею в виду официально. — Моркоу окинул взглядом тесную кабину. — И как мы назовем наш корабль?

— Волшебники зовут его большим змеем, — сообщил Ринсвинд. — Но он совсем не похож на змея, потому что змей — это такая штука на ниточке, которая...

— У него должно быть название, — настаивал Моркоу. — Отправляться в путешествие на судне без названия — очень плохая примета.

Ринсвинд посмотрел на рычаги перед своим креслом. В основном они предназначались для управления драконами.

— Мы сидим в большом деревянном ящике, а за нашими спинами сотня готовящихся рыгнуть драконов, — мрачно сказал он. — Нам очень нужно придумать название. Кстати, Леонард, ты умеешь летать на этой штуковине?

— Э-э, не вполне, но я быстро учусь.

— Нам очень нужно очень хорошее название, — забормотал Ринсвинд. Штормовой горизонт впереди озарила яркая вспышка. Налетев на Окружносеть, шлюпки взорвались жарким и едким пламенем. — Немедленно!

— Сокол — очень красивая птица, — вдруг сказал Леонард. — Именно ее я имел в виду, когда...

— Стала быть, так и назовем, — перебил Моркоу.

Он посмотрел на висевший перед креслом список и поставил напротив одного из пунктов галочку.

— Сэр, не пора ли сбрасывать якорь?

— Да. Э-э... Пора, — кивнул Леонард.

Моркоу потянул рычаг на себя. Где-то позади и чуть ниже раздался всплеск, потом зашуршал быстро разматывающийся трос.

— Риф прямо по курсу! — завопил Ринсвинд. — Камни!

Пламя впереди освещало что-то квадратное и низкое, окруженное бурунами.

— Отступать уже поздно, — сказал Леонард, когда погрузившийся на дно якорь снял с «Сокола», будто с огромного яйца, брезентовую скорлупу.

Руки великого художника запрыгали по рычагам и рукояткам с такой скоростью, будто он собирался исполнить сложнейшую органическую фигуру.

— Первые жалюзи... открылись. Крепежные фалы... сброшены. Господа, по моей команде тяните на себя большие рычаги рядом с креслами!

Камни были угрожающе близко. Пенящаяся вода на кромке бесконечного Краепада алая от пламени и вспыхивала молниями. До жадных, словно зубы крокодила, зазубренных скал оставалось всего несколько футов.

— Пора! Пора! Пора! Зеркала... опустить! Отлично! Есть пламя. Что еще?.. Ах да, *держитесь за что-нибудь!*

Крылья развернулись, драконы изрыгнули пламя. «Сокол» сорвался с рассыпающейся баржи и ринулся в шторм, прямиком за Край света...

Когда Ринсвинд и Моркоу поднялись с дрожащего пола, единственным звуком был слабый шорох ветра. Их пилот не отрываясь смотрел в окно.

— Поглядите на птиц, вы только поглядите на птиц!

Буря осталась позади, и в спокойном, залитом солнечным светом воздухе тысячи птиц кружились над парящим кораблем, налетали на него, как налетают стаи мелких птичек на орла. И корабль был действительно похож на орла, только что выхватившего из Краепада гигантского лосося...

Леонард, как завороженный, смотрел на птиц, а по щекам его текли слезы.

Моркоу осторожно похлопал его по плечу.

— Как красиво... так красиво...

— Сэр, нужно управлять кораблем! Вторая ступень, сэр!

— Гм-м? — Художник вздрогнул и частично вернулся обратно в свое тело. — А, да, очень хорошо, очень хорошо... — Он тяжело опустился в кресло. — Да... несомненно... да. Да, сейчас мы проверим управление. Да.

Он положил трясущиеся руки на рычаги, а ступнями коснулся педалей. «Сокол» резко накренился.

— Ой... Ага, кажется, понял... Простите... Да... Прошу прощения, ну ничего себе!.. Кажется, так...

Ринсвинд, которого очередным толчком отбросило к окну, уставился на Краепад.

Там и сям, повсюду, из белой вспененной воды, озаренной вечерним светом, торчали похожие на горы острова. Их вершины были окутаны белыми облаками. И везде — птицы, парящие, кувыркающиеся в воздухе, сидящие в гнездах на скалах...

— Я вижу леса на скалах! Они похожи на маленькие страны! Люди! Я вижу дома!

Тут «Сокол» нырнул в какое-то облако, и Ринсвинда отбросило от окна.

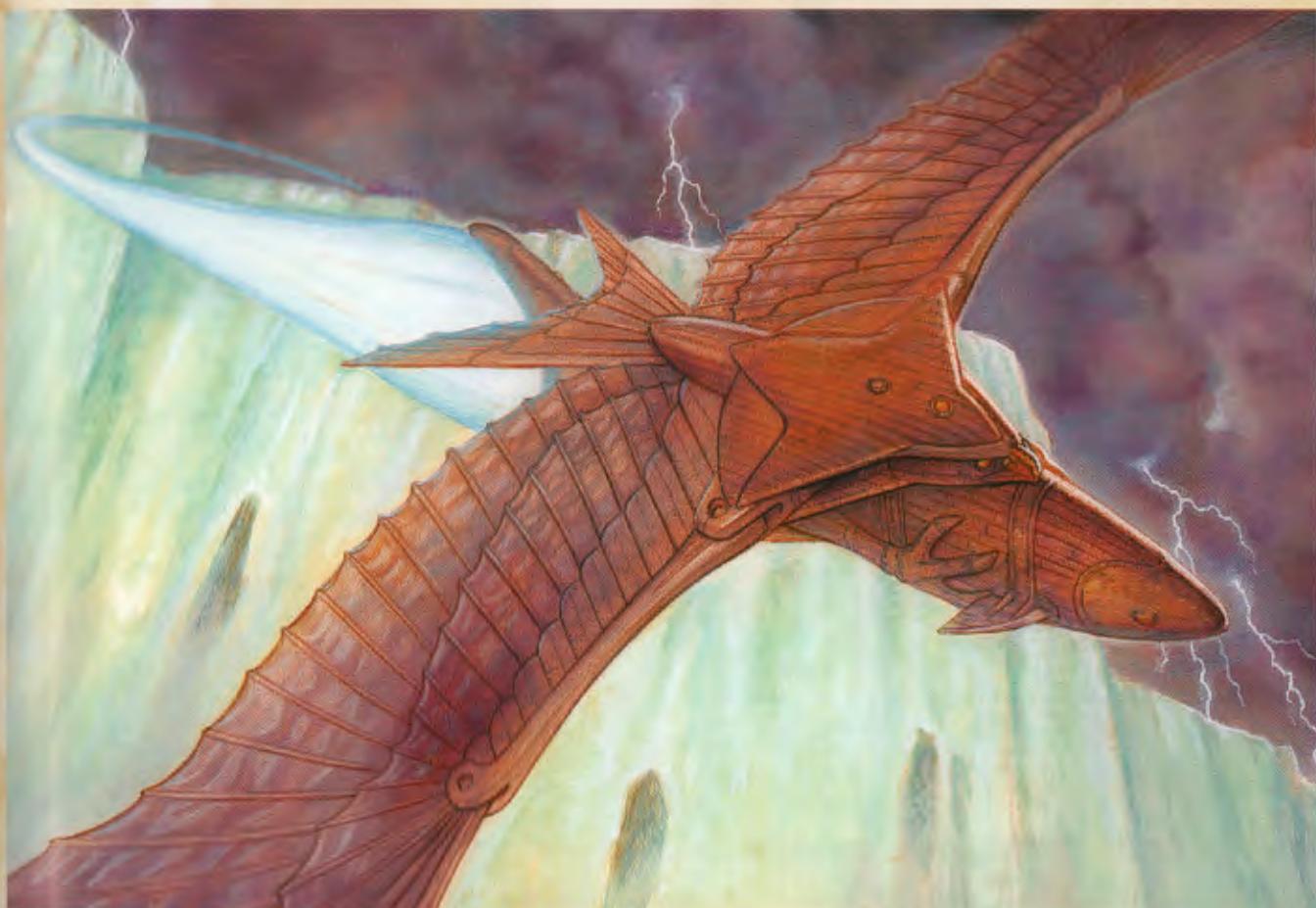
— За Краем живут *люди*! — воскликнул волшебник.
— Скорее всего, это были обломки старых кораблей, — возразил Моркоу.
— Э-э... По-моему, я понял, как им управлять, — сказал Леонард, пристально глядя вперед. — Ринсвинд, будь добр потяни на себя этот рычаг.

Ринсвинд подчинился. Корабль вздрогнул — от него с лязгом отделилась первая ступень. Медленно кувыркаясь, она развалилась в воздухе, и дракончики, весело захлопав крыльями, полетели обратно к Диску.

— Я думал, их будет больше, — заметил Ринсвинд.
— О, сейчас улетели только те, что помогли нам оторваться от Края, — пояснил Леонард.
«Сокол» исполнил ленивый поворот. — Остальных мы используем, когда полетим вниз.

— Вниз?! — переспросил Ринсвинд.
— Ну да. Мы должны как можно быстрее полететь вниз. Нельзя терять ни секунды.
— Вниз?! Какое вниз?! Ты говорил, мы полетим *вокруг*! *Вокруг* меня устраивает, а *вниз* — нет!
— Понимаешь ли, чтобы облететь мир вокруг, сначала мы должны упасть. И очень стремительно, — укоризненно произнес Леонард. — У меня в блокноте все записано...
— Я не люблю вниз! Я не люблю стремительно!
— Алло! Алло! — раздался вдруг чей-то голос ниоткуда.
— Капитан Моркоу, — позвал Леонард, когда Ринсвинд, надув губы, забился в свое кресло, — буду весьма признателен, если ты откроешь вон тот ящик.

В шкафчике лежал осколок омникопа, и в осколке маячило лицо Думминга Тупса.

— Работает! — Его крик был глухим и тихим, похожим на писк муряя. — Вы живы?

— Мы отделили первых драконов, пока все идет хорошо, сэр, — доложил Моркоу.

— Ничего не хорошо! — закричал Ринсвинд. — Они хотят, чтобы мы упали...

Не поворачиваясь, Моркоу протянул руку и нахлобучил Ринсвинду шляпу на глаза.

— Драконы второй ступени вот-вот воспламенятся, — сказал Леонард. — Господин Тупс, мы не можем сейчас отвлекаться.

— Внимательно наблюдайте за всем, что... — торопливо произнес Думминг, однако Леонард вежливо, но твердо закрыл шкафчик.

— Итак, господа, — промолвил Леонард, — если вы расстегнете защимы и повернете большие красные рукоятки, то запустите процесс складывания крыльев. Полагаю, если мы повысим скорость, то лопастные колеса несколько облегчат этот процесс. — Он посмотрел на бледное лицо Ринсвинда, освободившееся на конец от шляпы. — Встречный воздушный поток мы используем, чтобы уменьшить размер крыльев, которые нам пока не понадобятся.

— Я понимаю, — отрешенно заметил Ринсвинд. — И все равно *не навижу*.

— Ринсвинд, — окликнул Моркоу, пристегивая ремень безопасности, — вернуться домой можно только упав вниз. Кстати, надень шлем.

— Итак, будьте любезны, держитесь крепко, — сказал Леонард и осторожно потянул рычаг на себя. — Не стоит так волноваться, Ринсвинд. Просто представь, что ты летишь... допустим, на ковре-самолете.

«Сокол» задрожал.

И вошел в пике...

И Край вдруг оказался под ними, протянулся до бескрайнего туманного горизонта, а торчащие скалы превратились в острова на белой стене.

Корабль еще раз дернулся, и рукоятка, на которую налегал Ринсвинд, вдруг стала двигаться.

Не осталось ни единой неподвижной поверхности. В корабле дрожала каждая деталька.

Ринсвинд выглянул в ближайший иллюминатор. Крылья, драгоценные крылья, которые удерживали Великую Птицу в воздухе, грациозно складывались...

— Ри-ри-ри-ринг-винд, — выдавил размытый Леонард. — По-по-потяни чо-чо-черный ры-чаг!

Решив, что хуже быть не может, волшебник послушался.

Оказалось, что может. За его спиной раздались глухие «бу-бух». Пять рядов драконов, досытая накормленных богатой углеводородами пищей, увидели свои отражения в зеркальцах, на мгновение появившихся перед клетками.

И полыхнули пламенем.

Что-то упало и с грохотом покатилось по фюзеляжу. Гигантская ступня вжала экипаж в кресла. Краепад потерял очертания. Налитыми кровью глазами люди смотрели на проносившееся мимо белое море, на далекие звезды, и даже Моркуо присоединился к крику ужаса:

— Аааааааааррррррртттттхххххххххх...

Леонард пытался что-то кричать. Огромным усилием Ринсвинд повернул разбухшую и безумно тяжелую голову и как раз успел разобрать последний стон:

— Бе-бе-белый р-р-ры-чаг!

Пока он дотянулся до рычага, прошло, как ему показалось, много лет. Руки по какой-то причине налились свинцом. Наконец обескровленным пальцам с истончившимися мышцами удалось обхватить рычаг и потянуть его.

Еще один не предвещавший ничего хорошего удар потряс корабль. Давление разом ослабло. Три головы булыхнулись вперед.

И наступила тишина. И легкость. И покой.

Ринсвинд машинально, будто во сне, потянул вниз перископ и увидел, как от корабля, за-кладывая медленную дугу, отделяется гигантский отсек в виде рыбы. Потом отсек развалился на части, и снова дракончики, расправив крылья, поспешили обратно к Диску. Волшебное зре-лище. Устройство Смотрения Назад Без Замедления Хода Вперед? Да без такого ни один трус не должен выходить на улицу!

— Надо будет обзавестись, — пробормотал Ринсвинд.

— Кажется, все прошло не-так уж плохо, — поды托жил Леонард. — Надеюсь, малютки смогут добраться до дома. Ничего, потихоньку, с камешка на камешек... Наверняка...

— Э-э... Рядом с моим креслом дует сильный ветер, — сообщил Моркуо.

— Так... Похоже, шлемы нам все-таки пригодятся, — озабочился Леонард. — Я постара-ся сделать все возможное, лакировал, шпаклевал и так далее... Но, увы, «Сокол» так и не стал полностью воздухонепроницаемым. Ладно, главное — живы-здоровы, — добавил он бодро. — Кто желает позавтракать?

— Мой желудок чувствует себя как-то... — произнес Ринсвинд и вдруг замолк.

Мимо, медленно кувыркаясь в воздухе, пролетела ложка.

— А кто отключил заземление? — спросил он.

Леонард открыл было рот. «Все в порядке, — хотел сказать он, — так и должно быть, пото-му что все вещи падают с одинаковой скоростью», — но вовремя прикусил язык, поняв, что Ринсвинд вряд ли обрадуется этому объяснению.

— Такое иногда случается, — вместо этого пояснил он. — Это... гм-м... волшебство.

— О. Правда? О.

В ухо Моркоу мягко ткнулась кружка. Он отмахнулся от нее, и она скрылась где-то на корме.

— И что же это за волшебство? — поинтересовался Моркоу.

Волшебники толпились вокруг осколка омникопа, который отчаянно пытался настроить Думминг Тупс.

Наконец появилось изображение. Поистине кошмарное изображение.

— Алло! Алло! Вызывает Анк-Морпорк! Прием!

Плюющееся слюной лицо исчезло, и медленно появилась лысина Леонарда.

— Да, доброе утро, — поздоровался он. — У нас возникли некоторые... первоначальные трудности.

Кто-то рядом с осколком отчаянно блевал.

— Что происходит? — взревел Чудакулли.

— Понимаете ли, достаточно трудно объяснить... Я решил поместить пищу в тюбики, чтобы можно было аккуратно питаться в условиях полного отсутствия веса, но мы не все успели привязать, и боюсь, моя коробка с красками случайно открылась, и тюбики перемешались, поэтому то, что господин Ринсвинд принял за брокколи с ветчиной, на самом деле оказалось краской травянисто-зеленого цвета...

— Я хочу поговорить с капитаном Моркоу.

— К сожалению, в данный момент он не совсем доступен, — сообщил Леонард, и на его лице появилось выражение сочувствия.

— Что? Он тоже наелся брокколи с ветчиной?

— Нет, скорее желтого кадмия. — Из-за спины Леонарда донесся вопль, за которым последовал лязг. — Из хороших новостей могу сообщить лишь то, что туалет модели Мк-2 работает идеально.

окол» в своем стремительном падении повернулся обратно к Краепаду. Вода превратилась в огромное клубящееся облако тумана.

Капитан Моркоу висел в воздухе рядом с иллюминатором и делал иконографии.

— Просто поразительно, — сказал он. — Уверен, мы найдем ответы на многие вопросы, которые ставили человечество в тупик на протяжении многих тысячелетий.

— Отлично, — кивнул Ринсвинд. — Не мог бы ты отцепить от моей спины сковородку?

— Гм, — произнес Леонард.

Это «гм» было достаточно тревожным, чтобы все оглянулись.

— Похоже, мы теряем воздух быстрее, чем я предполагал, — сказал гениальный художник. — Но я абсолютно уверен в собственных расчетах. И все же утечка налицо. Кроме того, мы падаем куда быстрее, чем рассчитывал господин Тупс. Э-э... Наверное, это все волшебное поле. Трудно предусмотреть каждую мелочь. Гм... В общем, если мы наденем шлемы, нам, скорее всего, ничего не грозит...

— Но ведь рядом с Диском полно воздуха, — отозвался Ринсвинд. — Почему мы не можем просто подлететь поближе и открыть форточку?

Леонард грустно смотрел на заполнявшие горизонт туманы.

— Мы летим слишком быстро, — медленно произнес он. — И на такой скорости воздух... он... все дело в том, что воздух... Лучше не так. Словосочетание «падающая звезда» — что оно вам говорит?

— А что оно должно нам говорить? — спросил Ринсвинд.

— Гм... А то, что нас ждет чрезвычайно ужасная смерть.

— Ах это... — протянул Ринсвинд.

Леонард постучал пальцем по шкале на одном из баллонов с воздухом.

— Даже не предполагал, что настолько сильно ошибся в расчетах...

И тут в кабину ворвался ослепительный свет.

«Сокол» вылетел из клубов тумана.

Экипаж прильнул к иллюминаторам.

— Нам никто никогда не поверит, — пробормотал наконец Моркоу.

Он поднял иконограф, и даже сидевший внутри бесенок, принадлежавший к виду, который трудно чем-либо удивить, воскликнул тоненьким голоском: «Вот те на!» — и лихорадочно заработал кистью.

— Лично я уже не верю, — сказал Ринсвинд. — Хотя вижу собственными глазами.

Из тумана поднималась башня размерами с высоченную скалу. А далеко над туманом виднелись огромные, как миры, спины четырех слонов. «Сокол» словно бы летел сквозь собор высотой в несколько тысяч миль.

— Отличная шутка, ха-за, — пролепетал Ринсвинд. — Мир покоятся на спинах слонов, ха-ха... А потом бац — и ты это видишь!..

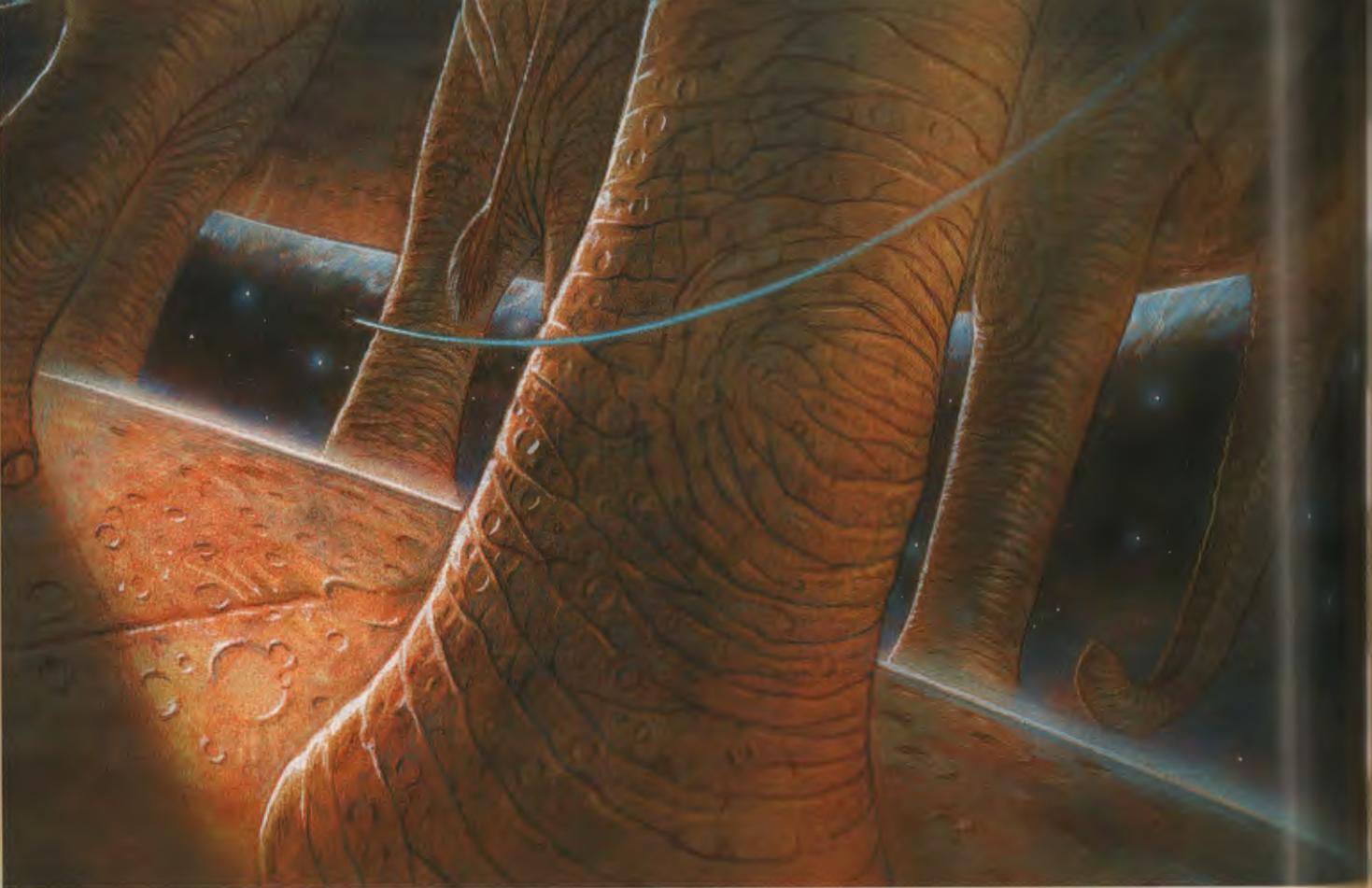
— Краски, где мои краски? — принялся оглядываться по сторонам Леонард.

— Ну, некоторые из них — в туалете, — подсказал Ринсвинд.

Моркоу с удивленным видом отвернулся от иллюминатора. Иконограф, кувыркаясь и изрыгая писклявые проклятия, полетел прочь.

— А где мое яблоко? — спросил он.

— Что? — переспросил Ринсвинд, не понимая, с чего вдруг разговор перешел на фрукты.

— Я начал есть яблоко, потом повесил его в воздухе рядом с собой. Куда оно подевалось? Корабль, поскрипывая, летел через залитое ослепительным солнцем небо.

А мимо Моркоу, плавно переворачиваясь, продрейфовал огрызок.

— Полагаю, на борту нас только трое? — с невинным видом уточнил Ринсвинд.

— Ерунда! — отрезал Моркоу. — Кабина плотно запечатана!

— Значит... твое яблоко само себя съело?

Они одновременно посмотрели на окутанные сетями свертки.

— Можете считать меня параноиком, — сказал Ринсвинд, — но если корабль тяжелее, чем предполагал Леонард, если мы потребляем больше воздуха и у нас внезапно стала исчезать еда...

— Хочешь сказать, за Краем обитает некое чудовище, которое способно прогрызть деревянный корпус? — догадался Моркоу и выхватил меч.

— Об этом я даже не подумал, — признался Ринсвинд. — Молодец.

— Занятно, — сказал Леонард. — Такое существо должно являться помесью птицы и двустворчатого моллюска. Что-то типа кальмара, который при помощи своих струй...

— Спасибо, спасибо, спасибо, да!

Моркоу выдернул из-за сетей рулон с одеялами и внимательно оглядел кабину.

— Кажется, там что-то шевелится, — заявил он. — Как раз за баллонами с воздухом.

Он нырнул под связку лыж и скрылся в тенях.

Потом раздался его громкий стон:

- О, нет...
- Что? Что? — заверещал Ринсвинд.
- Я... нашел тут... что-то очень похожее на кожуру, — раздался глухой голос Моркоу.
- Невероятно, — откликнулся Леонард, торопливо рисуя что-то в блокноте. — Вероятно, это существо, пробравшись на борт гостеприимного судна, сразу видоизменяется и...

Из-за баллонов появился Моркоу с нанизанной на меч банановой кожурой.

Ринсвинд закатил глаза.

— У меня возникла некая весьма определенная догадка... — сказал он.

— И у меня тоже, — сказал Моркоу.

Потребовалось некоторое время, но наконец они все-таки отодвинули в сторону ящик с посудными полотенцами. Больше прятаться было негде.

Из сооруженного за ящиком гнезда высунулось встревоженное лицо.

— У-ук? — сказало оно.

Леонард вздохнул, отложил в сторону блокнот и открыл шкафчик с омникопом. Он постучал по осколку и очень скоро увидел контур чьей-то головы.

— Анк-Морпорк, — сказал Леонард, набрав полную грудь воздуха, — у нас орангутан...

Коэн убрал в ножны меч.

— Не думал, что здесь обитают живые существа, — хмыкнул он, окидывая взглядом поле боя.

— Уже не обитают, — успокоил его Калеб.

Последний бой закончился в мгновение ока, а вернее — в мгновенное рассекание хребта. Такой конец ждал любого че... любого *кого угодно*, кто осмелился бы устроить засаду Серебряной Орде.

— Должно быть, сырья магия здесь поистине чудовищной силы, — сказал Малыш Вилли. — Ей-то, наверное, и питались эти существа. Рано или поздно *ко всему* привыкаешь.

— И эта магия весьма благотворно влияет на Хэмиша, — подтвердил Коэн. — Готов поклясться, он стал гораздо лучше слышать.

— Чиво?

— Я СКАЗАЛ, ТЫ СТАЛ ГОРАЗДО ЛУЧШЕ СЛЫШАТЬ!

— Чиво орешь-то?

— Как думаете, из них можно что-нибудь приготовить? — спросил Малыш Вилли.

— Скорее всего, по вкусу они будут напоминать курицу, — сказал Калеб. — Когда хочется жрать, все напоминает курицу.

— Предоставьте это мне, — вмешалась госпожа Макгарри. — Разведите костер, а я сделаю так, что по вкусу они будут больше похожи на курицу, чем... сама курица.

Коэн подошел к сидевшему поодаль менестрелю, рассматривавшему останки своей лютни. Чем выше они поднимались, тем больше паренек оживлялся. Он даже перестал ныть.

Коэн присел рядом.

— Ну, приятель, чем занят? Вижу, тебе удалось найти отличный череп.

— Хочу корпус из него сделать, — сказал менестрель, но вдруг бросил на Коэна встревоженный взгляд. — Это ведь не запрещается?

— Не запрещается. Каждый герой только и мечтает о том, чтобы из его костей вырезали арфу или еще какой инструмент. Уверен, звук будет чудесным.

— Я собираюсь сделать лиру, — сообщил менестрель. — Боюсь только, это будет совсем примитивная лира.

- Шикарная идея. Для всяких старых песенок лучше не придумаешь.
- Я вообще-то думал о... саге, — признался менестрель.
- Молодец, молодец. А у тебя уже есть что поведать?
- Гм, да. Думаю начать с легенды о том, как Мазда украл огонь для всего человечества.
- Прекрасно, — одобрил Коэн.
- А потом в нескольких стихах рассказать, что боги с ним за это сделали, — продолжил менестрель, натягивая струну.
- С ним? Боги? — переспросил Коэн. — Да они бессмертным его сделали!
- Э-э... Да. В некотором смысле.
- Что ты имеешь в виду?
- Коэн, это классическая мифология, — сказал менестрель. — Я думал, все знают. Они навечно приковали его к скале, и каждый день прилетает орел, чтобы клевать ему печень.
- Правда?
- Об этом говорится почти во всех классических текстах.
- Читатель из меня никудышный, — пожал плечами Коэн. — Приковали к скале, говоришь? Это за первое-то преступление? И он еще там?
- Коэн, вечность пока не кончилась.
- Ну и здоровенная у него печень, наверное!
- Согласно легенде, каждую ночь она вырастает вновь, — пояснил менестрель.
- Жаль, мои почки так не поступают, — сказал Коэн и посмотрел на далекие облака, которые закрывали вершину горы. — Он подарил всем огонь, а боги с ним такое сотворили. Ну, ладно... Посмотрим, что тут можно сделать.

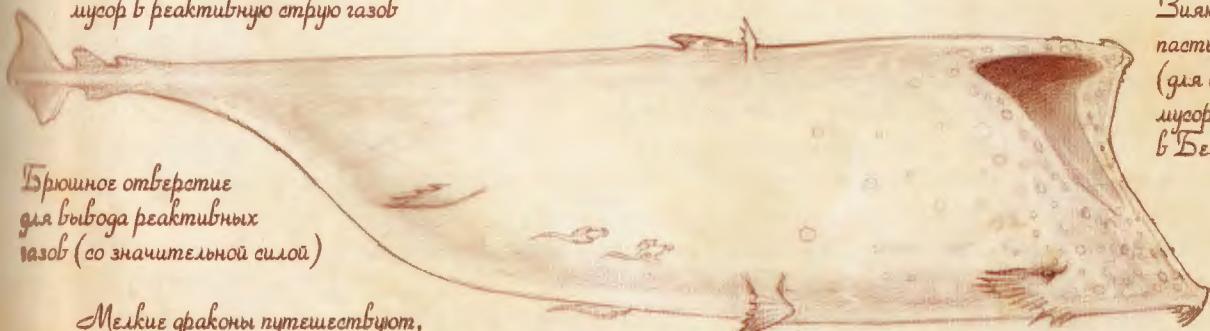
- мникоп показывал только снежную бурю.
- Плохая у них погода, — заметил Чудакулли.
 - Это магические помехи, — сказал Думминг. — Они пролетают под слонами. Боясь, у нас еще долго не будет связи.
 - Они в самом деле сказали: «Анк-Морпорк, у нас орангутан»?
 - Вероятно, библиотекарь каким-то образом пробрался на борт, — ответил Думминг. — Сами знаете, как любит он выискивать укромные уголки, чтобы поспать. И это, боюсь, объясняет все проблемы, возникшие с воздухом и весом. Э-э... Должен признаться, теперь я несколько не уверен, что у них хватит времени и мощности вернуться на Диск.
 - Что значит «несколько не уверен»?
 - Это значит, что я абсолютно в этом уверен. Просто стараюсь выдавать плохие новости не сразу, а порциями.

Лорд Витинари смотрел на гигантский созданный заклинанием Диск, паривший посреди каюты. Круто вниз от сверкающего края уходила тоненькая изгибающаяся линия. На его глазах она стала чуть длиннее.

- А они не могут просто развернуться и полететь назад? — спросил он.
 - Нет, милорд. Ничего не получится.
 - Или вышвырнуть библиотекаря за борт?
- Волшебники выглядели шокированными.
- *Нет*, милорд, — наконец сказал Думминг. — Это же будет чистое убийство!
 - Зато они спасут мир. Один примат умирает, один мир выживает. Не обязательно быть ракетомагом, чтобы это понять, а?
 - Мы не можем просить их о таком решении, милорд.

Драко Стелларис Навтикас (ракон межзвездный кочевой)

Нормальная раконьная система пищеварения, сжимает и превращает мусор в реактивную струю газов

О, что за космос подобных существ вмещает!

Бурус имагинарис хорридус (миниатюрный дурильщик корпусов)

Пока не открыт. Возможно, развился из смытого в Край кальмара

Крашающиеся зубы
и расширения
верстия

Примечание: если такое существо проникает в корабль, крайне важно, чтобы экипаж разделился и отправился на его поиски. А дальше, как говорится, нуклеус синди эко орбиты; итус сертис максимиши.
Единственный верный способ - это как следует шарахнуть с орбиты.

Афродитус максимиши (гигантский жук-навозник)

Одна ракушка во время полета на Великой Птице. Похож на солнечного жук-навозника из джемисейской мифологии...

Из навоза лепятся небольшие планеты.

Жук, судя по всему, обладает рядом отверстий для движения через Бездну (ср. гершебский жук-бомбардир), как в нижней, так и в верхней части. Сие поистине шикарное диктум, удивления предоставлено!

- Правда? А я принимаю подобные решения каждый день, — пожал плечами лорд Витинари. — Ладно, итак. Чего им не хватает?
- Воздуха и топлива для драконов.
- Если они порубят орангутана на куски и скормят драконам, то убьют двух зайцев сразу.

Внезапно распространившаяся холодность подсказала лорду Витинари, что ему не удалось привлечь зрителей на свою сторону. Он вздохнул.

- Пламя драконов им необходимо для?..
- Для того, чтобы обогнуть Диск, милорд. В нужный момент драконы должны изрыгнуть пламя.

Витинари снова посмотрел на волшебную модель планетарной системы.

- Но сейчас?..
 - Я не совсем уверен, милорд. Они могут врезаться в Диск или промахнуться и затеряться в бесконечном пространстве.
 - А еще им нужен воздух...
 - Да, милорд.
- Рука Витинари скользнула вдоль границы Диска, но вдруг его длинный указательный палец остановился.
- А вот здесь есть воздух? — спросил он.

 то пища героев, — сказал Коэн. — Других слов подобрать не могу.

- Он прав, госпожа Макгарри, — подтвердил Злобный Гарри. — Даже крысы не так похожи на курятину, как это блюдо.

— И щупальца его ничуть не испортили! — с энтузиазмом согласился Калеб.

Они сидели и наслаждались видом. То, что прежде было расстилающимся под ногами миром, стало миром впереди, поднимающимся подобно бесконечной стене.

- Эй, а что там, наверху? — спросил Коэн, тыкая пальцем.
- Спасибо, друг, — сказал Злобный Гарри и отвернулся. — Но я предпочитаю, чтобы цыплята подольше задержались в моем желудке, если ты не против, конечно.
- Девственные острова, — ответил менестрель. — Названы так, потому что их очень много.
- Или потому, что их очень трудно найти, — громко рыгая, добавил Маздам Дикий. — Хур-хур-хур...
- А отсюда даже звезды видать, — сказал вдруг Хэмиш Стукнутый. — И енто посреди бела дня!

Коэн улыбнулся. Хэмиш Стукнутый редко высказывал свое мнение.

- Говорят, на каждой из них существует свой мир, — откликнулся Злобный Гарри.
- Ага, — кивнул Коэн. — Бард, а сколько их тама?
- Не знаю. Тысячи. Миллионы.
- Миллионы миров, а нам осталось... всего ничего. Хэмиш, сколько тебе лет?
- Чиво? Я родился в тот же год, когда умер старый глава клана, — пробормотал Хэмиш.
- И когда это было? Глава какого клана? — терпеливо уточнил Коэн.
- Чиво? Я те кто, ученый? Всяку чушь я буду ему запоминать!
- Скорее всего, лет сто, — подвел итоги Коэн. — Сто лет и миллионы миров. — Он затянулся самокруткой и потер лоб большим пальцем. — Фигово, однако.

Он кивнул менестрлю.

- Слышь, а что там сделал этот твой приятель Карелинус, когда наконец вытер сопли?
- Коэн, ты не имеешь права так отзываться о нем! — вспылил менестрель. — Он построил огромную империю... На самом деле даже чересчур огромную. И во многом он был похож на вас. Ты слышал о цортском узле?
- Звучит препохабненько, — сказал Маздам. — Хур-хур-хур... Прошу прощения.
- Менестрель вздохнул.
- Это был огромный сложный узел, которым были связаны две балки в цортском храме Оффлера, и считалось, что тот, кто развязает узел, будет править всем континентом.
- Встречаются очень хитрые узлы, — прокомментировала госпожа Макгарри.
- Так вот, Карелинус просто взял и разрубил его своим мечом! — воскликнула менестрель.
- Вопреки всем ожиданиям, сообщение о столь драматичной развязке аплодисментов не вызвало.
- Значит, он не только плаксой был, но и жуликом? — спросил Малыш Вилли.
- Нет! Это был весьма драматичный, даже зловещий жест! — заорал менестрель.
- Ага, конечно, но он ведь его *не развязал*. То есть, если в правилах сказано «развязать», не понимаю, почему он...
- Слушай, в словах парня есть смысл, — перебил Коэн, который, похоже, заинтересовался рассказом барда. — Это не было жульничеством, потому что в итоге получилась хорошая история. Да. Это я могу понять. — Он хмыкнул. — И представить, как все происходило, тоже могу. Стоит толпа бледнолицых жрецов и прочих прихвостней, и каждый думает: «Это ведь жульничество, но у него такой *огромный* меч, пожалуй, не стоит мне лезть, да еще эта его бесчисленная армия стоит у храма...» Ха. Да. Гм-м. И что потом?
- А потом он завоевал почти весь известный мир.
- Молодец. А потом?
- Он... э-э... вернулся домой, несколько лет правил империей, затем умер, его сыновья пересорились, было несколько войн... После чего империи пришел конец.
- Дети — это вечная проблема, — заметила Вена, аккуратно вышивая незабудки вокруг надписи «САЖИ ЭТОТ ДОМ».
- А некоторые считают, что в детях ты обретаешь бессмертие, — сказал менестрель.
- Правда? — хмыкнул Коэн. — Ну-ка, назови мне хотя бы одного своего прадеда.
- Ну... Э-э...

— Видишь? У меня детей куча мала, — продолжил Коэн. — Многих я в глаза не видел... Такое, знаешь ли, бывает. Но у них хорошие сильные матери, и я от души надеюсь, что мои дети будут жить ради себя, а не ради меня. Что хорошего сделали дети этому твоему Карелинусу? Растранирили его империю, и дело с концом.

— Это не совсем так! — воскликнул менестрель. — Настоящий историк наверняка расскажет все куда лучше, чем...

— Ха! — перебил его Коэн. — Важно то, что помнят обычные люди. О чём поют, что говорят. Важно не то, как ты жил или умер, важно то, что написал о тебе бард.

Менестрель вдруг ощущил на себе испытывающие взгляды героев.

— Гм-м... Я... Я все-все записываю, — сказал он.

— Y -ук, — попытался объяснить библиотекарь.

— Он говорит: а потом что-то упало ему на голову, — перевел Ринсвинд. — Видимо, это случилось, когда мы вошли в пике.

— А мы не можем сбросить что-нибудь с корабля, чтобы облегчить вес? — спросил Моркоу. — У нас тут столько всего...

— Увы, но нет, — ответил Леонард. — Открыв дверь, мы разом потеряем весь воздух.

— Но у нас есть дыхательные шлемы, — заметил Ринсвинд.

— Три дыхательных шлема, — уточнил Леонард.

Затрещал омникоп. Они не обратили на него внимания. «Сокол» все еще летел под слоами, и прибор не показывал ничего, кроме магической снежной бури.

Но потом Ринсвинд все-таки бросил взгляд на осколок и увидел, что там, в снежном вихре, кто-то стоит, сжимая в руках табличку с надписью крупными буквами «БУДДТЕ НА СВЯЗИ!».

Аумминг покачал головой.

— Спасибо, арканцлер, но я слишком занят, чтобы вы мне помогали.

— Но это сработает?

— Должно. Шанс — один на миллион.

— О, значит, можно не беспокоиться. Все знают: один шанс на миллион всегда срабатывает.

— Так точно, арканцлер. Остается только определить, достаточно ли воздуха снаружи, чтобы Леонард мог управлять кораблем, а также сколько драконов следует воспламенить и на какое время, а еще хватит ли им мощности, чтобы взлететь. Я думаю, что нынешняя скорость корабля близка к идеальной, но мне неизвестно, сколько пламени осталось в драконах, на какую поверхность придется приземляться и что за неприятности могут там поджидать. Я, конечно, могу переделать несколько заклинаний, но для подобных целей они никогда не использовались.

— Вот и хорошо, — сказал Чудакулли.

— А мы чем-нибудь можем тебе помочь? — спросил декан.

Думминг обвел волшебников полным отчаяния взглядом. Как на его месте поступил бы лорд Витинари?

— Ну, конечно, — бодрым тоном сказал он. — Предлагаю отличный план. Вы отыскиваете свободную каюту и составляете список возможных решений этой проблемы. А я пока посижу здесь, прикину, что к чёму.

Одежда для Великой Безды

Мк 1.0. Рингинг.

Переделанный Шлем Ниряльшика за жемчугом
Встроенный Простым Манометром
(если глазницы покраснели, значит, голова
взорвалась).

Легкие башмаки для быстрого движения на случай
Непредвиденности.

Костюм из промасленной кожи надевается поверх
нижнего костюма из парусины, надетого поверх трех
слоев шерсти для сохранения тепла в Великой
Бездне.

Карман (по особому заказу члена экипажа)
для карточек с надписями «Бегите!», «Я сдаюсь!»,
«Вот дерево!», «Помогите!» и так далее
для использования в Беззвучном Пространстве.
Не может быть голоса там, где нет движения либо
 сотрясения воздуха.

Вместительные надбедренные сумки для содирания,
к примеру, калиней (а также для противостояния
излишней Левитации).

Карман для носового платка.

Браво, мастер!

Мк 2.0. Капитан Моркоу (войн).

Легкий костюм из
растянутой кожи и парусины.

Легкие кожаные перчатки
с наружным кольчужным
чехлом.

Толстые нагрудные ремни
для предотвращения взрыва
грудной клетки.

Мк 3.0. Леонард Шедоманский.

Шлем из выдувного стекла
для Кругового Надмодения.
Усовершенствованное
Устройство Обновления
Воздуха.

Карманы для карандашей,
мелков, блокнотов и т.п.

Аварийный запас воздуха
в рукавах с буферами.

Кобура для кистей.

Утяжеленные башмаки
для прижатия владельца
к земле, к примеру, в условиях
Левитации.

— Вот она, наша смена! — восхитился декан. — Этот парень знает, когда следует прибегнуть к мудрости старших!

Когда волшебники вышли, лорд Витинари едва заметно улыбнулся Думмингу.

Во внезапно наступившей тишине Думминг... задумался. Он долго разглядывал волшебную модель системы, ходил вокруг нее, увеличивал отдельные части, внимательно рассматривал их, сосредоточенно изучал записи касательно выхлопной мощности драконов, потом вертел в руках модель «Сокола» и очень-очень долго таращился в потолок.

Это нельзя было назвать нормальным методом работы волшебника. Как правило, волшебник изъявлял желание, после чего отдавал приказ. Прочая вселенная его не волновала — скалы, деревья и облака вряд ли могут подсказать что-либо разумное. На них ведь ничего не написано.

Думминг еще раз проверил цифры. С таким же успехом можно было пытаться уложить перышко на несуществующий мыльный пузырь.

Поэтому он решил действовать наугад.

На борту «Сокола» царила творческая атмосфера. Подобная атмосфера обычно возникает, когда в одной комнате собираются ничего не знающие люди, чтобы сложить свое невежество воедино.

— Может, на четверть полета мы сумеем задержать дыхание? — спросил Моркоу.

— Увы, наши легкие так не работают, — ответил Леонард.

— А может, нам стоит поменьше разговаривать? — предложил Ринсвинд.

— У-ук, — сказал библиотекарь, показывая на размытое изображение в осколке.

Кто-то держал уже другую табличку. На ней гигантскими буквами было написано:

«ВОТ ШТО НУЖНО СДЕЛАТЬ»

Леонард схватил карандаш и принялся что-то лихорадочно записывать на полях чертежа машины для минирования городских стен.

Через пять минут он отложил карандаш.

— Поразительно, — покачал головой он. — Он хочет, чтобы мы изменили направление полета «Сокола» и еще прибавили скорости.

— Но куда мы тогда полетим?

— Он не уточнил. Хотя... Мы полетим прямиком к солнцу.

Леонард наградил всех своей обычной широкой улыбкой и получил в ответ три бессмысленных взгляда.

— Это означает, что на несколько секунд мы должны воспламенить одного-двух дракончиков, корабль развернется, а потом...

— К солнцу... — повторил Ринсвинд.

— Оно горячее, — сказал Моркоу.

— Да. И это очень хорошо, — кивнул Леонард, разворачивая чертеж «Сокола».

— У-ук!

— Прошу прощения?

— Он сказал: «Но ведь эта лодка сделана из дерева!» — перевел Ринсвинд.

— И все это он вложил в один-единственный «у-ук»?

— Он умеет кратко выражать свои мысли! Послушай, вероятно, Тупс где-то допустил ошибку. Эти волшебники — им вообще нельзя доверять! Да они тебя даже через очень маленькую комнату перевести не смогут!

— А мне Думминг показался весьма умным и светлым молодым человеком, — сказал Моркоу.

— Ты тоже засветишься, когда врежешься на этой штуковине прямиком в солнце, — огрызнулся Ринсвинд. — Вот уж просветлит так просветлит.

— Аккуратно манипулируя зеркалами левого и правого бортов, мы изменим курс «Сокола»... — задумчиво пробормотал Леонард. — Что ж, придется учиться методом проб и ошибок...

— Ага, кажется, начинает получаться, — сказал Леонард и перевернул небольшие песочные часы. — А теперь включаем всех драконов ровно на две минуты...

— На-на-надеюсь, он с-с-скажет и-и-нам, что де-де-делать дальше! — крикнул Моркоу сквозь жуткий лязг и скрип.

— У го-господина Ду-думминга за п-плечами дву-двутысячелетний о-о-опыт Не-не-незримого Уу-у-у-нверситета! — прокричал в ответ Леонард.

— А ско-ско-сколько лет о-о-они по-посвятили у-у-управлению драконами?! — завопил Ринсвинд.

Леонард налег на ремень принудительной силы тяжести и посмотрел на песочные часы.

— Ок-коло с-ста се-се-секунд!

— Ага! З-значит, эт-то уже т-традиция!

Постепенно драконье пламя угасло. И воздух снова заполнили всякие предметы.

А еще появилось солнце. Но уже не круглое. Что-то обрезало у него край.

— А, — сказал Леонард. — Умно. Познакомьтесь, господа, это луна.

— Значит, мы столкнемся с луной? — спросил Моркоу. — А это лучше, чем с солнцем?

— Да, да, мне тоже хотелось бы знать, — откликнулся Ринсвинд.

— У-ук!

— Вряд ли мы летим настолько быстро, — сказал Леонард. — Мы просто ее догоняем. Помоему, господин Тупс хочет, чтобы мы *сели* на нее.

Он щелкнул пальцами.

— Там наверняка есть воздух, — продолжил Леонард. — Это значит, что, вероятно, там же мы найдем пищу для драконов. А потом — надо отдать должное, придумано очень толково — мы останемся на луне, пока она не вйдет над Диском, и нам останется лишь упасть с нее.

Ударом ноги он высвободил рычаг крыльев. Завращались маховики, кабина задрожала. «Сокол» расправлял крылья.

— Вопросы есть? — спросил Леонард.

— Я пытаюсь прикинуть, что может пойти не так, — сказал Моркоу.

— У меня пока девять пунктов, — ответил Ринсвинд. — И я только разгоняюсь.

Луна становилась все больше, ее темная сфера затмевала далекое солнце.

— Как я понимаю, — промолвил Леонард, когда луна заполнила почти все иллюминаторы, — луна значительно меньше и легче Диска, поэтому может удерживать только что-то очень легкое, например, воздух. Вряд ли она способна притягивать такие тяжелые предметы, как «Сокол».

— И это значит?.. — поднял брови Моркоу.

— Э-э... Мы просто спланируем вниз, — объяснил Леонард. — Однако я посоветовал бы держаться покрепче...

Они сели. Фраза короткая, но содержит много всякого неприятного.

На борту морского корабля царила тишина, нарушаемая лишь плеском волн и раздроженным бормотанием Думминга, пытающегося настроить омникоп.

— Были вспли... — некоторое время спустя вспомнил Чудакулли.

— Но потом они снова завопили, — заметил лорд Витинари. — Через несколько секунд.

— А еще через несколько секунд — опять, — сказал декан.

— А я думал, при помощи омникопа можно увидеть буквально все, — промолвил патриций, наблюдая за крупными градинами пота, катящимися по *дбу* Думминга.

— На большом расстоянии осколки ведут себя непредсказуемо, милорд, — попытался объяснить Думминг. — Т-т. Кроме того, между нами пара тысяч миль Диска плюс слоны.

Омникоп мигнул, но снова потускнел.

— Ринсвинд — хороший волшебник, — сказал завкафедрой беспредметных изысканий. — Не слишком сообразительный, но, честно говоря, чересчур смысленные люди всегда вызывали у меня некоторые опасения. Ум — несколько переоцененный талант, как я скромно считаю.

Уши Думминга покраснели.

— Может, стоит повесить в Университете мемориальную доску? — предложил Чудакулли. — Не слишком кричащую, конечно.

— Господа, по-моему, вы кое-что забыли, — вмешался лорд Витинари. — Очень скоро никакого Университета не будет.

— Отлично. Значит, сэкономим.

— Алло! Алло! Кто-нибудь меня слышит?

В осколке возникло не слишком отчетливое, но вполне узнаваемое лицо.

— Капитан Моркоу?! — взревел Чудакулли. — Как тебе удалось заставить эту чертову штукку работать?

— Я просто встал с нее, аркканцлер.

— Вы там в порядке? — спросил Думминг. — Мы слышали вопли!

— Да, сэр. Это когда мы упали на поверхность.

— Но потом мы снова услышали вопли.

— Вероятно, это когда мы упали на поверхность во второй раз, сэр.

— А в третий раз?

— Снова поверхность, сэр. Можно сказать, посадка была... достаточно неуверенной и неоднократной.

Лорд Витинари наклонился к осколку.

— Где вы находитесь?

— Здесь, сэр. На луне. Господин Тупс был прав. Тут есть воздух. Немного жидкоком, но, чтобы заполнить легкие, вполне хватает.

— Стало быть, господин Тупс был прав? — уточнил Чудакулли, уставившись на Думминга. — Господин Тупс, а как тебе удалось так точно все рассчитать?

— Я... э-э... — Думминг почувствовал на себе взгляды всех волшебников. — Я... — Он снова замолчал. — Просто повезло, аркканцлер, удачная догадка.

Волшебники сразу успокоились. Они с подозрением относились ко всякого рода сюрпризательности, но счастливый случай — это да, это настоящее волшебство.

— Ты просто молодец, — похвалил Чудакулли. — Господин Тупс, вытри пот со лба. Тебе снова удалось соскочить, экий ты везунчик.

— Ваша светлость, я позволил себе попросить Ринсвinda сделать иконографию, как я водружаю флаг Анк-Морпорка и заявляю права на луну от имени всех живущих на Проском мифе народов, — продолжил Моркоу.

— Весьма, гм... патриотично, — сказал лорд Витинари. — Народы наверняка обрадуются.

— Правда, я не могу показать вам это по омнископу, потому что вскоре после водружения кто-то сожрал флаг. Тут... все немного не так, как мы думали, сэр.

ни определенно были драконами, но на обычных болотных дракончиков они походили ровно настолько же, насколько странные мелкие собачонки с огромным количеством «З», «Ф» и «К» в именах пород похожи, допустим, на борзых.

У них были длинные носы и обтекаемые туловища. Лапы были короче, чем у болотной разновидности, а серебристая шкура, казалось, состояла из лунного света.

А еще они... изрыгали пламя. Но не с того конца, который до сей поры ассоциировался у Ринсвinda с драконами.

Хотя главное, как выразился Леонард, — перестать хихикать, и ты сразу поймешь: все это абсолютно оправданно. А и действительно, если вдуматься: глупо для летающего существа иметь оружие, благодаря которому ты всякий раз резко тормозишь.

Драконы самых разных размеров окружили «Сокол» со всех сторон и разглядывали корабль с поистине оленым любопытством. Время от времени некоторые из драконов с ревом

взмывали в небо, но их место тут же занимали другие. Драконы как будто ждали, что экипаж «Сокола» вот-вот начнет показывать фокусы или сделает какое-то важное заявление.

И растительность здесь тоже была — правда, не зеленая, а серебристая. Она покрывала большую часть поверхности. Третья попытка прилунения и продолжительное скольжение «Сокола» оставили в ней глубокий след. А листья были...

— Сиди спокойно, — велел Ринсвинд своему пациенту, который в очередной раз попытался вырваться. Когда бинтуешь голову орангутану, главное — правильно определить, где она заканчивается. — Сам виноват. Я же сказал: мелкими шажками, а не огромными прыжками.

Моркоу и Леонард закончили опрыгивать «Сокол».

— Почти ничего не повредили, — сказал великий художник, плавно опускаясь на поверхность. — Конструкция прекрасно выдержала удар. И нос направлен вверх. Учитывая... общую легковесность, вполне достаточно для взлета, хотя существует одна незначительная проблема. Кыш...

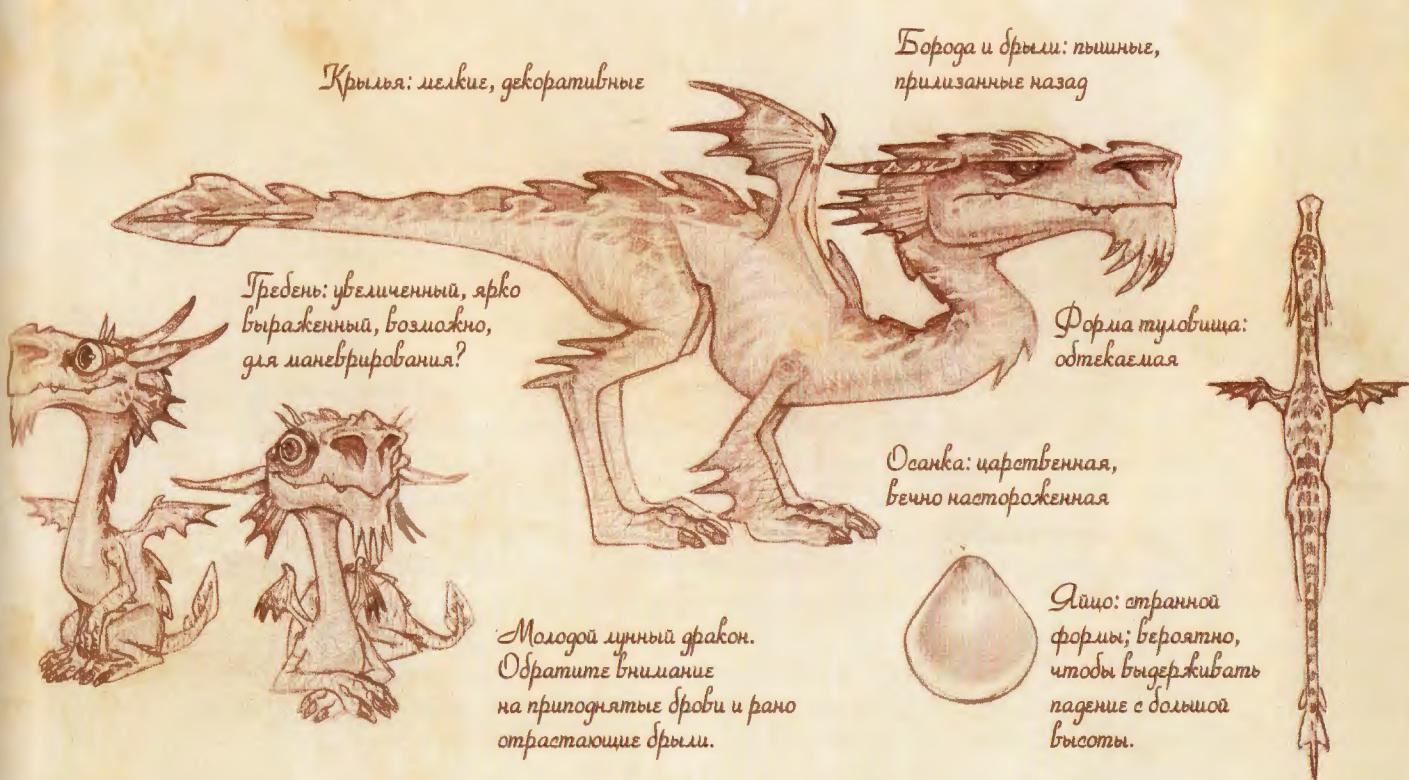
Он отмахнулся от серебристого дракона, обнюхивающего «Сокол», и тот, подгоняемый струей голубоватого пламени, вертикально взмыл в небо.

— У нас нет драконьего корма, — кивнул Ринсвинд. — Я видел. Топливный бункер раскололся при первом же ударе о поверхность.

— Но мы можем пополнить запасы серебристой растительностью, — предложил Моркоу. — Похоже, местные драконы едят ее с удовольствием.

— Не правда ли, поразительные создания? — спросил Леонард, когда над ними пролетела целая эскадрилья драконов.

Некоторые соображения касательно лунных драконов.

Они проводили драконов взглядами, да так и застыли. Их глазам открылось не менее поразительное зрелище. Все-таки вселенная не перестает удивлять нас.

Луна вставала над миром, и полнеба заполнила слоновья голова.

Она была... просто большой. Слишком большой, чтобы ее можно было описать словами.

Чтобы было лучше видно, путешественники забрались на небольшую возвышенность и долго, в полной тишине разглядывали голову. Огромные глаза, каждый размером с небольшое море, смотрели на них. Громадные полумесяцы бивней заслоняли звезды.

Тишину нарушали лишь шорохи да щелчки — это бесенок из иконографа лихорадочно писал картину за картиной.

Космос оказался не таким уж впечатляющим. Что и говорить, космос, как выяснилось, вообще был пустым местом, и чего, спрашивается, тут работать? Перед чем преклоняться? Но мир был большим, а слон — просто-таки *гигантским*.

— Это который из четырех? — спросил Леонард.

— Не знаю, — ответил Моркоу. — Раньше я вообще... как-то не верил. Ну... в черепаху, в слонов, во все прочее. А сейчас увидел и вдруг почувствовал...

— Страх? — предположил Ринсвинд.

— Нет.

— Беспокойство?

— Нет.

— Некоторую робость?

— Нет.

Из-за Краепада постепенно выплыли окутанные облаками континенты.

— Знаете... отсюда совсем не видно границ, — мечтательно произнес Моркоу.

— А это проблема? — уточнил Леонард. — Можно что-нибудь придумать.

— Построить вдоль границ огромные, действительно огромные здания, — предложил Ринсвинд. — Или... или очень широкие дороги. Раскрасить их в разные цвета, чтобы не было путаницы.

— А если путешествия по воздуху приживутся, — продолжил Леонард, — можно выращивать леса, которые будут слагаться в название страны. Кстати, хорошая мысль, надо бы не забыть.

— Честно говоря, я и не предла... — начал было Моркоу, но потом замолчал и вздохнул.

Они продолжали смотреть, не в силах оторваться от грандиозного зрелища. Крошеные искорки в небе были стайками драконов, порхавшими между Диском и луной.

— А у нас таких не водится, — заметил Ринсвинд.
— Наверное, наши болотные драконы — это их потомки. Бедняжки... — покачал головой Леонард. — Им пришлось приспособливаться к плотному воздуху.

— Интересно, а какие еще неведомые нам существа здесь живут? — спросил Моркоу.
— Ну, здесь точно водятся похожие на кальмаров твари, которые высасывают воздух из... — начал было Ринсвинд, но прикусил язык.

Сарказм был здесь неуместен. Вселенная мгновенно подавляла его. Его моментально изничтожал серьезный взгляд огромных черных слоновых глаз.

А кроме того... тут было слишком много. Слишком много всего. Ринсвинд не привык видеть столько вселенной сразу. Голубого цвета Диск, восходящий на небе, пребывал в явном меньшинстве.

— Все это... слишком большое, — сказал Ринсвинд.
— Да.
— У-ук.

Делать было нечего, оставалось только ждать восхода луны. Ну, или захода Плоского мира, как вам больше нравится.

Моркоу аккуратно извлек из кофейной чашки крошечного дракончика.

— Малыши такие любопытные, — улыбнулся он. — Как котята. А взрослые стараются держаться от нас на расстоянии.

— Это как с кошками, — кивнул Ринсвинд и, приподняв шляпу, высвободил из волос серебристого дракончика.

— А может, захватим парочку с собой?
— Мы захватим куда больше, если не будем вести себя осторожно!
— Они чем-то похожи на Эррола, — сказал Моркоу. — Ну, дракончика, который как-то жил в штаб-квартире Стражи. Он научился изрыгать огонь... э... наоборот и спас наш город. Мы все думали, что он принадлежал к какому-то новому виду драконов. Но, судя по тому, что мы увидели здесь, это был типичный атавизм. Леонард еще рисует?

Они посмотрели на Леонарда, который решил посвятить полчаса живописи. На его плече сидел дракончик.

— Он говорит, что никогда не видел подобного света, — сказал Ринсвинд. — Сказал, что просто обязан написать картину. И у него неплохо получается, учитывая...

— Учитывая что?
— Учитывая то, что в двух тюбиках вместо красок находятся томатная паста и плавленый сыр.
— Ты ему об этом сказал?
— Не хотел расстраивать. Он был полон энтузиазма.
— Ну, пора кормить драконов, — произнес Моркоу, ставя чашку на стол.
— Ага. Но сначала... Не мог бы ты отлепить от моей головы эту сковородку?

Через полчаса каюта Думминга озарилась светом, исходящим из осколка омникопа.
— Мы накормили драконов, — доложил Моркоу. — Но местные растения несколько... странные. Они словно бы сделаны из какого-то стекловидного металла. У Леонарда даже родилась весьма впечатляющая теория. Якобы днем драконы поглощают солнечный свет, а ночью его испускают, создавая таким образом всем известное «луночное сияние». Как бы там ни было, скоро мы вылетаем. Осталось только набрать образцов местных камней.

- Камни... Очень полезная штука, — заметил лорд Витинари.
- В действительности, милорд, они представляют большую ценность, — прошептал Думминг Тупс.
- Правда?
- Конечно! Они ведь могут отличаться от камней Плоского мира!
- А если они окажутся такими же?
- О, тогда будет еще интереснее, милорд.

Лорд Витинари посмотрел на Думминга, однако не сказал ни слова. Он мог управлять умами самых разных типов, но ручки управления разумом, который руководил поступками Думминга Тупса, пока так и не нашел. Поэтому лучше кивать, улыбаться и поддерживать его всяческими механизмами, которые данный разум почему-то считал крайне важными, лишь бы он не вышел из-под контроля.

- А и правда, — согласился патриций. — Ведь эти камни могут содержать различные ценные руды или даже алмазы?

Думминг пожал плечами.

- Понятия не имею, милорд. Но они могут многое рассказать нам об истории луны. Витинари наморщил лоб.
- Об истории? — переспросил он. — Но луна ведь необи... Хотя да, отличная идея. Скажи, может, тебе еще какие-нибудь механизмы требуются?

Болотные драконы жевали лунные листья. Листья и вправду были металлическими, с глянцевой поверхностью. Между зубами дракончиков проскакивали синие и зеленые искорки. Путешественники охапками сваливали листья перед клетками.

К сожалению, единственным человеком, который мог бы обратить внимание на то, что лунные драконы крайне умеренны в своем питании, был Леонард. Но он был слишком занят живописью.

С другой стороны, в своей энергетически бедной среде обитания болотные драконы привыкли есть все подряд.

Желудки, научившиеся преобразовывать окаменевшие кексы в полезное пламя, сейчас в неограниченном количестве поглощали диэлектрические листья, почти до предела насыщенные чистой энергией. Настоящая пища богов.

И стоит кому-то из дракончиков рыгнуть... Это был только вопрос времени.

Весь Плоский мир, с точки зрения Ринсвина, представлял собой большую проблему. Сейчас он находился *внизу*. Вернее, он *выглядел* так, словно находится внизу, хотя на самом деле висел *вон там*. И Ринсвайн никак не мог избавиться от ужасного предчувствия, что «Сокол», взлетев, тут же рухнет в далекие, кудрявые облака.

Пока Леонард готовил корабль к взлету, библиотекарь помогал Ринсвинду сворачивать крыло по его борту.

— Да, понимаю, у нас есть крылья и все такое прочее, — пожаловался Ринсвайн. — Я просто не привык находиться в ситуации, в которой все направления указывают только вниз.

— У-ук.

— И что я ему скажу? «Пожалуйста, не взрывай наш мир»? На мой взгляд, очень даже весомый аргумент. Лично я бы прислушался. И вообще, я всегда старался держаться от богов подальше. Для них мы не более чем игрушки, понимаешь?

«И они даже представления не имеют, как легко отрываются эти руки и ноги», — добавил он про себя.

— У-ук?

— Прошу прощения? Что, правда?

— У-ук.

— Существует... обезьяний бог?

— У-ук?

— Нет, нет, все в порядке. Но он ведь не из наших, не из местных?

— И-ик.

— Ах на Противовесном континенте... Ну, там во много что верят. — Он посмотрел в иллюминатор и пожалелся. — Там, *внизу*.

Собачка храповика со щелчком встала на место.

— Большое спасибо, господа! — сказал Леонард. — А теперь, будьте добры, займите места в креслах...

Сильный взрыв потряс корабль и сбил Ринсвинда с ног.

— Как интересно, судя по всему, один из драконов воспламенился раньше вре...

— Узрите же! — воскликнул Коэн, приняв высокопарную позу.

Серебряная Орда заозиралась.

— Чего узревать-то? — наконец спросил Злобный Гарри.

— Сё цитадель богов! — вскричал Коэн, снова принимая высокопарную позу.

— Да видим мы, видим, — сказал Калеб. — А у тебя что, спина болит?

— Запиши, — велел Коэн менестрлю. — «И изрек Коэн: «Узрите же!» Остальное записывать не обязательно.

— А не мог бы ты сказать...

— Изречь!

— Прости. А не мог бы ты изречь: «Сё храм богов»? — попросил менестрель. — Так будет проще подобрать рифму.

— Ха, это напомнило мне один случай, — хмыкнул Маздам. — Хэ-

миш, помнишь Леофрика Законнорожденного, который нанял нас, когда завоевывал Фиглифорд?

— Агась, как же не помнить-то...

— Мы сражались целых пять дней, — продолжал Маздам. — А все потому, что герцогиня ткала гобелен, который должен был запечатлеть это событие. Снова и снова мы вынуждены были повторять схватки и замирать во всяких неестественных позах, пока она меняла иголки. Лично я всегда говорил: средствам массовой информации не место на поле боя.

— Агась, ты тогда кой-чivo дамочкам показал, — захихикал Хэмиш. — Видел я этот гобелен в Розантском замке! Ставлю свою бороду, енто был ты!

— Может, сменим тему, а? — предложила Вена.

— Вечная проблема, — покачал головой Коэн. — Мало просто совершить что-то. Нужно, чтобы тебя запомнили.

— Хур-хур-хур, — закурлыкал Маздам.

— Смейся, смейся, — огрызнулся Коэн. — Но что ты можешь сказать обо всех тех героях, которые не былиувековечены в песнях и сагах? Расскажи-ка мне что-нибудь про них.

— Что? О каких таких героях?

— Вот именно!

— Ну, и каков наш план? — перебил Злобный Гарри, глядя на мерцающий свет, что разливался над обителью богов.

— План? — переспросил Коэн. — Я думал, ты знаешь. Мы прокрадываемся туда, разбиваем взрыватель и делаем ноги!

— Да, но как вы планируете это провернуть? — уточнил Злобный Гарри и, увидев лица героев, глубоко вздохнул. — Судя по всему, вы ничего не планировали, — устало подытожил он. — Просто вламываетесь, просто удираете. У героев *никогда* не бывает плана. Только мы, Темные Властелины, все делаем по плану. Парни, там живут сами боги! Думаете, они не замечат, что по их городу шляется целая толпа?

— Мы умрем красиво! — возразил Коэн.

— Конечно, конечно. После того как вас поймают. Ну и ну. Послушайте, меня исключают из общества злобных безумцев, если я позволю вам лезть туда толпой. — Злобный Гарри хмыкнул. — Богов многие сотни, верно? Всем известный факт. И все время появляются новые боги. План напрашивается сам собой. Ну, кто догадался?

Маздам поднял руку:

— Вламываемся, а потом удираем?

— Да, вы — настоящие герои, — сказал Злобный Гарри. — Нет. Я имел в виду *не совсем* это. Парни, да вам просто повезло, что у вас есть я.

Гервым увидел какой-то свет на луне завкафедрой беспредметных изысканий. Он стоял, прислонившись к лееру, и спокойно курил трубку.

Он не относился к числу амбициозных волшебников. Его тактика была проста — всячески избегай неприятностей и как можно меньше работай. Беспредметные изыскания обладали одним большим преимуществом — никто не знал точно, что это такое. Поэтому у завкафедрой всегда было много свободного времени.

Пару минут он разглядывал бледный диск луны, а потом разыскал мирно рыбачившего Чудакулли.

— Наверн, слушай, а луна так и должна себя вести? — спросил он.

Чудакулли поднял взгляд.

— Ничего себе! *Tups!* Куда он подевался?

Думминг, как оказалось, заснул в своей каюте, не удосужившись даже раздеться. В полусонном состоянии он выбрался на палубу, но, посмотрев на небо, мгновенно проснулся.

— Она так и должна себя вести? — спросил Чудакулли, тыкая пальцем в луну.

— Нет, аркканцлер! Конечно нет!

— Значит, проблема вполне определенная и предметная? — спросил с надеждой в голосе завкафедрой.

— Разумеется! Где омникоп? Кто-нибудь пытался с ними связаться?

— Значит, это не моя сфера, — заключил завкафедрой беспредметных изысканий, поспешно отступая. — Прошу прощения. С радостью помог бы, но вижу, вы сейчас заняты. Уж извините.

удя по всему, все до единого драконы одновременно изрыгнули пламя. Ринсвинд по-пробовал скосить глаза. Похоже, его глазные яблоки пребывали сейчас где-то в районе затылка.

Леонард без чувств обмяк на соседнем кресле. Моркоу, вероятно, валялся под кучей обломков в противоположном конце кабинета.

Орангутан, судя по зловещему скрипну и запаху, цеплялся за спинку Ринсвинда кресла.

Когда Ринсвинд наконец удалось повернуть голову и посмотреть в иллюминатор, он обнаружил, что один из отсеков, где помещались драконы, воспламенился. И неудивительно — изрыгаемое драконами пламя было почти белого цвета.

Леонард говорил что-то... Ринсвинд прищурился, пытаясь разглядеть рычаги сквозь красную пелену. «Если придется сбросить всех драконов, — говорил Леонард, — то...» То что? За какой рычаг дергать?

На самом деле в такие моменты выбор очевиден.

Ринсвинд, глаза которого почти ничего не видели, а барабанные перепонки буквально разрывались от воплей корабля, потянул первый попавшийся рычаг, до которого только смог дотянуться.

Я не могу описать это в саге, — думал менестрель. — Никто мне не поверит. Никто просто не поверит в *такое...*»

— Можете мне довериться, — сказал Злобный Гарри, окидывая критическим взглядом Орду. — Ну, то есть доверять мне, конечно, *нельзя*, тут я полностью согласен, но для меня это дело чести, понимаете? В общем, доверьтесь. У нас все получится. Готов поспорить, даже боги не знают *всех* богов.

— С этими крыльями я чувствую себя полным идиотом, — пожаловался Калеб.

— Имей совесть, госпожа Макгарри отлично поработала над ними, — перебил его Злобный Гарри. — И из тебя получился отличный бог любви. Правда, какой именно любви, лучше не уточнять. А ты?..

— Я — бог рыбы, — сказал Коэн, который весь облепился чешуей, а из головы одного из своих последних противников сделал некое подобие шлема.

Злобный Гарри попытался сделать вдох.

— Отлично, отлично, бог очень *старой* рыбы. А ты, Маздам?..

— Бог, черти меня раздери, сквернословия, — твердо заявил Маздам Дикий.

— Э-э... Вполне может сработать, — встярал менестрель, увидев, что Злобный Гарри нахмурился. — В конце концов, есть ведь музы танца, музы пения. Есть даже муза эротической поэзии...

— О, это легче легкого, — небрежно бросил Маздам. — Жила-была одна девчонка. И дело было в Щеботане. А как она брала за...

— Хорошо, хорошо, достаточно. А ты, Хэмиш?

— Бог вещей, — сказал Хэмиш.

— Каких?

Хэмиш пожал плечами. Столь преклонного возраста ему удалось достичь главным образом потому, что он старался не перегружать свое воображение.

— Всяких, — ответил он. — К примеру, потерянных. Которые всюду валяются.

Серебряная Орда устремила взгляды на менестреля, который, немного подумав, кивнул.

— Сойдет, — сказал он.

Злобный Гарри подошел к Малышу Вилли.

— Вилли, а зачем тебе помидор на макушке и морковка в ухе?

Малыш Вилли гордо улыбнулся.

— Тебе понравится, — пообещал он. — Я — бог фиговосебячувствующих.

— И такие бывают, — поддержал менестрель, прежде чем Злобный Гарри успел возразить. — Несколько тысяч лет назад в Анк-Морпорке была богиня Тошнотия. Так вот, принести дар Тошнотии означало...

— Послушай, смени тему, а? — проворчал Коэн.

- Кстати, Гарри, а кем будешь ты? — спросил Вилли.
- Я? Э... Я буду темным богом, — сказал Злобный Гарри. — Таких богов хоть пруд пруди...
- Эй, ты не говорил, что мы можем быть *демоническими* богами, — перебил его Калеб. — Мне тоже не больно-то хочется изображать из себя ангелочка-шмангелочка!
- Если бы я это сказал, вы бы все захотели стать демонами, — заметил Гарри. — И мы ругались бы несколько дней кряду. Кроме того, появись сразу целая *толпа* темных богов, настоящие боги мгновенно учудили бы подвох.
- А госпожа Макгарри ничего с собой не сделала, — нажаловался Маздам.
- Я подумала, если позаимствовать шлем Злобного Гарри, я вполне сойду за валькирию, — ответила Вена.
- Толковая мысль, — одобрил Злобный Гарри. — Наверняка валькирий тут хоть отбавляй.
- А самому Гарри шлем не понадобится, потому что буквально через минуту он пожалуется на острую боль в ноге, в спине или еще где и скажет, что не сможет пойти с нами, — небрежно заметил Коэн. — Потому что он нас предал. Верно, Гарри?

Игра становилась все более увлекательной. За ней следили почти все боги. Боги любят повеселиться, хотя следует отметить, их чувство юмора не отличается утонченностью.

— Вряд ли они смогут что-либо нам сделать, — сказал Слепой Ио, самый главный из богов.

— Ха, — откликнулся Рок, передавая стакан с костями. — Будь они настолько умными, то не стали бы героями.

Загремели кости, одна из них взлетела над доской и, зависнув в воздухе, принялась вращаться — все быстрее и быстрее. Наконец она совсем исчезла, оставив после себя облачко кремовой пыли.

— Кто-то выбросил *неопределенность*, — заметил Рок и посмотрел вдоль стола. — А Госпожа...

— Господин, — поклонилась Госпожа.

Ее имя никогда не произносили, хотя все его знали. Ведь произнести ее имя вслух означало моментально лишиться ее благословения. Несмотря на то, что у Госпожи было очень мало настоящих почитателей, она тем не менее была одной из самых могущественных богинь на Плоском мире, ведь в душе своей почти каждый человек надеялся и верил в то, что, гм, Госпожа существует.

— И каков будет твой ход, дорогуша? — спросил Ио.

— Я его уже сделала, — ответила Госпожа. — Просто я бросила кости туда, где вам их не видно.

— Отлично. Люблю сложные задачки, — кивнул Ио. — В таком случае...

— Э-э, у меня тут одна идеяка возникла... — вкрадчиво сообщил Рок.

— Какая же?

— Они выдают себя за богов, — сказал Рок. — Предлагаю именно так их и воспринимать...

— То ефть... *фферъеф*? — удивился Оффлер.

— До определенного момента. До определенного момента.

— И до какого именно? — уточнила Госпожа.

— Пока это не начнет утомлять, мадам.

На бескрайних равнинах Очудноземья живет племя н'туитиф — единственный народ в мире, *полностью лишенный воображения*.

Например, гром они объясняют примерно так: «Гром — это громкий шум в небе, вызванный возмущением воздушных масс при прохождении сквозь них молний». А их легенда о том, почему у жирафа длинная шея, гласит: «В древние времена у предков жирафа шеи были немного длиннее, чем у других обитателей равнин, и доступность листьев на верхних ветках оказалась настолько большим преимуществом, что выжили только жирафы с самыми длинными шеями, передавая свою длинношеесть потомкам, как люди передают по наследству копье прадеда. Впрочем, некоторые утверждают, что все куда запутаннее, и это объяснение применимо лишь к более коротким шеям окапи. Вот так вот».

Н'туитифы — очень миролюбивые люди, поэтому они были практически уничтожены соседними племенами, которые обладали богатым воображением, а следовательно, у них было великое множество богов, суеверий и всяких идей по поводу того, насколько прекрасной станет жизнь, если у них появятся более обширные охотничьи угодья.

Касательно же событий на луне в тот день н'туитифы сказали: «Луна ярко осветилась, потом от нее отделился какой-то свет, который, в свою очередь, разделился еще на три огонька, после чего погас. Мы не знаем, почему это случилось. Просто случилось, и все».

Сразу после этого на них напало соседнее племя, которое *точно* знало: огни на небе — это сигнал бога Укли к расширению охотничьих угодий. Однако чуть позже и *это* племя потерпело поражение от племени, которое *точно* знало: на самом деле данные огоньки суть живущие на луне предки, которые приказывают убить всех, кто не верит в богиню Глипзо. А еще через три года *это* племя тоже было уничтожено — упавшим с неба метеоритом, который образовался в результате взрыва звезды миллиард лет назад.

Все повторяется. И если особо не присматриваться, все происходящее даже может сойти за справедливость.

Ринсвинд на борту отчаянно трясущегося «Сокола» увидел, как отвалились от крыльев два последних отсека с драконами. Некоторое время они кувыркались рядом с кораблем, потом развалились на части и отстали.

Он снова уставил на рычаги. «Кто-то, — подумал он неуверенно, — должен *что-то* сделать...»

ставляя инверсионные следы, драконы летели по небу. Сейчас, вырвавшись из тесных отсеков, они спешили вернуться домой.

Срочно воздвигнув прямо на палубе Занимательную Линзу Турлоу, волшебники увидели весьма необычную картину.

- Это даже красивее фейерверка, — восхитился декан.
- Думминг постучал по омникопу.
- Ага, заработал, — сказал он. — Однако я вижу только огромный...
- Но потом Ринсвинд чуть отошел, и стал виден не только гигантский нос, но и остальные части его лица.
- За какие рычаги тянуть? За какие *рычаги* тянуть? — вопил Ринсвинд.
- Что случилось?
- Леонард отключился, а библиотекарь откапывает Моркоу из-под горы обломков. Кроме того, корабль сильно болтает! И у нас не осталось драконов! Зачем нужны эти циферблаты? Кажется, мы падаем! *Что мне делать?*
- Ты видел, что делал Леонард?
- Он ставил ноги на две педали сразу и непрерывно двигал рычагами!
- Хорошо, хорошо, сейчас я попытаюсь разобраться в его схемах, а потом мы скажем тебе, как направить корабль вниз.
- Нет! Скажите лучше, как направить его *вверх*! Мы хотим оставаться *наверху*! Вниз — не надо!!!
- На рычагах есть какие-нибудь надписи? — спросил Думминг, лихорадочно листая эскизы Леонарда.
- Да, но я их не понимаю! На одном написано «Троба»!
- Думминг просматривал страницы, испещренные обратносторонними записями Леонарда.
- М-м... М-м... — мычал он.
- Рычаг с надписью «Троба» не трогай! — рявкнул, наклонившись к осколку, лорд Витинари.
- Милорд! — воскликнул Думминг и покраснел, почувствовав на себе взгляд патриция. — Прошу прощения, милорд, но вопрос тут довольно технический, он касается механизмов, и, вероятно, будет лучше, если люди, получившее классическое образование, не будут вмеши...

Взгляд Витинари заставил его замолчать.

— Вот! Нашел! Ту формальная надпись! «Руль принца Гарана»! — донесся полный отчаяния голос.

Лорд Витинари поклонил Думминга Гупса по плечу.

— Я прекрасно все понимаю, — сказал он. — Последнее, в чем сейчас нуждается разбирающийся в механизмах человека, — это в совете невежественного человека, пусть даже совет этот дан из лучших побуждений. Приношу свои извинения. Что ты собираешься делать?

— Ну, я... я...

— В то время как «Сокол», а вместе с ним и наши надежды стремительно пикируют вниз, — добавил лорд Витинари.

— Я... э-э... сейчас подумаю... Мы пытались...

Думминг смотрел то на осколок омникопа, то на записи. Его сознание превратилось в огромное белое поле, покрытое жарким вязким пухом.

— Думаю, у нас осталась еще целая минута, — сказал лорд Витинари. — Так что ты не торопись.

— Я... быть может, мы... э-э...

Патриций склонился над осколком.

— Ринсвинд, тяни на себя руль принца Гарана! — приказал он.

— Но мы понятия не имеем, для чего он... — неуверенно произнес Думминг.

— Если у тебя есть более удачная идея, говори, не стесняйся, — пообещал лорд Витинари. — Я же предлагаю потянуть за этот рычаг.

На борту «Сокола» Ринсвинд решил прислушаться к гласу властей.

— Э... Что-то заскрипело и защелкало... — доложил он. — Некоторые рычаги начали двигаться самостоятельно... Крылья расправляются... Мы летим почти по прямой, по крайней мере достаточно плавно...

— Отлично. Предлагаю попытаться привести в чувство Леонарда, — сказал патриций, потом повернулся и кивнул Думмингу. — Насколько мне известно, юноша, ты не получал классического образования. А Леонард его получил.

— И что, милорд?

— Принц Гаран был легендарным клятческим героям, который обогнул весь мир на корабле с волшебным рулем, — ответил лорд Витинари. — Этот руль управлял кораблем, пока принц спал. Если потребуется моя помощь, можешь обращаться.

Бекинув руку, Коэн шагнул вперед. Злобный Гарри окаменел от ужаса.

— Ты сдал нас богам, Гарри, — сказал Коэн.

— Мы всё слышали, — подтвердил Хэмпшир Стукнутый.

— Но мы не против, — прожал плечами Коэн. — Так будет даже интереснее.

Его рука опустилась и похлопала Гарри по спине.

— Мы еще подумали: «Этот Злобный Гарри, может, туп как пробка, но предавать нас да еще в такое время... для этого требуется мужество», — продолжал Коэн. — Знаешь, Гарри, я на своем веку повидал Темных Властелинов, но ты заслуживаешь высшую награду — три больших гоблинских головы. Вот это стиль! Возможно, тебе никогда не удастся попасть в так называемую высшую лигу Темных Властелинов, но у тебя, Гарри, определенно имеются для этого все задатки.

— Нам нравятся люди, которые до конца держатся за свои катапульты, — сказал Малыш Вилли.

Потупив взор, Злобный Гарри зашаркал ножкой, а на лице его отразилось нечто среднее между гордостью и облегчением.

— От вас, парни, мне тем более приятно это слышать, — пробормотал он. — Понимаете, если бы все зависело от меня, я бы никогда так не поступил, но нужно поддерживать репутацию и...

— Я же сказал, Гарри, мы тебя прекрасно понимаем, — перебил его Коэн. — И все мы поступаем точно так же. Когда на тебя галопом несется какая-то косматая тварь, ты ведь не начинаш сомневаться: «А вдруг это существо относится к вымирающему виду?» Нет, ты просто отрубаешь ему голову, потому что именно так поступают герои. Ну а ты, встретив кого-нибудь, сразу его предаешь. Потому что именно так поступают негодяи.

Остальные члены Орды одобрительно закивали. Как ни странно, это тоже было частью так называемого Кодекса.

— И вы его отпустите? — спросил менестрель.

— Конечно. Ты, видимо, так ничего и не понял. Темным Властелинам всегда удается улизнуть. Думаю, тебе стоит включить в сагу стих о том, как он нас предал.

— И... о том, как я коварно пытался перерезать вам глотки. Если вы не против, конечно, — попросил Злобный Гарри.

— Хорошо, — с важным видом произнес Коэн. — Напиши, что он сражался аки тигр разъяренный.

Гарри смахнул слезинку с глаза.

— Спасибо, ребята, — поблагодарил он. — Не знаю, что и сказать. Никогда этого не забуду. После такого моя карьера может пойти круто в гору.

— Тогда окажи нам услугу. Позаботься о том, чтобы бард вернулся домой целым и невредимым, — ответил Коэн.

— Конечно, — пообещал Злобный Гарри.

— Гм... Но я... Я не собираюсь возвращаться, — вдруг заявил менестрель.

Эти слова поразили всех. И его самого в том числе. Перед ним внезапно открылось два пути. Один из них возвращал его к жизни с песенками про любовь и цветочки. А второй мог завести вообще куда угодно. Однако в этих стариках было что-то такое, что делало первый выбор совершенно невозможным. И бард не мог объяснить что. Просто это было, и все.

— Но ты должен вернуться, — сказал Коэн.

— Нет, я должен увидеть, чем все закончится, — ответил менестрель. — Наверное, я сошел с ума, но я хочу именно этого.

— Ты вполне можешь придумать завершающую часть, — предложила Вена.

— Нет, мадам, — возразил менестрель. — Не могу. Вряд ли я сумею придумать все так, как закончится на самом деле. Да стоит только посмотреть на господина Коэна в этой его рыбьей шляпе, на господина Вилли в облике бога фибосебячествия... Нет, я хочу пойти с вами. А господин Гарри может подождать меня здесь. И мне ничегошеньки не грозит. Что бы ни случилось. Потому что я абсолютно уверен: увидев, что их атакуют человек с помидором на голове и старики, нарядившийся музой сквернословия, боги обязательно, *всепременно* захотят, чтобы весь мир узнал, чем все закончилось.

Леонард по-прежнему пребывал без сознания, никак не реагируя на мокрое полотенце, которое водрузил ему на лоб Ринсвинд.

— Разумеется, я наблюдал за ним, — сказал Моркоу, бросив взгляд на плавно перемещающиеся рычаги. — Но он построил корабль и потому все тут знал.. Гм-м, сэр... На твоем месте я бы это не трогал...

Устроившись в кресле рулевого, библиотекарь обнюхивал рычаги. Где-то под корабельным полом тихо щелкал и жужжал автоматический руль.

— Нужно что-то придумать. Причем срочно, — заявил Ринсвинд. — Корабль не может управлять собой вечно.

— Но что, если мы осторожненько... А вот этого совсем не стоит делать, сэр...

Библиотекарь с любопытством исследовал педали. Потом одной рукой он оттолкнул Моркоу, а второй снял с крючка летные очки Леонарда. Его ступни цепко обвили педали. Он толкнул вперед рычаг, который выключал руль принца Гарана, и что-то под ногами глухо стукнуло.

Когда корабль затрясло, библиотекарь вытянул руки, размял кисти, громко хрустнул суставами пальцев и ухватился за рулевые рычаги.

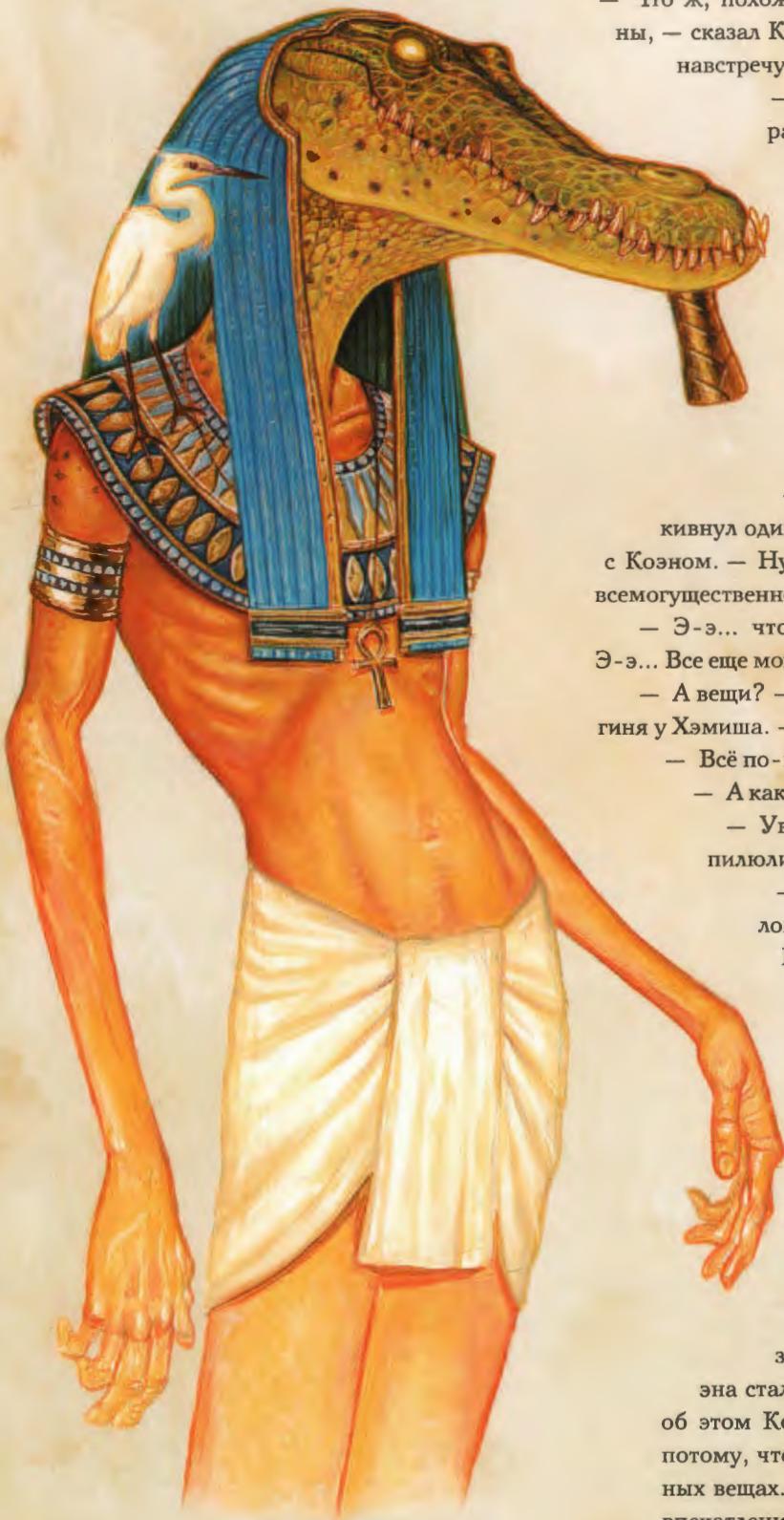
Моркоу и Ринсвинд бросились к своим креслам.

Ворота Дунманифестина распахнулись как будто сами собой. Сбившись в кучку и подозрительно озираясь по сторонам, Серебряная Орда проникла в царство богов.

— Ты, парень, гляди в оба, — шепотом посоветовал Коэн, изучая оживленные улицы. — Чего-чего, а *такого* я не ожидал.

— Какого? — не понял менестрель.

— Ну, мы ожидали увидеть что-нибудь навроде большой пирушки, — сказал Малыш Вилли. — А не... не какие-то лавки. Причем торгующие одеждой разных размеров!

— Что ж, похоже, боги бывают всякой величины, — сказал Коэн, разглядывая спешивших им навстречу богов.

— А может... зайдем в другой раз? — предложил Калеб.

Ворота за их спинами с треском захлопнулись.

— Нет, — сказал Коэн.

Они вдруг оказались в центре настоящей толпы.

— Вы, вероятно, новые боги, — донесся голос с небес. — Добро пожаловать в Дунманифестин! Следуйте за нами!

— А, бог рыбы, — понимающе кивнул один из богов, пристраиваясь рядом с Коэном. — Ну и как *поживают* рыбки, ваша всемогущественность?

— Э-э... что? — переспросил Коэн. — О... Э-э... Все еще мокрые... Да, весьма мокрые твари.

— А вещи? — поинтересовалась какая-то богиня у Хэмиша. — Как дела у вещей?

— Всё по-прежнему! Всё валяются!

— А как у вас с омнипатентностью?

— Увы, барышня. Но я принимаю пилюли!

— А ты, видимо, музя сквернос-ловия? — обратился какой-то бог к Маздаму.

— А кто ж, на хрен, еще! — отчаянным голосом откликнулся Маздам.

Коэн посмотрел вперед и увидел Бога-Крокодила Оффлера. Его трудно было не узнать; кроме того, Коэн не раз видел его прежде. Вернее, его статуи, которые стояли в храмах по всему миру.

И многие из этих храмов в результате бурной деятельности Коэна стали значительно беднее. Впрочем, об этом Коэн даже не вспомнил — просто потому, что никогда не вспоминал о подобных вещах. Однако у него сложилось явное впечатление, что Орду куда-то заманивают.

— Кстати, приятель, а куда мы идем? — спросил Коэн.

— Наблюдать за игрой, ваше рыбство, — ответил Оффлер.

— Ах, да. Вы же... то есть мы же тут любим играть с на... то есть со смертными во всякие интересные игры.

— Именно так, — подтвердил шагавший по другую сторону от Коэна бог. — И совсем недавно мы узнали, что группа смертных пытается проникнуть в Думманифестин.

— Вот ведь негодяи, — сочувственно произнес Коэн. — А вы их молнией, молнией! От души советую. Другого языка они не понимают.

— На каком языке говоришь, такой и понимаешь, — проборомтал менестрель, разглядывая окружавших их богов.

— Ага, мы тоже об этом думали, — кивнул бог. — Кстати, меня зовут Рок.

— Так ты тот самый Рок? — изумился Коэн, когда они уже подходили к игровому столу. — Всегда хотел с тобой познакомиться. Но разве ты не должен быть слепым?

— Нет.

— А если два пальца в глаза?

— Прошу прощения?

— Шутка.

— Ха. Ха, — откликнулся Рок. — Но мне не терпится узнать, о рыбий бог, хорошо ли ты играешь.

— Никогда не увлекался азартными играми, — сказал Коэн, провожая глазами мелькающие между пальцев Рока игральные кости. — Сплошное жульничество.

— Может, рискнешь попробовать?

Толпа разом замолкла. Менестрель заглянул в бездонные глаза Рока и понял: в игре с судьбой результат всегда предрешен.

В воцарившейся тишине даже малая птаха не упала бы незамеченной.

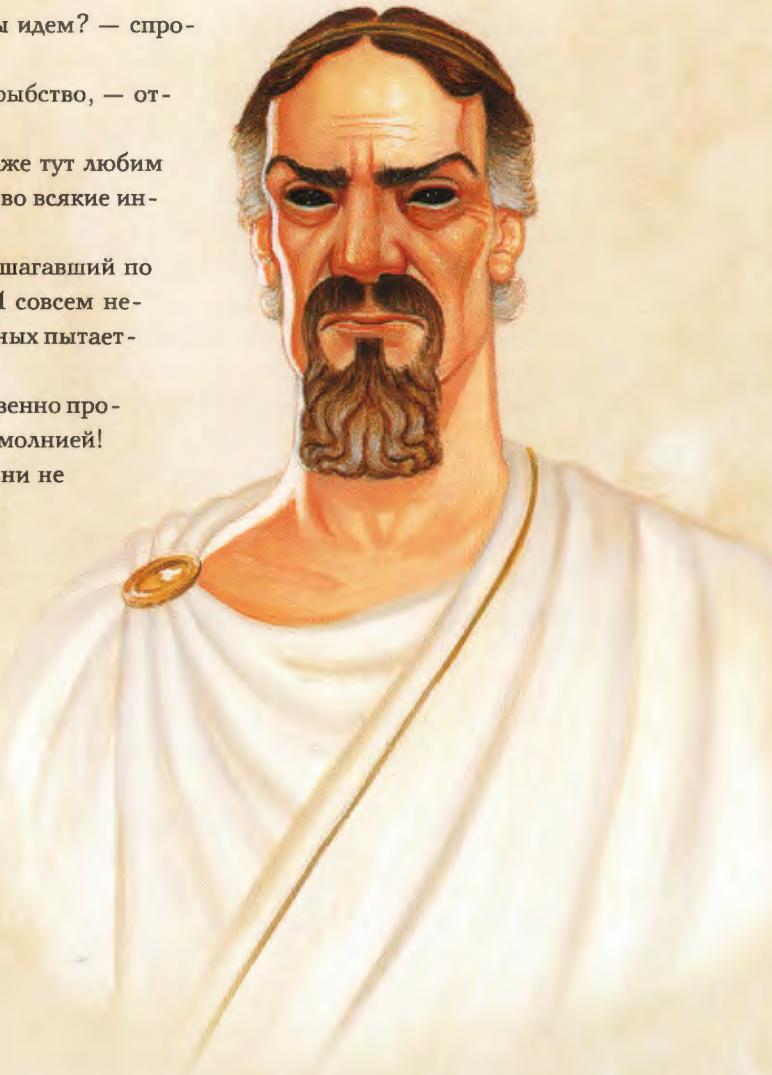
— Конечно, почему бы нет? — сказал наконец Коэн.

Рок бросил игральную кость на стол.

— Шесть, — сказал он, глядя Коэну прямо в глаза.

— Ага, — откликнулся Коэн. — Стало быть, я тоже должен выбросить шестерку?

Рок улыбнулся.

— О нет. Ты ведь бог. А боги играют только на победу. Ты, о всемогущий, должен выбрать семью.

— Семь? — переспросил менестрель.

— Лично я не вижу никаких проблем, — пожал плечами Рок. — Для того, кто действительно имеет право здесь находиться.

Коэн покрутил кость. У неё, как и положено, было шесть граней.

— А вот лично я вижу некоторые проблемы, — сказал он. — Но только для смертных, разумеется. — Коэн пару раз подбросил кость в воздух. — Значит, стало быть, семь?

— Семь, — подтвердил Рок.

— Прямо-таки узловая проблема, — пробормотал Коэн.

Менестрель посмотрел на него, и странный холодок пробежал по его спине.

— Запомни эти слова, паренек, — сказал Коэн.

«Сокол», заложив крутой вираж, нырнул в густое облако.

— У-ук! — весело воскликнула библиотекарь.

— Да он летает лучше, чем Леонард! — покачал головой Ринсвинд.

— Ему, вероятно, дается это легче, — прошептал Моркоу. — Он же... это, как его... ходячий атавизм.

— Правда? А я всегда считал его довольно добродушным. За исключением тех случаев, разумеется, когда его называют обезьяной.

«Сокол» заложил очередной вираж, прошивая небо, словно маятник.

— У-ук!

— «Из левого иллюминатора почти весь Диск виден», — перевел Ринсвинд.

— У-ук!

— «А из правого иллюминатора...» О, боги!

Это была Гора. А на самой ее вершине сверкала на солнце обитель богов. А еще выше, едва видимое даже в кристально чистом воздухе, расходилось воронкой магическое поле Плоского мира, заземляясь в самом его центре.

— Слушай, а ты... ты вот религиозный человек? — спросил Ринсвинд, глядя на проносящиеся мимо облака.

— Я верю в то, что каждая религия отражает определенный аспект вечной истины, — ответил Моркоу.

— Ловко, — признал Ринсвинд. — И всегда сходит с рук.

— А ты? — спросил Моркоу.

— Ну, есть одна вера, в которой вращение является формой молитвы. Знаешь такую?

— Да, конечно. Клатчские Крутилы-Вращалы.

— Так вот, моя вера очень похожа на эту. Только мы предпочитаем... движение по прямой. Именно. По прямой. И скорость для нас священна.

— То есть ты веришь, что благодаря ей достигнешь вечной жизни?

— Ну, не совсем вечной... Скорее... просто долгой. Точно. Нормальной долгой жизни. Куда более продолжительной, чем если бы я бежал не по прямой и не так быстро. Хотя на пересеченной местности допускаются некоторые отклонения от курса.

— На самом деле ты — просто трус, да? — вздохнул Моркоу.

— Да. Впрочем, никогда не понимал, что в этом плохого. Знаешь, для того, чтобы удирать, тоже требуется смелость. Многие люди, хвати им смелости, стали бы такими же трусыми, как я.

Они снова посмотрели в иллюминатор. Гора стала ближе.

— Согласно содержащимся здесь сведениям, — сказал Моркоу, перелистывая заполненные торопливым почерком блокноты, которые Думминг сунул ему прямо перед отлетом, — некоторым людям удалось-таки проникнуть в Дунманифестин и вернуться оттуда живыми.

— Всего лишь живыми? Не слишком-то успокаивает, — откликнулся Ринсвинд. — А как насчет рук-ног? Что у них потом стало с головой? Какие вообще были последствия?

— Ну, в основном это были мифические герои, — неуверенно произнес Моркоу.

— До или после?

— Боги, как правило, благосклонно относятся к смелости, дерзости и отваге, — пояснил Моркоу.

— Отлично. Ты идешь первым.

— У-ук, — сказал библиотекарь.

— Он сказал, мы заходим на посадку, — перевел Моркоу. — Мы должны занять какое-нибудь определенное положение?

— У-ук! — ответил сражавшийся с рычагами библиотекарь.

— Что значит «Лечь на спину и сложить руки на груди»?

— И-ук!

— Разве ты не видел, что драл Леонард, когда сажал корабль на луну?

— У-ук!

— Та посадка была удачной, — пожал плечами Ринсвинд. — Ладно, жаль, конечно, что наступит конец света, но такое иногда случается, верно?

— НЕ ЖЕЛАЕШЬ АРАХИСА? ЭТИ ПАКЕТИКИ ТАК ПЛОХО ОТКРЫВАЮТСЯ...

Призрачное кресло висело в воздухе рядом с Ринсвиндом. Фиолетовый ореол, возникший по краям его поля зрения, свидетельствовал, что пространство-время вокруг него вдруг окуклилось.

— Значит, мы потерпим крушение? — спросил Ринсвинд.

— ВОЗМОЖНО, К СОЖАЛЕНИЮ, ПРИНЦИП НЕУВЕРЕННОСТИ ВЕСЬМА ОСЛОЖНЯЕТ МОЮ РАБОТУ. НЕ ЖЕЛАЕШЬ ПОЧИТАТЬ КАКОЙ-НИБУДЬ ЖУРНАЛЬЧИК?

«Сокол» сделал разворот и стал плавно снижаться к облакам, окутывавшим Кори Челести. Библиотекарь свирепо взорвался на рычаги, потом яростно куснул один из них, дернул руль, принца Гарана, вскочил с кресла, побежал по кабине и спрятался под одеялом.

— Мы сядем на этом заснеженном поле, — сказал Моркоу, занимая место пилота. — Леонарда предусматривал возможность посадки на снег. В конце концов...

«Сокол» скорее не приземлился, а пощелкал снег. Затем он взмыл в воздух, пролетел чуть дальше и снова коснулся снега. После серии подобных прыжков снег весело заскрипел под килем, и корабль заекользил по полю.

— Поразительно! — воскликнул Моркоу. — Все равно что пройтись по парку!

— Ты имеешь в виду, что сейчас нас ограбят, украдут все наши деньги, а потом отпинают по ребрам? — уточнил Ринсвинд. — Возможно. Кстати, ты заметил, что мы направляемся прямо к городу?

Они уставились вперед. Ворота Дунманифестина приближались слишком быстро. «Сокол» наскочил на сугроб и заскользил дальше.

— Сейчас не время паниковать, — сказал Ринсвинд.

«Сокол» снова наскочил на сугроб, подпрыгнул и влетел в ворота обители богов.

Вернее, сначала он летел, а потом...

емерка, и победа за мной, — уточнил Коэн. — Все зависит от того, смогу ли я выбросить семерку, да?

— Да, конечно, — ответил Рок.

— Шанс один на миллион, — хмыкнул Коэн.

Он подбросил кость высоко в воздух, и она, вдруг замедлив полет, принялась вращаться, поблескивая гранями и издавая шелест, подобный тому, который издают лопасти ветряной мельницы.

Достигнув верхней точки дуги, кость начала опускаться.

Коэн, застыв, не спускал с нее глаз. Потом его меч выскоцил из ножен и описал замысловатую дугу. Раздался щелчок, что-то вспыхнуло в воздухе зеленоватым светом, и...

...Две половинки кости покатились по столу.

Одна половинка остановилась, показав шестерку, а вторая — показав единицу.

Парочка богов, к немалому удивлению менестреля, разразилась аплодисментами.

— Ну, все как и договорились? — спросил Коэн, чуть опуская меч.

— Да неужели? А ты слушаем не слышал пословицу про «судьбу не обманешь»? — поинтересовался Рок.

— А ты не слышал пословицу про «хорошо ли твоя мамаша накладывает швы», приятель?! — завопил Хэмиш Стукнутый, приподнимаясь в своем кресле.

Все как один человек (ну, или в данном случае — бог) сереброордынцы обнажили мечи.

— Никаких драк! — крикнул Слепой Ио. — Таковы правила! Хотите драться, идите в *мир*!

— Я не жульничал и никого не обманывал! — прорычал Коэн. — Оставлять повсюду свитки, заманивая героев на верную погибель, — вот что я называю жульничеством!

— Но без волшебных карт герои не стали бы героями, — заметил Слепой Ио.

— Зато остались бы в живых! — отрезал Коэн. — Герои для вас — всего-навсего фишки в вашей дурацкой игре!

— Ты *разрубил* кость пополам, — сказал Рок.

— А ты покажи мне правила, которыми это запрещается! Да, покажи-ка мне *правила*! — заорал Коэн, приплясывая от ярости. — Покажи мне *все* правила! Ну, что скажешь, господин Рок? Хочешь попробовать еще раз? Удваиваем ставки или выходим из игры? Удваиваем?

— Фледует прифнать, удар был прекрафным, — заметил Оффлер.

Некоторые из богов помельче согласно закивали.

— Что?! — изумился Рок. — И вы готовы спустить им это с рук?! Они же открыто насмехаются над вами!

— Насмехаются над *тобой*, мой господин, — раздался голос, до сей поры не участвовавший в дискуссии. — Предлагаю признать их победу. Он обманул судьбу, то есть тебя, Рок. Судьба была обманута, все случилось, как случилось, и мнение пострадавшей стороны в расчет не принимается.

Сквозь толпу величественно шла Госпожа, и боги расступались, пропуская ее. Они понимали, что становятся свидетелями рождения новой легенды.

— А ты кто такая? — рявкнул все еще багровый от ярости Коэн.

— Я?

Госпожа широко развела руки. На ее ладонях лежали игральные кости — единицами вверх. Она едва шевельнула запястьями, и кости соединились, удлинились, переплелись, превратились в извивающуюся шипящую змею и исчезли.

— Я — один шанс на миллион, — сказала она.

— Правда? — спросил Коэн, не слишком-то впечатленный этим представлением. — А все остальные шансы кто?

— Тоже я.

Коэн презрительно хмыкнул.

— И какая после этого ты госпожа?

— Э-э, Коэн... Она и вправду Го... — неуверенно произнес менестрель.

— Что? Я не должен был так говорить? — перебил Коэн. — Я, наверное, должен был упасть на колени: «О, мадам, премного благодарствую!» — и так далее? Так вот, даже не собираюсь. Говорят, удача благоволит храбрым, а я говорю, что видел слишком много храбрецов, которые шли в бой, чтобы никогда не вернуться. И плевал я на... Эй, что с тобой такое?

Менестрель пристально смотрел на одного из богов, стоявшего с краю толпы.

— Это ведь *ты*?! — прорычал он. — Ты — Нутган, да?

Мелкий бог сделал шагок назад, но потом, видимо, решил явить свое величие, чем совершил большую ошибку.

— Молчи, смертный!

— Ты — полный... полный... Пятнадцать лет! Лишь в пятнадцать лет я первый раз попробовал чеснок! И наши жрецы вставали ни свет ни заря, чтобы раздвинуть все грибы в окрестностях! А знаешь, сколько стоит маленькая шоколадка в нашем городке и что могут сотворить с человеком, у которого ее найдут?

Менестрель раздвинул плечом Орду и, угрожающе вскинув над головой лиру, двинулся на Нутгана. Божок попятился.

— Я поражу тебя молнией! — проверещал Нутган, поднимая руки.

— Кишка тонка! Только не здесь! На всякие мерзости ты способен только в обычном мире! А здесь ты можешь лишь жульничать и обманывать! А еще *запугивать*! Для этого и нужны молитвы... Запуганный человечек сам бежит под крыльшко громиле: мол, защити! Тебе столько храмов построили... а ты какой-то мелкий...

Коэн успокаивающе положил руку ему на плечо.

— Хорошо сказано, парень. Но тебе пора идти.

— Брокколи, — шепнул Оффлер Вжиквжику, Богу Пиломатериалов. — Запрещай брокколи — никогда не ошибешься.

— А я вот запретил панунитопластику, — сообщил Вжиквжик.

— А что это такое?

— Понятия не имею, но люди недовольны.

— Дай я хоть раз тресну его по уху!.. — рвался менестрель.

— Послушай меня, сынок, — сказал Коэн, с трудом удерживая менестреля. — Твоей лире вряд ли пойдет на пользу, если ты будешь дубасить ею всех подряд направо-налево. Она тебе еще пригодится. Пара коротких стишков... Просто поразительно, насколько глубоко врезаются в память такие стишкы. *Послушай* меня, паренек, *послушай*, ты понимаешь, что я тебе говорю? У меня есть меч, чертовски хороший меч, но он годится лишь на то, парень, чтобы сохранять мне жизнь. А песня может сделать человека *бессмертным*. Плохого или хорошего!

Менестрель немножко успокоился, но только самую малость. Нутган прятался за группкой других мелких богов.

— Ну, когда я выйду за ворота, он у меня получит... — прорычал менестрель.

— Он будет слишком занят. Маздам, дави!

— А, этот ваш знаменитый фейерверк, — усмехнулся Слепой Ио. — Но, мой дорогой смертный, огонь не может причинить вред богам...

— Это смотря какой огонь, — возразил Коэн. — Потому что буквально через минуту вершина этой горы превратится в жерло вулкана. И это увидят все. Интересно, после такого зрелища продолжат ли люди верить в богов?

— Ха! — презрительно хмыкнул Рок, но некоторые наиболее сообразительные боги призадумались.

— Кстати, — продолжил Коэн, — не так уж это важно: можно убить бога, нельзя... Главное — попытаться. Чтобы в следующий раз кто-нибудь был настороже.

— Все кончится тем, что убиты будете вы, — сказал Рок, однако боги поумнее уже начали потихоньку пятиться.

— А что нам терять? — спросил Малыш Вилли. — Мы все равно умрем. Мы *готовы* умереть.

— Мы *всегда* были готовы умереть, — сказал Калеб-Потрошитель.

— Поэтому и живем так долго, — кивнул Малыш Вилли.

— Но... *зачем* торопиться? — спросил Слепой Ио. — Вы прожили долгую, полную событий жизнь, и великий круговорот природы...

— Великий круговорот природы пущай подавится моей набедренной повязкой! — перебил его Хэмиш Стукнутый.

— Немногие пошли бы на такое, — сказал Коэн. — Я не привык говорить красивые слова, но... Полагаю, мы делаем это потому, что собираемся умереть, понятно? А еще потому, что когда-то один тип вышел на край мира, увидел все остальные миры и разрыдался, ведь жизнь — всего одна. Вселенной так много, а времени так мало... Это неправильно.

Но боги уже не смотрели на него.

Крылья отвалились и рассыпались на щепки. Фюзеляж с грохотом рухнул на булыжную мостовую и заскользил по ней дальше.

— А вот *сейчас* самое время паниковать, — сказал Ринсвинд.

Подбитый «Сокол» мчался по мостовой, распространяя запах горелого дерева. Бледная рука появилась перед лицом Ринсвина.

— Я бы посоветовал, — сказал Леонард, — покрепче за что-нибудь ухватиться.

Он потянул на себя небольшой рычаг с надписью «Зомрот».

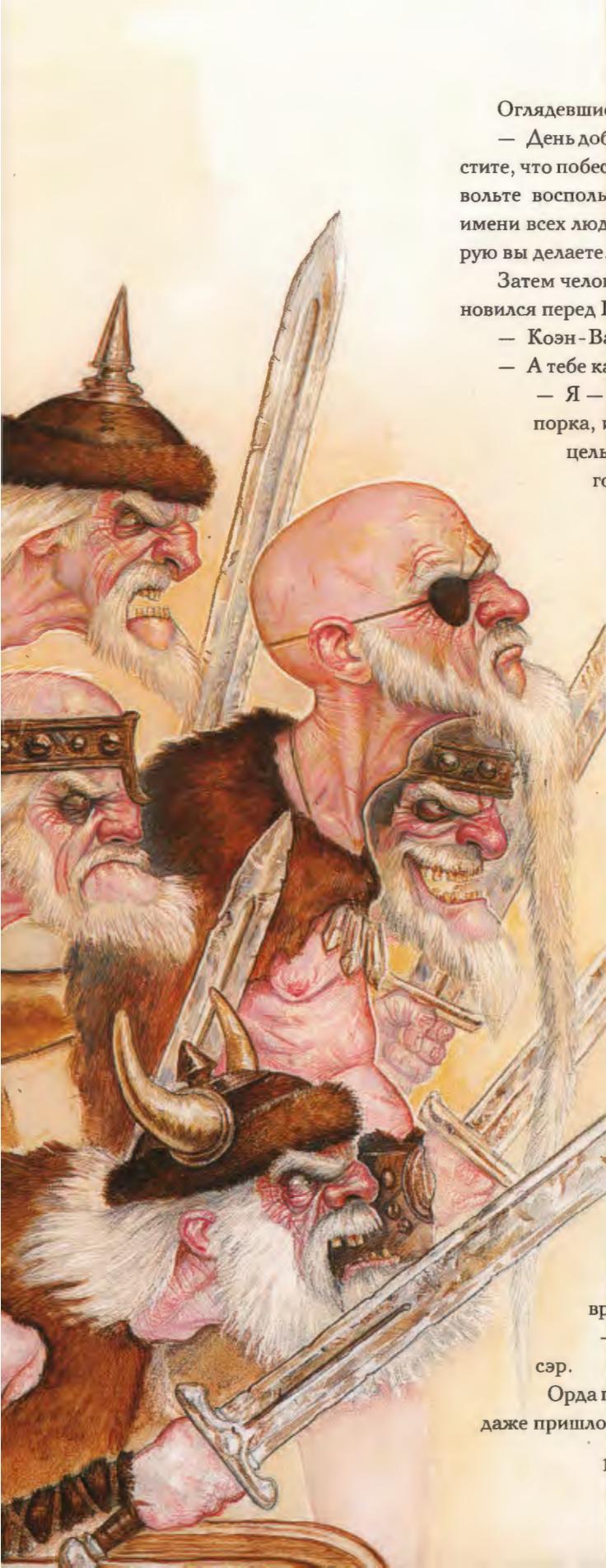
И «Сокол» остановился. Правда, слишком уж динамично.

Боги посмотрели вниз.

В туловище странной деревянной птицы открылся люк. Упав на мостовую, он откатился в сторону.

Боги увидели, как из птицы кто-то вылез. Он чем-то напоминал героя, но был не настолько грязен.

Огляделвшись, вновь прибывший снял шлем и отдал честь.

— День добрый, о всемогущие, — поздоровался он. — Простите, что побеспокоил, но много времени это не займет. И позовите воспользоваться возможностью поблагодарить вас от имени всех людей Плоского мира за прекрасную работу, которую вы делаете.

Затем человек прошагал мимо ошеломленных богов и остановился перед Коэном.

— Коэн-Варвар?

— А тебе какое дело? — огрызнулся Коэн.

— Я — капитан Моркоу Городской Стражи Анк-Морпорка, и я арестовываю тебя по обвинению в заговоре с целью устроить конец света. Ты можешь ничего не говорить...

— А я не собирался, — сказал Коэн, поднимая меч. — Я молча отрублю твою ...ную голову.

— Погоди, погоди, — торопливо произнес Малыш Вилли. — Ты знаешь, кто мы такие?

— Да, сэр. Полагаю, что знаю. Ты — Малыш Вилли, известный также как Безумный Билл, Вильгельм-Покрошитель, Великий...

— И *ты* собираешься *нас* арестовать? Ты ведь сказал, что служишь в Страже?

— Так точно, сэр.

— Парень, да мы в свое время убили сотни стражников!

— Очень прискорбно слышать это, сэр.

— Приятель, а сколько тебе платят? — спросил Калеб.

— Сорок три доллара в месяц, господин Покрошитель, плюс пайковые.

Орда расхохоталась. А потом Моркоу обнажил свой меч.

— Я настаиваю, сэр. То, что вы планируете совершить, уничтожит весь мир.

— Только эту его часть, приятель, — показал плечами Коэн. — А теперь можешь возвращаться домой и...

— Я терпел только из уважения к твоим сединам, сэр.

Орда прямо покатилась от хохота. Хэмиша Стукнутого даже пришлось удерживать в кресле, чтобы он не свалился.

— Парни, ну-ка, погодите, — тихо произнесла госпожа Макгарри. — Мы действительно все продумали? Оглянитесь по сторонам.

Они оглянулись.

— И что? — спросил Коэн.

— Я — это раз, — сказала Вена. — Ты. А еще Маздам, Малыш Вилли, Хэмиш, Калеб и менестрель.

— И что?

— Всего семеро, — подытожила Вена. — Семеро против одного. Семеро. И он считает, что спасает мир. Ему известно, кто мы, и тем не менее он собирается сразиться с нами...

— Ты думаешь, он — герой? — прохрипел Хэмиш Стукнутый. — Ха! Это с зарплатой сорок три доллара в месяц? Плюс пайковые?!

Но на этот раз рассмеялся только он один. Орда быстренько произвела сложные математические расчеты потенциального героизма.

Всегда, и в начале, и в конце — *всегда* есть Кодекс. Они жили по Кодексу. Ты соблюдаешь Кодекс и становишься частью Кодекса для тех, кто идет за *тобой*. Кодекс — вот что главное. Без Кодекса ты — не герой. Простой бандит в набедренной повязке.

И иного толкования Кодекса быть не могло. Один против семерых всегда... побеждал. Они твердо знали, что так будет. Много раз в своей жизни они полагались на это. Чем меньше шансы, тем триумфальнее победа. Так гласил Кодекс.

Стоит лишь забыть о Кодексе, отказаться от Кодекса, возразить Кодексу, и Кодекс... *уничтожит* тебя.

Они посмотрели на меч капитана Моркоу. Он был коротким, острым и невзрачным. Это был рабочий меч. Никаких магических рун на клинке, никакого волшебного огня на кромке.

Согласно Кодексу, весьма тревожный знак. Простой меч в руках действительно храброго человека пройдет сквозь любой волшебный клинок, как сквозь сало.

Мысль не была пугающей, но это была *мысль*.

— Занятно, — сказал Коэн. — Я слыхал, есть в Анк-Морпорке один стражник, который на самом деле — наследник престола, но никому не говорит об этом, потому что ему *нравится* быть стражником...

«Ничего себе, — подумала Орда. — Переодетый король... Прямо по Кодексу».

Моркоу посмотрел Коэну в глаза.

— Никогда о таком не слышал.

— Рисковать своей шкурой за сорок три доллара в месяц?! — уточнил Коэн, выдерживая его взгляд. — Человек должен быть либо очень, очень глупым, либо очень, очень храбрым.

— А в чем разница-то? — встрял Ринсвинд, делая шаг вперед. — Послушайте, мне не хотелось бы нарушать столь драматический момент и все такое прочее, но Моркоу ведь не шутит. Если этот... бочонок взорвется, взрыв уничтожит весь мир. Он... проделает дыру, в которую утечет вся магия.

— Ринсвинд? — изумился Коэн. — А ты здесь какими судьбами, старая крыса?

— Пытаюсь спасти мир, — ответил Ринсвинд и закатил глаза. — Снова...

В глазах Коэна промелькнула неуверенность, но герои так просто не сдаются — даже перед Кодексом.

— Что, мир *действительно* взорвется?

— Да!

— Правда, какой теперь это мир... — пробормотал Коэн. — Вот раньше...

— Подумай о котятах... — сказал Ринсвинд.

— О щенках, — прошипел Моркоу, не отрывая взгляда от Коэна.

— Ну, то есть о щенках. Подумай о *них*.

— Подумал. И что?

— Так, ничего.

— Но погибнут все до единого, — сказал Моркоу.

Коэн пожал костлявыми плечами.

— Все рано или поздно умрут. Так нам говорили.

— Но кто тогда вспомнит о вас? — спросил менестрель как будто сам у себя. — Если никого не останется, *никто* и вспоминать будет некому.

Орда взорилась на него.

— Никто не вспомнит о том, кем вы были или что совершили, — продолжал он. — Ведь ничего не останется. *Ни* песен... *ничего*. *И некому будет вспоминать*

Коэн вздохнул.

— Адно, предположим, я...

— Коэн? — *бликнул* Маздам несколько обеспокоенно. — Помнишь, пару минут назад ты сказал «Маздам, дави»?

— Да?

— То есть давить не надо было?

Бочонок шипел.

— Так ты раздавил взрыватель?

— Ну да! Как *ты* велел!

— Мы можем что-нибудь сделать?

— Нет, — ответил Ринсвинд.

— А удрать успеем?

— Только если придумаете способ пробежать десять миль *действительно, действительно* быстро, — сказал Ринсвинд.

— Парни, *все* ко мне! Тебя, менестрель, это не касается, это чисто геройское дело...

Орда собралась вокруг Коэна и принялась о чем-то оживленно шушукаться. Совещание длилось недолго.

— Отлично, — наконец сказал Коэн и выпрямился. — Господин бард, ты правильно записал наши имена?

— Конечно...

— Тогда, парни, вперед!

Они закинули бочонок обратно на кресло-каталку Хэмиша и дружно навалились.

— Эй, бард! — оглядываясь, бросил через плечо Маздам. — Обязательно напиши о том, как я...

— Уходим, уходим! — заорал Коэн, хватая его за плечо. — До встречи, госпожа Макгарри!

Она кивнула и отступила в сторонку.

— Ну, я, это... — с грустью пробормотала Вена. — Вот-вот правнуки пойдут, да и потом...

Кресло-каталка уже во весь опор неслось по мостовой.

— Назови одного из них в мою честь! — крикнул Коэн, запрыгивая на кресло.

— Что они задумали? — спросил Ринсвинд, провожая взглядом несущееся к далеким воротам кресло.

— Они не успеют спуститься с горы! — крикнул Моркоу и метнулся следом за Ордой.

Кресло-каталка вылетело из ворот и загрохотало по обледеневшим камням.

Бросившийся за Моркоу Ринсвинд увидел, как кресло в последний раз подпрыгнуло и рухнуло в десятимильную пропасть. Ему даже показалось, что он рассыпал чьи-то последние слова: «А разве мы не должны что-то крича-а-а-а...»

Кресло, бочонок и фигурки становились все меньше, пока совсем не скрылись в дымке, окружавшей заснеженные острые, как клыки, вершины.

Моркоу и Ринсвинд молча смотрели вниз.

Через некоторое время волшебник заметил краем глаза Леонарда. Художник, положив руку на запястье, считал пульс и едва слышно бормотал:

— Десять миль... Гм... Учитывая сопротивление воздуха... скажем, чуть больше трех минут... Да, да, несомненно... И, пожалуй, лучше будет отвернуться... Да... Вот сейчас. Да, лучше закрыть гла...

Мир за опущенными веками стал ярко-алым.

А несколько секунд спустя грохот достиг вершины Кори Челести, вызвав несколько лавин. Но потом все смолкло.

— Как думаешь, они выжили? — спросил Моркоу, пристально глядываясь в клубы по-тревоженной снежной пыли.

— Чего? — не понял Ринсвинд.

— Если они погибли, история получится незаконченной.

— Капитан, они только что пролетели десять миль и упали прямо в эпицентр взрыва, который превратил одну из гор в долину, — сказал Ринсвинд.

— Ну, они могли зацепиться за какой-нибудь ледяной карниз, — предположил Моркоу.

— Или упасть на случайно пролетавшую мимо стаю больших и очень мягких птиц? — хмыкнул Ринсвинд.

Моркоу прикусил губу.

— С другой стороны... Пожертвовать собственной жизнью ради спасения *мира*... Это достойный конец.

— Но сначала они собирались его взорвать!

— И все равно, они поступили очень храбро.

— В некотором смысле да.

— Может, стоит спуститься и проверить? — печально покачал головой Моркоу.

— Там теперь огромный кратер с кипящим камнем! — воскликнул Ринсвинд. — Тут потребуется чудо!

— Всегда есть надежда.

— Ага. А еще налоги. Много что есть всегда.

Вздохнув, Моркоу выпрямился.

— Надеюсь, ты ошибаешься.

— *Надеешься?* Ладно, пора возвращаться. Наши неприятности еще не закончились. Стоявшая чуть поодаль Вена громко высморкалась и заткнула носовой платочек за бронированный корсет. «Пора идти на запах лошадей», — подумала она.

Обломки «Сокола» вызвали среди божественных классов острый, хотя и неодобрительный интерес. Боги не были уверены в том, что именно они видят перед собой, но *заранее* этого не одобряли.

— Думаю, — сказал Слепой Ио, — если бы мы хотели, чтобы люди летали, то дали бы им крылья.

— Но мы же допускаем использование метел и ковров-самолетов, — возразил Оффлер.

— Да, но это *волшебные* предметы. Магия... религия... тут имеется некая связь. А это — попытка нарушить естественный порядок. Да кто угодно сможет летать по миру на такой штуковине! — Он содрогнулся. — И люди будут смотреть на своих богов сверху вниз!

Он посмотрел сверху вниз на Леонарда Щеботанского.

— Почему ты это сделал?

— Показав птиц, вы дали мне крылья, — ответил Леонард. — Я лишь повторил увиденное.

Остальные боги молчали. Как и многие профессионально религиозные люди — а чтобы быть богом, нужно быть настоящим профессионалом, — они чувствовали себя несколько неуверенно в присутствии столь беззастенчиво интеллектуального человека.

— Никто из нас не узнал в тебе своего почитателя, — продолжал Ио. — Или ты — атеист?

— Ну, я определенно верю в богов... — сказал Леонард, окидывая взглядом божественное собрание.

Его ответ, похоже, удовлетворил всех, кроме Рока.

— И все? — спросил тот, и Леонард задумался.

— А еще я верю в тайную геометрию, игру цветов на кромке света и в то, что чудесное есть во всем, — наконец ответил он.

— Стало быть, ты не набожный человек.

— Я — художник.

— Это ответ следует расценивать как «нет»? Я просто уточняю.

— Э... Я не понимаю вопроса, — пожал плечами Леонард. — В такой его форме.

— А мы не понимаем ответ, — сказал Рок. — В такой его форме.

— Но, полагаю, мы кое-чем тебе обязаны, — вмешался Слепой Ио. — Мы не хотим, чтобы говорили, будто боги несправедливы.

— Мы *не потерпим*, чтобы люди говорили, будто боги несправедливы, — поправил Рок. — Я бы предложил...

— Ты можешь помолчать?! — прогремел Слепой Ио. — Мы поступим *как всегда*, спасибо!

Он снова повернулся к исследователям и показал пальцем на Леонарда.

— Твое наказание, — сказал он, — будет состоять в следующем: ты распишешь потолок в Храме Мелких Богов в Анк-Морпорке. *Весь*. Сейчас он пребывает в плачевном состоянии.

— Но это нечестно! — возразил Моркоу. — Он далеко не молод, а великому Ангелино Твибсли понадобилось двадцать лет, чтобы расписать тот потолок!

— Что ж, ему будет чем занять свое пытливое воображение, — буркнул Рок. — И не останется времени на всякие глупые мысли. Это заслуженное наказание тому, кто пытался узурпировать власть богов! Мы-то всегда найдем, чем занять свободные руки.

— Гм-м, — задумчиво произнес Леонард. — Потребуется значительное количество лесов...

- Огромное колифефто, — с удовольствием поправил его Оффлер.
- А характер росписи? — спросил Леонард. — Я хотел бы нарисовать...
- Весь мир, — перебил Рок. — И не меньше.

— Правда? А я думал, будет достаточно покрасить потолок зеленовато-голубой краской и пририсовать пару-другую звездочек, — сказал Слепой Ио.

— Весь мир, — как завороженный повторил Леонард, и перед его глазами возникла картина, видимая только ему одному. — Со слонами и драконами, клубящимися облаками, густыми лесами и морскими течениями, птицами и бескрайними желтыми степями, с узорами штормов и вершинами гор?

- Э... да, — кивнул Слепой Ио.
- И без чьей-либо помощи, — уточнил Рок.
- Дафе для воведения лефов, — добавил Оффлер.
- Какое страшное наказание! — воскликнул Моркоу.
- Но если через двадцать лет... — сказал Слепой Ио.
- Через десять, — поправил Рок.
- ...Через десять лет работа не будет закончена, город Анк-Морпорк будет стерт с лица Диска огнем небесным!

— Гм-м, да, хорошая мысль, — откликнулся Леонард, по-прежнему глядя в пустоту. — Некоторых птиц придется нарисовать совсем крошечными...

- У него шок, — сказал Ринсвинд.

Капитан Моркоу вдруг затих — так перед грозой затихает небо.

— А скажи мне, — обратился к нему Слепой Ио, — существует ли бог стражников?

— Нет, сэр, — ответил Моркоу. — Это слишком подозрительно, когда кто-то называется богом стражников. Стражники никогда не поверили бы в него.

- Но сам ты богобоязненный человек?

— Честно признаться, некоторые божественные поступки путают меня, сэр. Однако, как говорит мой командор, достаточно увидеть сознание человечества, чтобы сразу поверить в реальность богов.

Услышав эту цитату, боги одобрительно заулыбались. Ирония и боги — вещи несовместимые.

— Вот и хорошо, — одобрил Слепой Ио. — У тебя есть какие-нибудь просьбы?

- Сэр?
- Ну, всем от богов что-нибудь да требуется.
- О нет, сэр. Скорее наоборот, это у меня есть кое-что для вас.
- Ты хочешь подарить что-то нам?
- Да, сэр. Чудесную возможность продемонстрировать справедливость и милосердие. Мечты человека — они как воздушный шарик. Порхают себе в небе, но приходит время, когда тоска по дому пересиливает радость полета и... — Моркоу прервался.
- Воцарилась тишина.
- Так тебе воздушный шарик подарить? — несколько неуверенно спросил Слепой Ио. — Такую круглую резиновую штуку с ниточкой?
- Нет, сэр. Я выражался иносказательно. Я имел в виду другое.
- Правда? И что же?
- Позвольте нам отремонтировать «Сокол», чтобы мы могли вернуться домой.
- Это невозможно! — воскликнул Рок.
- А по мне, так вполне разумная просьба, — сказал Слепой Ио, наградив Рока испепеляющим взглядом. — Но это будет его последний полет.
- Это ведь будет последний полет «Сокола»? — повернулся Моркоу к Леонарду.
- Гм-м? Что? О да. Определенно. Теперь я и сам вижу ошибки в его конструкции, но следующий... мпф...
- Что такое? — с подозрением осведомился Рок.
- Где? — спросил Ринсвинд.
- Почему ты закрыл ему рот рукой?
- Кто? Я?
- Да! И продолжаешь закрывать!
- Это все от нервов, — сказал Ринсвинд, освобождая Леонарда. — Я немного взъярен.
- У тебя тоже есть какие-то мечты? — спросил Слепой Ио.
- Что? О нет. Лично я предпочитаю обычный воздушный шарик. Синий. — Ринсвинд вызывающе посмотрел на Моркоу. — Ничего не могу с собой поделать. Мне тогда было шесть лет, понимаешь? Помню одну толстую неприятную девчонку... и булавку. Вообще, мне очень сильно об этом говорить. — Он поднял взгляд на богов, не сводивших с него глаз. — Чего они так на меня таращатся?
- У-ук, — сказал библиотекарь.
- Твой питомец тоже хочет шарик? — поинтересовался Слепой Ио. — Кстати, у нас тут есть один обезьяний бог, и если ты хочешь манго или какой-нибудь банан...
- Ринсвинд почувствовал, как по спине пробежал неприятный холодок.
- На самом деле он сказал, что хочет получить три тысячи каталожных карточек, новую печать и пять галлонов чернил.
- И-ик! — настойчиво произнес библиотекарь.
- Да, конечно. А еще красный воздушный шарик, раз уж вы их бесплатно раздаете.

Отремонтировать «Сокол» было достаточно просто. Несмотря на то что боги, в общем и целом, чувствуют себя немного неуютно рядом с механическими устройствами, буквально во всех пантеонах множественной вселенной существует второстепенное божество (такое, к примеру, как Вулкан, Велунд, Денис или Гефест), которое умеет соединять разные части воедино и отвечает за ремонтные работы.

Всякая крупная организация, к своему громадному сожалению и за свой немалый счет, должна содержать подобного специалиста.

тчайно хватая ртом воздух, Злобный Гарри вынырнул из сугроба. Но буквально в следующее же мгновение твердая рука снова окунула его голову в снег.

— Значит, договорились? — спросил менестрель, стоя коленом на его спине и крепко держа Гарри за волосы.

Голова Гарри опять вынырнула из снега.

— Договорились! — прохрипел он, шумно отплевываясь.

— Но если ты потом скажешь, мол, зря я тебя послушал, ведь Темным Властелинам доверять нельзя, я придуши тебя струной от лиры!

— Где твое уважение?!

— Какое такое уважение? Разве ты не злобный, вероломный, подлый Темный Властелин? — осведомился менестрель, потихоньку пригибая плюющуюся голову к сугробу.

— Да-да, но уважение ведь ничего не стоит, тебе что, жалко... м-м-м...м-м...

— Ты поможешь мне спуститься вниз, а я опишу тебя в саге, как самого злобного, вероломного, несправедливого и порочного Темного Властелина из когда-либо существовавших. Договорились?

— Хорошо, хорошо, но ты должен пообещать... — прочихавшись, забормотал Гарри.

— А если вдруг надумаешь предать меня, вспомни одну вещь. Я знать не знаю никакого Кодекса! И Темных Властелинов я отпускать не обязан!

Они спускались молча. И зачастую с закрытыми глазами (если говорить о Гарри).

Справа и много ниже все еще пузырилось и шипело ставшее долиной предгорье.

— Там даже тел не найдешь, — пробормотал менестрель.
— Ага, — согласился Гарри. — А все потому, что они выжили, понятно? Готов поспорить, в самую последнюю секунду они придумали какой-нибудь хитрый план.

— Гарри...
— Зови меня Кошмар, приятель.
— Понимаешь ли, Кошмар, последние секунды они были заняты тем, что падали в пропасть!
— Но, может, они не падали, а парили? Типа птиц. А там, внизу, множество озер. Или им попался по-настоящему глубокий сугроб?

Менестрель недоверчиво посмотрел на него.

— Ты действительно думаешь, что они могли *выжить*?

На какой-то миг на потрепанном лице Гарри промелькнуло отчаяние.

— Конечно, а как же иначе! — воскликнул он. — Все эти коэнновские речуги... Пустая болтовня! Он не из тех, кто мрет, как муhi. Только не старик Коэн! Я хочу сказать... только не он. Он не из таковских.

Менестрель окинул взглядом раскинувшееся перед ним Пупземелье. Тут действительно были озера, а глубокие сугробы встречались в избытке. Но Орда никогда не одобряла жульничество. За жульничеством — это не к Орде. Ордынцы предпочитали атаковать в лоб. Но, атакуя землю, скорее себе лоб разобьешь.

«Все так перепуталось, — подумал менестрель. — Правду говорил капитан. Боги, герои, самые невероятные приключения... Но все кончается, когда умирает последний герой».

Он никогда не любил героев, хотя понимал, что нуждается в них, как в лесе, как в горах... Их было не видно, но они заполняли пустоту в сознании. Пустоту, которая имеется у каждого.

— Все будет в порядке, — сказал за его спиной Злобный Гарри. — Скорее всего, они будут ждать нас у подножия гор.

— А что это там такое висит? — воскликнул вдруг менестрель.

Вскарабкавшись по скользким скалам, они увидели то, что осталось от колеса кресла-каталки Хэмиша Стукнутого.

— Это еще ничего не значит, — разразил Злобный Гарри, отбрасывая обломки в сторону. — Пошли, надо поторапливаться. Это не та гора, на которой хочется заночевать.

— Ты прав. Это ничего не значит... — эхом откликнулся менестрель. Сняв с плеча лиру, он принял настройивать ее. — Это *совсем* ничего не значит.

А еще, прежде чем уйти, он достал из кармана маленький кожаный мешочек. Он был полон рубинов.

Бард высыпал рубины на снег — по сугробам сразу заплясали алые отблески — и пошел дальше.

Поле было покрыто толстым слоем снега. Кое-где виднелись вмятины, как будто сверху на поле с огромной скоростью что-то упало, но ветер уже сглаживал края провалов.

Семь всадниц мягко опустились на снег, и вот что было странным в этом снеге: следы от копыт появлялись на нем не там, где лошади касались земли, и не в тот момент, когда они ее касались. Эти следы выглядели *наложенными* на этот мир, словно бы их сначала нарисовали, но у художника не хватило времени, чтобы нарисовать реальность.

Они немного подождали.

— Нет, мы так не договаривались, — сказала наконец Хильда (сопрано). — Они обязаны быть здесь. Они ведь умерли и сами прекрасно это знают.

— А может, мы местом ошиблись? — спросила Гертруда (меццо-сопрано).

— Дамы? Не могли бы вы спешиться? Пожалуйста.

Седьмая валькирия, обнажив меч, мило им улыбалась.

— Какая дерзость! Эй, ты ведь не Гримгильда!

— Нет, но думаю, вас шестерых я легко поколочу, — сказала Вена, отбрасывая в сторону шлем. — К примеру, вашу Гримгильду я одной левой засунула в сортир. Так что будет лучше, если вы сами спешитесь.

— Лучше? Лучше, чем что? — уточнила Хильда.

Госпожа Макгарри вздохнула.

— Лучше, чем это, — сказала она.

Из-под снега выпрыгнули старики.

— Добрый вечер, мадам! — воскликнул Коэн, хватая лошадь Хильды под уздцы. — Ты послушаешься, или об этом должен попросить мой друг Маздам? Правда, он немногого... дикий.

— Хур-хур-хур!

— Да как вы смеете...

— Смею, госпожа, все смею. Слазь, пока я тебя не скинул.

— Но послушайте!

— Прошу прощения? Прошу прощения? — забормотала Гертруда. — Вы ведь... мертвы?

— Вилли, мы мертвы? — спросил Коэн.

— Должны быть мертвы, но я себя чувствую очень даже живенько!

— Я жив! — взревел Хэмиш Стукнутый. — И задам трепку любому, кто посмеет сказать, будто я мертв!

— От такого предложения невозможно отказаться, — сказал Коэн, вскакивая на лошадь Хильды. — По коням, парни!

— Но... прошу прощения? — повторила Гертруда, принадлежавшая к классу людей, которые страдают неизлечимой вежливостью. — Предполагалось, что мы перенесем вас в великий Зал Павших. Там уже приготовлены медовуха, жареная свинина, предусмотрены даже драки во время перемены блюд! Все только для вас! Вы же сами этого хотели! Банкет оплачен!

— Правда? — хмыкнул Коэн. — Что ж, большое спасибо. Но, к сожалению, мы не сможем присутствовать.

— Но именно туда должны попадать герои, павшие смертью храбрых!

— А я разве подписывал какое-то обязательство? Что-то не припоминаю, — пожал плечами Коэн и посмотрел на небо. Солнце садилось, уже появились первые звезды. И каждая — это целый мир? — Эй, госпожа Макгарри, ты по-прежнему не желаешь к нам присоединиться?

— Покамест нет, мальчики, — улыбнулась Вена. — Пока я не готова. Но, может, в другой раз?

— Договорились! Ну, что ж, нам пора. Еще столько дел...

— Но... — Госпожа Макгарри оглянулась на заснеженное поле. Ветер заносил снегом... некие формы. Она увидела торчащую из сугроба рукоять меча, чуть дальше — припорошенную снегом сандалию. — Так вы умерли или нет?

Коэн тоже скользнул взглядом по полю.

— Ну, тут дело обстоит следующим образом. Мы себя мертвыми не считаем, а на мнение других мы плевать хотели. Плевали, плюем и будем плевать. Хэмиш, ты готов? Тогда, парни, за мной!

Вена проводила взглядом бредущих обратно на гору валькирий, о чем-то переругивающихся меж собой, а потом стала ждать. У нее было ощущение, что ей есть чего ждать.

Некоторое время спустя она услышала лошадиное ржание.

— Ты за мной? — спросила Вена, посмотрев на всадника.

— Я БЫ ПРЕДПОЧЕЛ ИЗБЕГНУТЬ ПРЯМОГО ОТВЕТА НА СЕЙ ВОПРОС, — ответил Смерть.

— Но ты здесь, — сказала Вена, хотя в данный момент она скорее чувствовала себя госпожой Макгарри.

В отличие от госпожи Макгарри, Вена, скорее всего, убила бы пару-другую валькирий, чтобы впредь ей не перечили, но все они были такими *молодыми*...

— КОНЕЧНО. ПОТОМУ ЧТО Я — ВЕЗДЕ.

Госпожа Макгарри подняла голову к звездам.

— В старые времена, — промолвила она, — если герой проявлял себя действительно геройски, боги помещали его среди звезд.

— НЕБЕСА СИЛЬНО ИЗМЕНИЛИСЬ, — пожал плечами Смерть. — ТОТ, КТО СЕГОДНЯ ВЫГЛЯДИТ ВЕЛИКИМ ОХОТНИКОМ, ЛЕТ ЧЕРЕЗ СТО МОЖЕТ СТАТЬ ПОХОЖИМ НА КАКОЙ-НИБУДЬ КОВШИК.

— По-моему, это несправедливо.

— А НИКТО НЕ ГОВОРИЛ О СПРАВЕДЛИВОСТИ. НО ВЕДЬ ЕСТЬ И ДРУГИЕ ЗВЕЗДЫ.

А обравшись до лагеря Вены у подножия гор, Гарри развел костер, а менестрель тем временем сидел чуть в сторонке и задумчиво пощипывал струны.

— Я хочу, чтобы ты услышал это, — вдруг сказал он и начал играть.

И его песня длилась целую вечность.

Когда же смолкли последние ноты, Злобный Гарри украдкой смахнул слезу.

— Конечно, над ней еще нужно поработать... — странным, далеким голосом пробормотал Менестрель. — Но скажи, тебе понравилось?

— Ты спрашиваешь, понравилось ли мне? — переспросил Злобный Гарри. — То есть... она может стать еще лучше?

— Да.

— Это не похоже на... настоящую сагу, — хрюкнув выдавил Гарри. — Тут есть *мелодия*. Ее можно наслаждаться. Или мурлыкать. Она даже звучит, как *они*. То есть так, как они бы звучали, если бы вдруг стали музыкой...

— Хорошо.

— Она... прекрасна.

— Спасибо. Но когда ее услышат люди, она станет еще лучше. Это музыка, которую должны слушать люди.

— И... мы так и не нашли тел, — сказал очень мелкий Темный Властелин. — Значит, вполне возможно, они сейчас где-то живут.

Менестрель тронул струны лиры. Струны замерцали.

— Возможно, — согласился он.

— Слушай, парень, — вдруг вспомнил Злобный Гарри, — я ведь даже не знаю, как тебя зовут.

Менестрель наморщил лоб. Он сам не был уверен, как его зовут. Не знал, куда пойдет, чем будет заниматься, но почему-то ему казалось, что, начиная с этого момента, его жизнь станет куда более увлекательной и интересной.

— Я просто певец, — сказал он.

— Сыграй-ка еще раз, — попросил Злобный Гарри.

Р

инсвинд часто-часто заморгал, потом глаза его удивленно расширились.

— Нас только что обогнали какие-то всадники, — сообщил он, отворачиваясь от иллюминатора.

— У-ук, — ответил библиотекарь, что, очевидно, означало: «Кое-кто из нас очень занят, поскольку должен управлять кораблем».

— Я просто хотел поделиться.

«Сокол», виляя, будто пьяный клоун, поднимался на столбе горячего воздуха, исходящего из далекого кратера. Леонард дал только один совет, после чего удалился в заднюю часть кабины и сидел там так тихо, что Моркоу всерьез обеспокоился.

— Он просто сидит и шепчет «десять лет!» и «весь мир!», — сказал он. — Наверное, пребывает в шоке. Это было страшное наказание!

— Но выглядит он вполне довольно, — возразил Ринсвинд. — Постоянно что-то рисует. А еще просматривает иконографии, которые ты сделал на луне.

— Бедняга. Наверное, разумом повредился. — Моркоу наклонился вперед. — Мы должны как можно быстрее доставить его домой. Какой там должен быть курс? На вторую звезду слева и так до самого утра?

— По-моему, это самая тупая инструкция по астронавигации, которую я только слышал, — откликнулся Ринсвинд. — Думаю, нужно лететь на свет. И всячески избегать смотреть на богов сверху вниз.

— Это будет нелегко, — кивнул Моркоу.

— Практически невозможно, — согласился Ринсвинд.

А в месте, не указанном ни на одной карте, лежал на своей вечной скале бессмертный Мазда, некогда подаравший людям огонь.

После первых десяти тысяч лет память начинает выкидывать самые дурацкие шутки, поэтому он даже не понял, что произошло. Откуда-то с неба свалились какие-то старики на лошадях, расковали его, напоили и долго жали его иссохшую руку.

А потом исчезли среди звезд так же быстро, как появились.

Мазда прилег обратно в углубление, которое за многие века прорублено в скале его тело. Кто эти люди? Откуда они? Почему они были так счастливы? На самом деле он был уверен лишь в двух вещах.

Во-первых, приближался рассвет.

А во-вторых, он сжимал в руке очень острый меч, который дали ему старики.

Мазда слышал, как вместе с рассветом приближается свист орлиных крыльев.

Это будет здорово.

 огласно установленному порядку ве-щей, те, кто спасает мир от неминуемой гибели, редко когда удостаиваются за-служенных лавров. Ведь, когда неминуемая

гибель так и не наступает, люди начинают сомневаться: так ли уж неминуема она была? А значит, простого «спасибо» будет вполне достаточно.

«Сокол» совершил достаточно жесткую посадку на гофрированную поверхность реки Анк, а потом, как это обычно происходит с оставленной без присмотра общественной собственностью, которая вроде бы никому не принадлежит, перешел в частную собственность множества горожан.

А Леонард принялся отрабатывать возложенную на него епитимью, что было весьма одобritoительно воспринято анк-морпоркским духовенством. Ведь именно так и воспитывается истинная набожность.

Однако буквально через три недели после описываемых событий лорд Витинари получил срочное сообщение. Немало удивленный, он покинул дворец и прибыл к Храму Мелких Богов, который окружала огромная толпа.

— Что происходит? — резким тоном осведомился патриций у священнослужителей, осторожно заглядывавших в двери храма.

— Богохульство! — вскричал Гьюон Чудакулли.

— Почему? Что он нарисовал?

— Дело не в том, что он нарисовал, милорд. То, что он нарисовал... поразительно. Но он уже закончил!

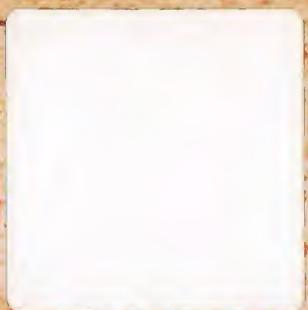

Высоко в горах бушевала снежная буря, однако даже она не могла затмить алое сияние. Оно светило всю зиму, а когда пришла весна, рубины засверкали еще ярче, переливаясь на солнце.

Никто не помнит, как зовут певца. Только песня пребудет вовек.

2-15-1

Читай-город

23.01.2018 ООО "ГРАМОТА"

Последний герой Сказание о Плоском Мир
(Илл. Пола Кидби)

9785699174133

ВК:

Цена 751 руб.

РЧ

Ект6

149
Микромир
392595
Код
2087394
ТБК
11-1511